

Татьяна Коростышевская

Внучка бабы Яги

Посвящается маме, которая в меня верила

ГЛАВА 1

О добрых предзнаменованиях, народных обычаях и неудачном сватовстве

Заря-заряница, красная девица, по лесу ходила, ключи потеряла; месяц видел, солнце скрало.

Ах! Какое замечательное бабье лето выдалось! Сочное оранжевое солнышко ласково припекало мою макушку, в воздухе носились запахи прелой листвы и невесомые ниточки паутины. Примета есть: на кого такая паутинка прилетит — тому в любви счастье. Недаром пауки считаются у нас символами домашнего благополучия.

Поминутно отплевываясь — счастливое предзнаменование так и норовило залепить губы, — я перехватила поудобнее корзинку с грибами. Только белые, другие бабушка и за грибы не признает; ну, может, еще мухоморы, только их она собирает сама, и по ночам, а мне не велено.

— Лутона-а-а! — Протяжный крик с другого берега Смородины заставил меня поторопиться. Подруга Стешенька, дочь мельника, стоя на мелководье, орала во все горло.

— Аюшки! — мелодично откликнулась я. — Иду-у...

Брод в двух шагах. Не замочив даже подола, я довольно скоро оказалась нос к носу со Стешей.

Подруженька покраснелась от быстрой ходьбы, из толстой девичьей косы рыжими пружинками выбивались прядки волос. Переводя дух, Стеша схватила меня за свободную руку и потащила в сторону деревни.

— Лутона, поспедай. Сваты приехали. От Еремея.

— Вот радость-то! — Я бросила на землю лукошко и стала тормозить подругу.

Стешенька страдала за Еремеем с лета. На Иванов день молодой купец приметил, как дородная дочь мельника водит хороводы с подругами, и вечером увлек красавицу от купальского костра — цвет папоротника искать. Вот и повенчались, под ракитовым кустом, красна девица с добрым молодцем. Дело известное. У нас в деревне не впервой. Пряный купальский дух и не такое с молодыми людьми творит. А уже потом, когда праздничный угар остается позади и возвращается способность трезво мыслить, тогда засылаются сваты, сговариваются о свадьбе. И дети, которых в эту волшебную ночь зачинали под серебряными звездами, рождаются здоровенькими и бойкими. А бывает, что ничем заканчиваются праздничные забавы. И сладкие воспоминания будоражат кровь долгими зимними вечерами.

Тут я заприметила что-то неладное. Пригляделась. В ярких, будто васильки, глазах девушки застыли росинками невыплаканные слезы.

— Стешенька, голубушка, али не рада ты? — спросила я подругу, заглядывая в ее наспуленное лицо.

— Эх, Лутона... — Ручейки полились по румяным, как наливные яблочки, щекам. — Сваты от Еремея к тебе пожаловали.

Я застыла соляным столбом. Вот и не верь в паутинные приметы после этого. Сваты? Ко мне? Да бабушка их сейчас в печи запечет. Она на расправу быстра. Или проклянет так, что не обрадуешься. Быстрей! Надо бежать, спасти людей, бабушку корнем валерианы отпаивать. А то и до беды недалеко.

Только ноги отяжелели чего-то. И шагу ступить не могу. Сердце забило часто-прещасто, того и гляди вырвется из груди и взлетит голубем сизым под самые небеса. Меня замарашку, чернавку такой завидный жених приметил! Ай да я! Ай да...

Только дурно такие мысли в голове держать. Знаю же, что любовь всякая и свадебная кутерьма не для ведьминых внучек. Да и подруженьку жалко. Не уберегла девичьей

честь, что ж ей теперь — одной вековать? А Еремей-то! Вот гусь! Сорвал ягодку спелую и в кусты! Неправильно это, не по-людски. Злость прибавила мне решимости.

Наскоро успокоив Стешеньку и клятвенно пообещав, что я за Еремея не пойду, с корзиной в одной руке и подолом в другой я понеслась домой.

Избушка наша стояла на окраине села. Вросшая одной стеной в землю и покрытая зеленым мохом, она иллюстрировала присказку «моя хата с краю» с точностью до наоборот. Моя бабуля знала все. К ней ходила вся деревня за отварами, примочками, приворотами, отворотами, заговорами. А уж разговорить клиента и направить беседу в интересующее ее русло моя бабуля умеет как никто другой. В конце концов, ведьма она или не ведьма?

У нашей калитки топталась небольшая группа сельчан, внимательно прислушиваясь к происходящему в доме. А внутри бушевала буря. Да такая, после которой вековые дубы корнями наружу остаются. Бабуля у меня, если заведется, всем мало не покажется. Ее низкий голос разносился по округе, как звуки набата.

— Ишь чего охальник удумал! У вас товар, у нас купец...

Бум! Бац! Шмяк! Дзинь!

Наша нехитрая домашняя утварь завершала свой жизненный путь на ступеньках крыльца, картинно перелетая через порожек. Вслед за плошками и горшками из дома выскочили старосты. Подпихивая кочергой зазевавшегося молодчика в вышитой рубахе, во двор скоро выскочила бабушка.

— Это что же делается, люди добрые! — завела старушка, стреляя разноцветными глазами по сторонам. — Я ж за ней ночей недосыпала, кусок недоедала! А она, неблагодарная, хвостом перед парнями крутить!

Все эти стенания не отвлекали бабулю от основной задачи. С молодецким задором, приволакивая костяную ногу, она кочергой гоняла по двору уже подуставших старост. Благодарные зрители улюлюкали и, кажется, бились об заклад, поправит Яга Сеньке Косому больной глаз или последнего здорового лишит.

Увидев меня, сельчане молча расступились. Я опустила пониже голову, глядя под ноги, будто в серой дорожной пыли скрывались ответы на все вопросы мироздания, и засемила к дому.

— И чего там купец только высмотрел? Худа, черна как смерть. Приворожила она Еремея, точно говорю.

Это соседки перешептываются. Да, вот так в голос и перешептываются. Чтоб все слышали. А иначе чего вообще язык трудить, если не слышит никто?

— То ли дело твоя Лизавета. Ну чисто яблочко наливное. И хохотушка, и пригожа, и румяна, и есть за что ущипнуть.

А как же, Старостину Лизавету — щипать не перещипать. Ее пока обхватишь, пока место подходящее на боку отыщешь, вообще щипаться передумаешь от усталости. И смеется она так, что горшки трескаются.

Чего я вредничаю? Не иначе, завидно на дородную красоту заклятой подруги. Почитай, с весны мы с Лизкой собачимся при каждой возможности. Как все началось? Этого не скажу — не упомяну вот так сразу. Вроде с того, что я ей на нос три огромных чиряка наговорила. Как раз по числу ликов, которым она по полста раз в день поклоны бьет. (Староста наш — Платон Силыч, все семейство в храм приучил ходить — Трехликому поклоняться.) А волшебу я утварила не просто так, а за то, что Лизка обозвала меня в глаза байстрючкой и больно дернула за косу, когда я за водой к артельному колодцу шла. А она меня словами срамными поносила за то, что я ей на подол остатками воды из ведра плеснула. А я тоже не просто так накуролесила, а по причине. Вот ее, эту первопричину, я и не помню. Да только конца-краю нашим баталиям теперь не видать. Бабушка говорит — «девчачьи глупости», я говорю — «вражда до последнего вздоха».

— Надо бы чернавку огню очистительному подвергнуть! А чего, предки наши завсегда

так с ведьмами поступали...

— Правильно! Костер разберет, где ведьма белая, а где черная...

Ну, положим, жариться мне неохота. Не верю я в мудрость очистительного огня. И в том, что стихия может определить «цвет» ведьмы, тоже сомневаюсь. Если б все так просто было: белое да черное, как на доске для игры в заморскую игру под названием «шахи», житье бы настало, как в сказке — тишь да благодать. И думать совсем не надо — делаешь все по распорядку, горя не зная.

— Каленым железом! Жечь скверну дотла! Только так!

Я резко подняла голову. Какие люди! Разбитная молодуха Матрена своими благонравными мыслями с соседями делится. Мыслей у нее много, и все правильные да повсеместные. Весь мир на себе баба держать готова. А если что, к кому железо калить побегут? Правильно! К Матрениному мужу — кузнецу нашему Лаврентию. Все в хозяйстве прибыток.

Встретившись со мной взглядом, Матрена завизжала как резаная и зачастила:

— Ой, бабоньки, сглазила, как есть сглазила. Ой! — она схватилась за живот. — Скину! Живой плод скину! У-у-у, ведьма...

Я, конечно, могла поставить вздорную Матренку на место. Знаю я пару тайн дорогой соседки, да таких, за какие побитие камнями грозит, не меньше. Но до того ли мне сейчас? К тому же обижать непорочную бабу — последнее дело.

Кто-то из мужиков цыкнул на молодку с укоризной:

— Пожалеть девку надо. Прибьет ее Яга, не помилует кровинушку.

То ли совесть в народе проснулась, то ли ожидание расправы остудило толпу, только бабы примолкли. В этой тишине я и вошла в дом.

Бабушка юркнула за мной. Дверь захлопнулась самостоятельно, засов аккуратно въехал в пазы, отсекая уличную маету.

— Ну и что это за балаган? — спросила я, устраиваясь на лавке, сдвинув в сторону чучело гигантского муравьеда.

Бабушка обиженно поджала губы:

— Ужо и повеселиться на старости не дают.

Потом морщинки в уголках рта разгладила радостная улыбка.

— Видала, как я их?

— Да, бабуля, накуролесила вдосталь. Парни теперь седмицу заикаться будут.

— Угу. — Привычным пассом от двери Яга распахнула окошко. — Теперь, Лутоня, покричи погромче для достоверности.

Пока я стенала, топала ногами и звенела остатками посуды, из печи появился горшок с аппетитной рассыпчатой кашей. Сама собой расстелилась скатерть на дочиста выскобленном деревянном столе, и явилось угощение. Из воздуха возникли новые, расписанные невиданными цветами тарелки, на которых тут же рядками устраивались ломтики козьего сыра и душистые букетики зелени. Вот завсегда бабуля знает, чем меня порадовать!

Захлопнув окно по-простому, без колдовства, я устремилась к столу. С утра маковой росинки во рту не было.

Я с довольным урчанием поглощала яства, а бабуля тем временем, не мешкая, приступила к допросу:

— А скажи мне, красавица, чего это вдруг купец тебя заприметил?

Кусок стал мне поперек горла. Слезы навернулись на глаза. Уставившись на свои обветренные руки, лежащие поверх скатерти, я собиралась с духом.

— Пару седмиц тому на Идоловой поляне, тогда еще показалось, будто смотрит кто... Да не могла я подумать даже... Он же со Стешенькой люби-и-ится... — Тут я с чувством разрыдалась.

— Ну, будет, будет сырость-то разводить.

Скрюченные бабушкины пальцы ласково касаются моей головы. И вся боль и горечь отступают, развеиваются под плавными, уверенными движениями. Низкий голос колдуньи успокаивает. Яга бормочет задумчиво:

— Как-то ты быстро в пору вошла, я и не заметила...

Я неуверенно шмыгнула носом. Бабушка жестом ярмарочного фокусника вытащила из рукава чистую тряпицу — мне утереться и продолжала уже другим тоном:

— Значит, так, голубушка, ты накуролесила — тебе и исправлять. Еремея-то в лес увлечи. А что дальше делать — сама знаешь.

В моих руках, будто ниоткуда, появился костяной гребень с частыми неровными зубцами. Подушечки пальцев морозно закололо, и я поспешила спрятать вещицу за пазуху.

Пока бабушка споро перебирала грибы, я продолжила трапезу. План действий сложился сразу. Только вот его исполнение могло потребовать посторонней помощи. К кому обратиться, я уже немного представляла. Леший должен мне помочь. Есть у него ко мне должок, вот пусть и отработает. Заморочит купца, увлечет на Идолову поляну, напустит чар сонных. Они, лешие, это дело знают. Тут уж и я появлюсь с гребнем на изготовку. Расчешу медно-русые кудри Еремея, он обо мне и думать забудет. Полезно иметь в хозяйстве разные вещи волшебные на такой вот аховый случай. Тут главное не переусердствовать, чтоб купец не забыл больше, чем надо. Значит, когда он меня без одежды видел? Две седмицы? Для надежности будем считать — три. Тогда заговор можно попроще выбрать. Заклинание-то я верное найду, нужно только время обряда отсчитать.

Ленивое течение мыслей прервал громкий стук в дверь. Кто это еще пожаловал? Бабка надела на лицо выражение свирепости и щелкнула пальцами, отодвигая засов. На пороге стоял бледный, но решительный Еремей. Его голубые глаза метали молнии, но впечатление портили дрожащие губы. Куда девать руки, купец явно не знал, поэтому правой картинно оперся о дверной косяк. Я мышкой шмыгнула за печь. Когда говорят старшие, не встречай! Привалившись спиной к теплому печному боку, я приготовилась слушать.

Еремей молчал, видимо собираясь с духом. Бабуля его не торопила. Передышка грозила затянуться. Запечная пыль предательски щекотала у меня в носу, и, пытаясь сдержать рвущийся наружу чих, я зажала рот руками. Не помогло.

— Будь здорова, красавица, — отмер молодец.

— Благодарствуйте, — пискнула я, оставаясь в своем укрытии.

— Надо чего? — вежливо вступила бабуля.

— Ты, это, девку-то не гноби...

Судя по звуку, Еремей разговаривал, не покидая стратегического дверного косяка.

— Дверь закрой, дует. Чай не девочка уже под сквозняком сидеть.

Скрипнула лавка — бабуля устраивалась за столом. Хлопнула дверь, заговорили половицы под тяжелыми шагами... Опять лавка. Значит, оба сели, сейчас разговор и начнется. Я наострила ушки.

— Ты, ведьма, не дури. Внучка у тебя справная. А с лица воду-то не пить...

Зря он так на бабулю. Нарвется — потом костей не соберет. Ну вот, бабкин голос задрожал от ярости:

— Не в коня корм, добрый молодец.

— И чем же я тебе не подхожу? Сам справный, мощна полна. По разным заморским странам-государствам поездил, повидал всякого. Да и внучку твою не обижу. Будет при мне, мир посмотрит...

— Лутона! Подь на двор, овса скотине задай.

Я выглянула из-за печи:

— Так нетути у нас живности...

Бабушка так свирепо цыкнула зубом, что я решила поумничать где-нибудь в другом месте и опрорхотью выбежала из горницы, придерживая подол сарафана руками и отбивая дробь босыми пятками.

На дворе было скучно. Послонявшись под запертым окошком и убедившись, что снаружи ничего не слышно, я подошла к кадке с дождевой водой. Зеркал у нас с бабулей в заводе не было, так что с детства я привыкла любоваться на свое отражение, подернутое водной рябью. Любоваться — это не то слово. Сколько себя помню, раз, а то и два в седмицу бабушка протирала мою мордочку отваром ореховой шелухи, усиленным какими-то заговорами. Поэтому мое рябое, в коричневых безобразных потеках лицо ничего, кроме жалости и отвращения, в людях не вызывало. Когда я только в тело вошла — лет эдак в тринадцать, я все пыталась уговорить родственницу сжалиться надо мной, но бабуля была непреклонна.

— Девонька моя, светик мой ясный, нельзя нам перед людьми-то открываться. Увидят местные красоту твою ненаглядную, судачить начнут. А слухи знаешь как быстро расходятся?

— А-а-а! — рыдала я, размазывая по мордахе соленые слезы. — А чего меня все замарашкой кличут! И парни смеются!

— Да пусть смеются, здоровее будут. Не пара ты им, олухам деревенским.

Именно в такие моменты на свет появлялась старинная подвеска в виде бабочки, охватившей крыльями гладкий янтаринный шарик. В воздухе разливался тяжелый мускусный дух. Я сжимала амулет в ладошках, чувствовала, как его спокойное тепло изливается в меня через истончившуюся кожу рук, и уговаривала себя потерпеть чуточку. Ждать-то всего ничего. Я так привыкла думать, что как только мне стукнет восемнадцать, жизнь чудесным образом переменится, что на окружающую действительность обращала очень мало внимания. Косые взгляды, обидные слова доходили до меня, будто через толщу воды, теряя по дороге большую часть своей силы. Из сельчан более-менее сдружилась я только со Стешенькой. Ее тоже в деревне не жаловали. Знамо дело, мельник-то заодно с демонами. Кто ж еще поможет жернова прокручивать? А кто стучит по ночам в опустевшей мельнице, когда весь честной люд видит десятый сон? Демоны, не иначе! Да только дядька Степан, отец Стеши, был, как говорится, ни сном ни духом. Никаких темных обрядов не проводил, жертвенных животных над водой не закалывал. Он просто хорошо делал свою работу. Отчуждение окружающих относил на счет своего нелюдимого нрава. Жена мельника умерла родами, поэтому всю свою любовь он направил на дочь, только что пылинки с нее не сдувал. Стеша вертела папанькой, как хотела, регулярно получая дорогие обновки и мелкую денежку на немудреные девичьи развлечения. Жадной или высокомерной она не была. Именно подруга оплачивала наши с ней походы на ярмарки, просмотры скоморошских представлений и (о, ужас!) шкалик-другой пряной медовухи под настроение. У меня-то денег отродясь не было. А если бы бабуля узнала о наших похождениях, то не бывать бы, наверное, еще и половине волос и возможности сидеть, как все нормальные люди. Воспитывалась я в строгости и, что такое вымоченные в рассоле розги, знала не понаслышке.

Солнце было уже в зените, когда дверь нашей избушки отворилась и на крыльцо, пошатываясь и шурясь от яркого света, медленно выполз Еремей. Мазнув по мне

равнодушным взглядом, пошел со двора, неуверенно переступая большими ногами, обутыми в дорогие кожаные сапоги. Вот и вся любовь. Бабушка свое дело знает. И гребень волшебный не понадобился. Мне почему-то сделалось грустно.

Бабуля сидела за столом, подперев голову рукой, распространяя стойкие сивушные ароматы и напевая под нос срамные частушки. Понятно теперь, на что купца заморочила. Ни один мужик перед зеленым вином не устоит, а уж перед усиленным бабулиными наговорами и подавно. Вздохнув, я помогла родственнице устроиться на лавке, укрыла ее лоскутным одеялом и наострилась бежать к подруге.

— Стоять! — Грозный окрик застал меня в дверях. — Ты чего это удумала?! Если бабушка приболела, так и баклуши бить можно?

Поняв, что от учебы отлынить не удастся, я, послушно сдвинув в сторону плетеные половички, открыла тяжелую кованую дверь подпола.

— Лентяйка, лоботряска, загуменщица, — продолжала ругаться бабка, даже когда я уже нырнула в привычную душную полутьму тайной комнаты.

Поздним вечером, когда на небе уже зажглись звезды и весь честной люд давно видел пятый сон (а иначе никак, встать-то с петухами), к нам в двери поскреблась соседка Матрена. Разговор, видимо, предстоял непростой. Бабулино желание выгнать меня во двор, чтоб не услышала чего лишнего, на этот раз не исполнилось. Я залезла на печь, многозначительно позевывая. Да что ж это такое! Даже поспать вволю кровиночке не дают! Сонное заклятие, пущенное мне вслед ушедшей родственницей, я не без труда отбила встречным зарокотом (все-таки в самостоятельных занятиях по старинным книгам тоже есть толк) и, чтоб никого не обидеть, бойко захрапела. Поглядывать сквозь полуприкрытые веки мне это не мешало. С высоты печи все было видно. А тем временем в горенке разворачивалось представление, до которого всем ярмарочным скоморошным потугам было далеко.

Матрена рыдала. На чистую седмицу из города возвращается муж, скорый на расправу кузнец Лаврентий. Нарочно так подгадал, чтоб к появлению на свет наследничка успеть. Казалось бы, живи да радуйся да к повитухе на поклон иди, чтоб загодя договориться. Ан нет. Уверена Матрена, что не до веселья будет кузнецу, когда кровинушку-то узрит да станет сходство с собой, болезным, искать. Я б на его месте тоже не ликовала. Маленькие лешаки рождаются корявенькими, похожими на зверят, а вовсе не на нормальных человеческих младенцев. А то, что Матренин животик — плод стараний местного лешего, ни у меня, ни у бабули сомнений не вызывало. Лесовик у нас обстоятельный, только очень уж одинокий, всем бабам куры строит, ну просто проходу не дает. Как он глупую кузнечиху зацепил? Ведь в наш лес по грибы или там по ягоды в одиночку ходить не принято — гуртом сподручнее. И выбираться легче, когда заплутает тропинка, казалось бы, с детства знакомая, начнет чудить, выводить в буреломы непролазные или болота топкие.

А Матрена все подвывала, проливая горючие слезы:

— Ведь убьет же он меня, горемычную, как есть убьет... Любые деньги плачу, ничего не пожалею.

— А от меня чего надо? — недоумевала бабушка. — Морок какой навесьть, чтоб муж за своего младенца посчитал? Так соседи ему глаза быстро откроют. Всю деревню заморочить не получится.

— Бабушка-а-а, а пусть его не будет, младенца, а я уж потом... Да ни с кем, кроме мужа, да ни в жизнь...

Вот ведь змеюка, что удумала! Младенца в утробе извести! Да в чем дитенок-то виноват? От волнения я даже храпеть забыла и чуть было не ринулась у соседки патлы выдирать. Косой бабушкин взгляд пригвоздил меня к месту.

Ёжкин кот! Неужели заметила? Да нет, кажется. Вон и не смотрит в мою сторону даже. Только ярко блестят в полутьме ниточки Матрениной судьбы, перебираемые сухими старушечьими руками.

— Значит, так, Матрена! — Звучный голос колдуньи, казалось, заполнил все пространство горенки. — Завтра после третьей звезды придешь на развилку за погостом, принесешь чистую тельную рубаху и нож...

Соседка мелко кивала и шевелила губами, стараясь поточнее все запомнить.

— Нож принесешь новый, где возьмешь — не моя забота. От горя твоего я тебя избавлю.

Рябое от беременности Матренино лицо озарилось надеждой.

— Ты взамен службу мне сослужишь, когда время придет.

— Какую такую службу? — До кузнечихи стало доходить, с кем она связалась.

— О том не ведаю. Только помни, в любой час, в месте любом, если подойдет к тебе человек или еще кто (в этом месте соседка побледнела до синевы) и скажет: «По моему хотенью, по Яги веленью...», ты его наказ исполнишь.

— А иначе?

— А иначе, девонька... — Колдунья многозначительно провела рукой по горлу. Матрена сомлела и грузно сползла с лавки.

Время тянулось медленно. Ночная гостья, отпоенная специальным укрепляющим снадобьем, давно отправилась восвояси, а бабушка все не ложилась. Шебуршала чем-то, доставала из сундука плотно спеленатые мотки пряжи, нарядную панёву, ласково перебирала длинные нити янтаринных бус. Масляная лампа чадила на столе. Я глотала злые соленые слезы. Хуже нет, чем против родни идти, только ребенка я ей загубить не дам. Лешего он там, или водяного, или еще чей — мне без разницы.

Но вот наконец погас свет, заскрипела лавка. Равномерное хриповатое дыхание возвестило о том, что старушка отошла ко сну. Я нащупала под подушкой волшебный гребень и решительно слезла с печи. Огонь зажигать не стала, понадеялась на свое ночное зрение (есть у нашей семьи такая особенность). На цыпочках подкравшись к спящей бабуле, я осторожно потянула на себя кончик ее косы. В воздухе разлился знакомый запах приближающейся грозы, гребень споро принялся за работу, расчесывая послушные пряди... (Яга, хоть давно уже не девочка, волосы имеет богатые, длинные, с благородным собольим оттенком — любая молодуха обзавидуется.) Я шепотом бормотала заклинание забвения, пока колдовская безделушка стирала из памяти пожилой ведьмы разговор с Матреной. Потом заплела бабушкины волосы, спрятала гребень в хитрый запечный тайник и отправилась на боковую, немного сожалея, что сделанного не воротить.

Снились мне тугие от ветра паруса, соленые брызги, крики морских птиц и кто-то темный, непознанный, ускользящий от прямого взгляда, подобно тающему на солнце туману. И только жаркий шепот: «Где же вы, моя алмазная донна?» — и дыхание на моей щеке, и незнакомое доселе томление...

Проснулась я в испарине, с заветренными губами и щеками, пылающими, будто с мороза. Бабушка все еще смачно похрапывала, завернувшись с головой в лоскутное одеяло. Умаялась, бедняжка, от моей ночной волшбы, ну так пусть отдохнет, сил наберется. А мне думать надо да дело делать. Матрена ведь не успокоится, пока по ее все не будет. Да и слово ведьмовское никто отменить не в силах. Обещала бабуля дуру деревенскую от докуки избавить, надо выполнять. А иначе...

Охохонюшки, про это «иначе» даже думать не хочется — страшно! Быстро одевшись и прихватив в дорогу краюху душистого хлеба, я отправилась в лес.

На дворе было довольно свежо. Эх, пора доставать из сундука справные юфтяные сапожки — холодать стало, а то ведь и застудиться недолго. Выбивая зубами бодрую дробь, я прибавила шагу, чтоб согреться. Деревня быстро осталась позади. Я, сделав небольшой крюк, чтоб лишний раз ноги не мочить, перебралась через реку по мосткам.

Лес принял меня, будто матушка раскрыла объятия непутевому чаду, как только я сошла с утоптанной тропки. Палая листва приятно покалывала босые ноги. Вкусно пахло смолой, в кронах деревьев о чем-то переговаривались птицы и хлопотливо носились

рыжехвостые белки.

На Идоловой поляне ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь последний раз. (Ну разве что не подглядывали из-за кустов похотливые глаза Еремея.) Никто не разворошил холодные угли кострища, и даже мой корявый берестяной туюсок, забытый впопыхах, стоял у гладкого валуна как ни в чем не бывало.

Пора начинать балаган — сцена готова, а за зрителями дело не станет.

— Ау-у, мои подруженьки! — неуверенно начала я.

— Женьки... еньки... еньки... — отозвалось эхо.

— На кого же вы меня, горемычную, покинули?!

— Кинули-кинули... — глумливо донеслось в ответ.

Ну все, должно хватить. Хорошенького, как говорится, понемножку. Я уселась на плоский камень, подтянув под себя ноги, и стала ждать. Косые утренние лучи путались в разлапистых ветвях сосен, окружающих поляну плотным кольцом, и золотили макушку древней богини — каменного изваяния, в честь которого поляна и получила свое название. Деревенские этого места опасались. Болтали, что-де в незапамятные времена приносили здесь жертвы, да не простые — человеческие, и струилась кровь невинная, питала землю поганым колдовством черным. Даже вещуны Трехликого, в свое время разрушившие все алтари древнего народа, обходили это место стороной. Говорили, что муторно, беспокойно на душе становится всякому, кто по ошибке или по незнанию забредал на Идолову поляну. И хотя сама я ничего подобного не чувствовала, к народным суевериям относилась уважительно. Мне хотелось верить, что толстомыкая баба, воздевающая к небу руки, обладает-таки недюжинной силой, если, даже забытая, потерявшая имя, заброшенная всеми, могла охранить свое капище от чужих посягательств.

Что-то увесистое плюхнулось мне на голову и запуталось в волосах. Стряхнув на землю мохнатого паука размером с мою ладонь, я истошно заорала и ринулась куда глаза глядят. А глаза глядели уже не очень... Укус мизгиря — это вам не еж чхнул. Скорее домой, у бабушки должно быть противоядие. Не прекращая орать (надеюсь, поганая тварь сдохла от моего крика), я ломилась сквозь бурелом.

— Не кручинься, красавица, я тебя из лесу выведу, — донесся до моего уже помутненного сознания приятный ласковый голос.

Сильные руки подхватили меня, и уже через мгновение я опять была на поляне, полулежа на камне и рассматривая моего спасителя. А посмотреть было на что. Высоченный красавец, широкоплечий и мускулистый, мог заставить замереть не одно девичье сердце. Его фиалковые глаза излучали лукавство, а молочно-белые волосы напомнили мне свет далеких звезд. Мужчина — мечта. Расшитая серебром непривычного покроя одежда выдавала в моем спасителе иностранца, а остроконечные ушки...

Додумать я не успела. Красавец склонился ко мне с отчетливым намерением запечатлеть, так сказать, поцелуй. Ага, такой выведет! Не знаю, как из лесу, а уж из терпения меня — точно. Вишь, выискался! Полупроводник, ёжкин кот! Скользнув верткой змейкой с валуна, я отвесила нахалу затрепину:

— Да ты, дедушка, совсем ополоумел!

Безупречные брови поползли вверх, выражая недоумение. Мамочки, забыла! Три раза надо «слово» молвить, чтоб подействовало. Наскоро пробормотав: «Дедушка, дедушка...» — я любовалась на то, как сползает с красавца наведенный морок — съеживаются плечи, уменьшается рост и хлопьями грязной пены истает заморское облачение. Через несколько мгновений передо мной стоял хозяин леса в своем обычном виде — русоволосого коренастого бородача, не по погоде одетого в тонкий полотняный руб.

— Это что же такое получается? — уперев руки в боки в лучших традициях деревенских склочниц, спросила я. — Седина у нас в бороду ударила?

Леший смущенно переминался с ноги на ногу и отчаянно краснел:

— Ну чего ты, Лутонь... Ну пошутил я, настроение с утра такое... шутейное...

— Ах, с утра?! — Я завелась не на шутку. — Вот так вот проснулся с рассветом и решил: буду лезть на все, что движется, красавцами заморскими прикидываться, девушек невинных пауками стращать?!

Тут я вспомнила о том, что жить мне осталось недолго, и разревелась. Лесовик озадаченно почесал в затылке, приоткрыв небольшие аккуратные рожки:

— Какими пауками?

— Ядови-и-итыми! — Слезы хлынули совсем уж неудержимым потоком.

Леший окончательно спал с лица и ринулся ко мне:

— Тебя укусили? Где? А ну-ка, покажь!

Я подставила для осмотра свою непутевую голову. Ой, больно! Коряга криворукая! Кто ж так за косы дергает? Через некоторое время истязание закончилось. Леший тихонько хихикнул:

— Ты, Лутоня, помирать-то погодь... Не успел он тебя куснуть. А успел бы — отравился.

У меня даже голова закружилась от облегчения, и я опять присела на камень, чтоб не упасть.

— Это ты намекаешь, что у меня кровь ядовитая? — спросила я уже почти миролюбиво.

— Ну да, язвочка ты еще та. Не могла по-простому позвать, как полагается? Обязательно лицедейства старику устраивать?

— А старик ко мне по-хорошему? Когда я на той седмице волховала, ты где был? Почему не охранил от чужих глаз? Зачем договор порушил? Вот сдам тебя вещунам, они-то тебя выучат слово держать — небо с овчинку покажется.

Леший закручинился:

— Дык, мужик-то ко мне пришел со всей душой. Все честь по чести: в кругу из молодых березок стал, три раза «слово» молвил, шкалик медовухи поднес. А потом и говорит: «Помоги, дедушка, любя мне краса Лутонюшка...»

— И все ты, дедушка, врешь. Не могла я Еремею полюбиться. Он и не смотрел на меня никогда.

— Эх, девка, цены ты своей не знаешь. Да разве настоящий мужик на лицо смотрит? На ножку, на походку, на разворот плеч, на... — тут зеленые лешачьи зенки недвусмысленно уставились мне в район солнечного сплетения, — богатый внутренний мир.

Я скрестила руки на груди и решительно перевела разговор:

— А ты, дедушка, Матрене-кузнечихе куда смотрел, когда ребеночка делал?

— Эх, Лутоня, мало тебя бабка в детстве порола, — воровато забегали лешаковские глазки, — чтоб ты во взрослые дела не лезла.

Да уж, умословия ни на грош. Как на мой «внутренний мир» тайком пялиться, так я уже взрослая, а как чужие проблемы решать, так не замай. Я разозлилась не на шутку, вскочила с камня и, припомнив весь список бабушкиных ругательств, объяснила поганому нелюдю, куда ему идти, с кем и чем заниматься по прибытии. Леший слушал внимательно, не перебивая, видимо, запоминал незнакомые обороты, только один раз уточнил значение слова «педагогический».

Когда я наконец выдохлась, он, уважительно хмыкнув, пригласил меня к столу. И как только успел слугам знак подать? Пока я упражнялась в красноречии, его подданные

сервировали на валуне богатое угощение. На ягодах ежевики алмазной россыпью переливалась роса, одуряюще пахли каравай свежего хлеба и кольцо копченой колбаски (приносят старичку жертвы деревенские жители, грех приbedняться), в долбленных калабашках пенилась брожулька. А разные зверушки лесные все продолжали подносить яства: орешки, семечки, истекающие сладостью пчелиные соты. Ну правильно — о серьезных вещах у нас, взрослых, принято за столом беседовать — степенно и неспешно. Я молчала, рассеянно наблюдая за суетящимися белками, не забывая отдавать должное разносолам. Проследив за моим взглядом, леший сказал:

— А пауки мне не подчиняются — ее это парафия, — и кивнул в сторону каменного изваяния.

Мне показалось, что богиня мне подмигнула, так причудливо падал солнечный свет на ее иссеченное временем лицо.

— Ты знаешь, как ее зовут?

— Ягу поспрошай, она лучше знает, — ушел от ответа хитрый лесовик.

Бабушка! Как она там без меня? Проснулась, поди. Возвращаться надо, некогда рассиживаться. И я поспешно вывалила на лешего все свои новости.

— И теперь что делать, не ведаю... — закончила почти жалобно. — Твоя... Матрена увидит, что бабули на месте нет, осерчает и чего-нибудь с собой утворит. А мне ребеночка жалко.

Леший помолчал, похрустел суставами, почесал в затылке:

— Да, положеньице... Матрена-то, как понесла, больше ко мне не захаживает. Я по-всякому уже пытался ее на разговор вызвать, только не хочет она. А ведь любил я ее почестному, ни к чему не принуждал, никем не прикидывался... — Лесовик говорил будто через силу. Было заметно, что каждое слово дается ему с трудом. — К вам в Мохнатовку мне ходу нет — только за границу своих владений сунусь, разом вещуны Трехликого повяжут. Изводят они нашего брата подчистую. Тут неплохо бы с Ягой это дело обсудить. Бабка твоя женщина ушлая, но справедливая. Не верю я, что она могла позлому дело повернуть. Но раз ты, Ягишна, ее колдонула... Даже и не знаю теперича...

Мы еще немного помолчали.

— Давай так, — решил леший, — ты Матрену, ягодку мою, у развилки встретишь и ко мне приведешь, я ее уговорю мне дитячко отдать.

— Тебе? — У меня просто глаза на лоб полезли. — Делать ты с ним что будешь? Шишками кормить, зверенка из него воспитывать?

— Любить я его буду. — Леший явно обиделся. — Любить и от беды беречь. А что, думаешь, не воспитаю?

Мне очень захотелось почесать в затылке. А ведь лесовик в чем-то прав. Маленькому полукровке не место среди людей — заморят они его, если не со зла, то по незнанию. Уж мне ли не знать, как жестоки бывают люди к непохожим на них созданиям?

— Ну хорошо, — не желала я окончательно сдаваться. — Матрена тебе ребенка отдаст, а что она в деревне скажет, как объяснит, куда новорожденный подевался?

— Я про то подумал, — лукаво ответил лесовик. — Мы тоже не лыком шиты, устроим для людей представление. Пусть все думают, что звери дикие ребенка в клочья порвали. А Матрена подыграет.

На это возразить мне было нечего. Пообещав, как стемнеет, привести к хозяину его разлюбезную, я стремглав помчалась домой.

— Лутоня! — догнал меня голос лешего.

— Чего? — обернулась я уже от границы перелесья.

— Ни о чем дедушку спросить не хочешь?

Вот ведь пройдоха, умеет будущность прорицать и всю этим пользуется. На мгновение задумавшись, я поняла, что хочу, и даже очень.

— Ты в кого сегодня рядился, когда ко мне вышел? Где это у нас такие иноземцы остроухие обитают?

— А не знаю, так, привиделся кто-то... Может, ты его когда встретишь, может, я... А что, понравился? Да не красней ты как маков цвет, дело-то молодое.

За спиной оглушительно хрустнула ветка, я заполошно дернулась на звук. Когда мой взгляд вернулся к месту, где только что стоял лешак, там уже никого не было. Хозяин! Последнее слово всегда за ним остаться должно. А щеки-то действительно горят... Надо будет по дороге речной водицей в лицо поплескаться, остудиться маленько.

И я понеслась дальше — дел на сегодня наметилось просто невпроворот.

ГЛАВА 2

О новых знакомствах, волшебных предметах и делах давно минувших дней

Ай, бай, бай, бай,

Не ходи, старик Бабай,

Коньям сена не давай...

Дверь избушки заело, и я наподдала плечом. Заперто! Странно...

— Вы кто, тетенька? Мамка к соседке пошла, а чужих пускать мне не велено!

Бабушка, входящая во двор с коромыслом на плечах, была сама на себя не похожа. Простоволосая, в моем праздничном сарафане и сафьяновых сапожках, она выглядела одновременно странно и трогательно.

— Бабуль, мне бы прилечь, ик... — Брожулька явственно просилась наружу.

— Вы, тетенька, ложитесь где-нибудь у себя. Нечего по чужим дворам тыняться.

Яга решительно оттерла меня от двери и юркнула в дом. Я с открытым ртом осталась стоять на улице. Сквозь приоткрытое окошко слышалось задорное пение:

Столько теплых нам деньков — Сколько во лесу пеньков. Столько ясных ночек — Сколько в поле кочек.

От малышовской веснянки, исполняемой бабулиным надтреснутым голосом, у меня мурашки по спине побежали. Ведьма впала в детство, и в этом моя вина. Волшебный гребень слишком многое заставил забыть. Ёжик кот, что же делать? Я затарабанила в дверь.

— Чего надо?

Да уж, и в детстве моя родственница, видимо, приветливостью не отличалась. В горнице, судя по звукам, кипела работа — потрескивали половицы, бренчала посуда. Из окна валил сиреневый дым, распространяя запах свежескошенной травы. Активированные все разом хозяйственные заклинания накладывались одно на другое. Ну, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в подпол не лезло. Если девочка Яга доберется до тайной комнаты... Я похолодела и попыталась подольститься.

— Девочка,пусти меня, я тебе пряничков дам, — фальшиво начала я, ни капельки не веря в удачу.

Дверь молниеносно распахнулась, стукнув меня по лбу.

— Пряники вперед!

— Нет уж, сначалапусти, а за мной дело не станет.

— И откель ты их выймешь, надувальщица? — лукаво блеснули разноцветные глаза ведьмы. — Ни карманов, ни котомки! Уходи, приبلуда. Поди! А то собак спущу.

— Бабушка, опомнись! Какие собаки? Впусти меня, нам надо поговорить!

— Ах, так! Ужо я тебе, надоеде, покажу!

В который раз хлопнула дверь, через подоконник что-то перелетело, и из зарослей бастыльника, поводя длинным носом, выбралось чучело муравьеда. Стекланные его глаза полыхали, выискивая цель, а из неровно сшитого брюха сыпалась солома.

— Да что он мне сделает? — хорохорилась я, выбирая из поленницы обрубок поувесистее. — У него и зубов-то нет, разве что засосет до смерти.

— Ага! А когти ты видала? Еще посмотрим, кто кого! Ату ее, Мурзик! Взять!

Мурзик утробно возрычал и прыгнул, я взвизгнула и побежала. И это исчадие я собиралась победить? Он же меня сейчас на лоскутки порвет! Живые муравьеды — существа ленивые, к долгим пробежкам не приспособленные, а вот мертвые, судя по всему, неутомимы и коварны. Как безголовая курица, я носилась по двору, высоко задирая колени и придерживая под мышкой полено (выбросить его мне даже в голову не пришло). Бабушка азартно улюлюкала с крыльца.

— Останови его, я сама уйду, — прохрипела я задыхаясь, в очередной раз поравнявшись с родственницей.

Яга что-то сказала, но я уже летела дальше. Ответ догнал меня на следующем круге:

— Дураков нет! Ты уж, тетенька, сама как-нибудь...

— Пороть тебя некому, бабушка...

Я обреченно остановилась, перехватывая деревяшку двумя руками. Сзади никого не было. Бабка покатывалась со смеху, утирая выступившие на глазах слезы:

— Он почти сразу в кусты сиганул. А как же ты потешно тут бегала!

Я стиснула зубы до скрипа и пожалела, что не могу применить розги к пожилой, хотя и выжившей из ума женщине.

— Лутоня, выдь ко мне, разговор есть... — донеслось с улицы.

У забора нерешительно переминалась с ноги на ногу подруга Стешенька. К нам она заходить опасалась. Напоследок одарив Ягу укоризненным взглядом, я отшвырнула полено и подошла к подруженьке.

— Поблагодарить тебя хочу, — начала Стеша после обязательных приветствий. — За Еремея пойду, родители уже сговорились...

— А я тут при чем? — растерянно спросила я.

В глаза мне подруга упорно не смотрела, да и радости в голосе особой не чувствовалось.

— Да ладно, я же все понимаю... Как приворожила, так и отворот сделала...

Ёжкин кот! Да кто ей только такую глупость в уста вложил? А спорить бесполезно. Не поверит. Ведьмы мы с бабушкой, разве ж люди таким доверяют? Боятся, уважают, но чтоб верить... Не достойные мы такого отношения.

— Я тут просить тебя хочу... — продолжала между тем гнуть свое Стеша. — Я теперь мужняя жена буду, в невестки иду...

— Поздравляю, — встряла я, с ужасом замечая, что со стороны забора кусты аккуратно раздвигаются и длинный тонкий нос муравьеда явственно принюхивается к моей собеседнице.

Только нападения нежити мне сейчас не доставало! Точно слухи пойдут, что соперницу извести зверями пыталась. Схватив подругу под руку, я потащила ее вдоль улицы, приговаривая:

— Пошли, по дороге договорим.

Стеша немного упиралась, но послушно семенила рядом, продолжая вещать:

— Буду в шестистенке с мужем жить, как сыр в масле кататься, и сундуки у меня с разными диковинками, что Еремей из странствий привез, вдоль стен стоять будут.

— Поздравляю. — Ничего больше мне на ум не приходило, я ежеминутно оглядывалась, нет ли погони.

— И не сердчай на меня, Лутоня, но теперь с ведьмой дружбу водить мне совсем не с руки...

— Поздравляю! — Я оглянулась. Проще уж было сразу задом наперед идти... — Что?

Очень захотелось плакать, даже солоно во рту сделалось. Все мысли: про впавшую в детство бабулю, про опасность, идущую по следу, про обещание лешаку — вдруг испарились, оставив после себя звенящую пустоту. Дыхание остановилось. И только стук сердца, наполнивший, казалось, меня всю, говорил о том, что я еще жива. Спокойно, Лутона! Спокойно... Я несколько раз глубоко вздохнула. Мое молчание, видимо, было истолковано неверно.

— Ты только не лютуй! Я же не ведьмина внучка — мне жизнь строить надо. Я в девках уже заневестилась. Только пообещай, что в отместку мужа у меня уводить не будешь! — испуганно зачастила подруга, уже, видимо, бывшая.

— Обещаю, — сказала я помертвевшими губами, отпуская острый девичий локоток.

Стеша пытливо заглядывала в мое лицо:

— Ведьмину клятву дай!

Ну, точно подучил кто-то! Не могла девушка про такие тонкости сама угадать. Только вот ошиблась она — я не ведьма, по крайней мере, не взрослая, нити судеб плести не обучена. Да и нужен мне ее муж, как зайцу пятая нога. Но если ей так легче... Наклонившись к розовому ушку собеседницы, я подпустила в голос трагизма и прошептала несколько десятков слов. Завороженно выслушав рецепт приготовления утки по-хински на языке оригинала, Стеша округлила глаза:

— И все?

— А что ты хочешь? Гром с молниями? Дождь из лягушек?

Несколько мгновений девушка раздумывала, затем степенно кивнула:

— Ну все, бывай, Лутона. Зла на меня не держи.

И только краешек пестрой юбки мелькнул в конце улицы, будто попрощалась со мной моя единственная дружба. Удачи тебе, Стеша, в настоящей взрослой жизни! Надеюсь, все у тебя будет хорошо.

Три колокольных удара на площади возвестили о середине дня. Надо же, а я и не заметила, как за разговором мы дошли до центра Мохнатовки. У дома старосты разгружались подводы, суетились работники, ржали лошади — вернулся обоз из Стольного града. Деревенские бабы встречали своих мужей, отпущенных князем после отработки повинности. Вон и Матрена повисла на шее у мужа, искренне рыдая после долгой разлуки. Высоченный Лаврентий придерживал жену с осторожностью, ласково поглядывая на огромный живот супруги.

Ощутимый тычок под ребра вернул меня к действительности. Больно! Я схватилась за бок:

— Смотри, куда прешь! — Вежливость — это у меня от бабушки, наследственное.

— О, сударыня, три тысячи извинений! — Долговязый нескладный парень одной рукой поправлял сползающие с носа очки, а другой пытался перехватить гладкий черный футляр, с локоть длиной, который и был причиной членовредительства.

Отвисшая челюсть помешала мне достойно ответить, а верзила тем временем разливался соловьем:

— Позвольте представиться — барон Зигфрид фон Кляйнерманн, студент Квадрилиума и ваш покорный слуга. — Парень сложился чуть не вдвое, потешно оттопырив локоть.

Я прыснула. Швабскому наречию бабушка меня худо-бедно обучала. Фамилия моего нового знакомого дословно означала «маленький человек».

— Какое несказанное счастье, сударыня, что карты, — тут он разогнулся и потряс футляром, — привели меня именно к вам, образчику, так сказать...

Я вообще перестала что-то понимать, кроме того, что в тубусе у добра молодца карты. Хотя... Надо еще уточнить, игральные или географические. Образчиком чего я являлась, так и осталось тайной, — от резного крыльца раздался зычный окрик старосты Платона Сильча: «А ну, студент, ходь сюды!» Мой галантный кавалер слегка вздрогнул. (Любого проберет с непривычки — у дядьки Платона голосина такой, что на медведя ходить можно заместо рогатины.) Я ожидала, что парень моментально ринется к Сильчу, но тот продолжал стоять как столб.

— Могу я узнать имя прекрасной незнакомки?

Вот гад, еще и издевается! А может, у него, болезного, зрение совсем слабое? Вон и очки нацепил. Я разозлилась:

— Так чего ж не узнать. Вас же в университетах гадать учат — на гуще там, потрохах всяких... Или карты свои раскинь.

Добив студента гневным взглядом, я развернулась на пятках (надо все-таки сапоги из сундука достать) и гордо двинулась домой. По дороге я занималась самообразованием. Ну вот, в кои веки выпала возможность с умным человеком пообщаться, со студентом. А я ни словечка молвить не смогла. А как ступор прошел, нахамила. Он, наверное, решил, что я дурочка деревенская — только мычать горазда...

— Фройляйн Ягг, Лутоня, подождите!

Зигфрид бежал вдоль улицы, как кузнечик-переросток, полы сюртука трепались по ветру, светлые волосы выбились из короткой косицы. Я невольно улыбнулась.

— Сударыня, — запыхавшись, продолжил студент, когда мы поравнялись, — прошу простить мне мое невежество. Я должен был дождаться, чтобы кто-нибудь представил меня... Ваше возмущение уместно, но позвольте мне искупить свою вину.

— Да что вы, сударь, это мне нужно просить прощения. Моя неприветливость по отношению к гостю нашего... города (эк я Мохнатовку повысила!) заслуживает только порицания.

А пусть знает птаха залетная, что и мы не лыком шиты! Куртуазность разводить научены не хуже прочих. Вопреки моим ожиданиям, парень не убежал с криками ужаса, а даже расслабился и посветлел лицом. Серые глаза смотрели с одобрением.

— Фройляйн Лутоня позволит проводить ее?

— О да! — смущенно потупилась я.

Чего ж не позволить, коли охота есть. Как говорится, назвался груздем, полезай в кузов. Тем более что дорога близкая. Мы немного поговорили о погоде, о видах на урожай, о способах засола корнеплодов и охоте на вальдшнепов. В последнем я оказалась не сильна, так как вообще не представляла, что это такое. Но мои невнятные угуканья были восприняты благосклонно. Я раздумывала, как перевести беседу на интересующие меня темы — университет, занятия, магические заклинания. Но как назло, в голову ничего не приходило, а мы между тем почти пришли. У нашей калитки я уж было открыла рот, чтоб выдать на-гора заготовленную вежливую прощальную речь, но мне помешали. С трубным воем из кустов вылетел клубок шерсти и острых, как ножи, когтей. А о муравьеде-то я и забыла! Тварь вцепилась в спину Зигфрида и стала методично ее полосовать. Парень взвыл от боли. «Одежду снимай!» — проорала я, выламывая из забора доску. Камзол был скинут в мгновение ока вместе с повисшей на нем бестией. Со всей силой, на которую была способна, я лупила по копошащейся в дорожной пыли куче. Мало! Это ему, что ежик чхнул — через минуту восстановится. А то я бабушкиных поделок не знаю! Ну, давай, девочка, вперед! И я кинулась врукопашную. Кое-как прижав оглушенного противника к земле и преодолевая отвращение, я просунула руку в его длинный узкий рот и почти сразу нащупала то, что искала. Резкий рывок на себя, и в моих руках испещренный закорючками кусок пергамента, а на дороге валяется чучело гигантского муравьеда, не подавая никаких признаков жизни. Не удержавшись, я наподдала ногой, и ценное бабушкино имущество оказалось в канаве. Следом отправился камзол.

Зигфрид был плох. Он лежал на правом боку, подтянув колени, и тихонько постанывал. На спину и левый бок было страшно смотреть. «Ну, ничего, потерпи. Сейчас тебя подлечим», — я гладила парня по растрепанным волосам и лихорадочно соображала, кого можно позвать на помощь. Одна я эдакую орясину до дома не дотащу.

— Пить! — Бледные губы едва шевелились.

Я побежала в дом. Бабушки нигде не было, дверь нараспашку, в горнице полный разгром. Зачерпнув ковшиком из кадки, метнулась назад, придерживая за голову страдальца, напоила.

— Ну ты даешь — от горшка два вершка, а такая боевая... Я б с тобой в разведку пошел.

— Молчи уж лучше, мальчик-с-пальчик. Подняться можешь?

С моей помощью парень сначала встал на четвереньки, затем, покряхтывая и шатаясь, — на ноги, обнял меня за плечи, почти придавив к земле. (Тяжелый-то какой! А казалось, только кожа да кости.) Вот так, шаг за шагом, я привела Зигфрида к нам и уложила животом на лавку. Ошметки рубахи пришлось срезать ножом, чтоб лишний раз хворого не тревожить. Раны оказались не смертельными, и вообще — дело обстояло куда лучше, чем казалось на первый взгляд. Порывшись в сундуке, я достала небольшой шкалик и щедро полила из него пострадавшие места. Жидкость пенилась, соприкасаясь с ранами, студент охал. Ничего существенней я предложить не могла — бабуля славно погуляла, истощив все домашние заклинания, лечебные в том числе. Ну, ничего, парень молодой — до свадьбы заживет. Обильно смазав бок и спину, я как могла перевязала пострадавшего, предварительно подержав над огнем чистую тряпицу. Вот и все. Ловкость рук и никакого колдовства — чистая наука.

Студент оживал на глазах:

— Хозяюшка, мне б поесть чего...

Я улыбнулась:

— О времена, о нравы! Куда подевались комплименты и куртуазное обращение?

— Да ладно язвить, Лутона. Мы с тобой теперь братья по оружию — вместе кровь проливали, — озорно блеснули серые глаза.

Я быстро сообразила обед. Снедь нехитрая, но питательная — рассыпчатая гречаная каша, большой кус масла, свежий хлеб и цельный жбан яблочного сидра. Зигфрид нашел в себе силы подняться и сесть к столу. На еду накинута так, будто его седмицу не кормили.

— А что за шедевр таксидермизма пытался меня убить? — задал он вопрос, когда на столе уже ни кусочка съестного не осталось.

— Чучело гигантского муравья, — ответила я, честно округлив глаза. — Тебе еще повезло: говорят, взрослый муравей может одним ударом выпотрошить ягуара или крупную собаку. А у тебя там, тьфу, царапины.

— Никакого везения, — парень провел пальцем по переносице, — у меня кожаная прошивка в камзоле, лучше кольчуги защищает. К тому же настоящее животное должно весить больше набитого соломой чучела... А очки мои ты не видела?

Вот незадача! Я пошла осматривать место боевых действий. Очки отыскались на обочине под кустом сорной травы, и даже неповрежденные. Прихватив заодно камзол и многострадального Мурзика, вернулась в дом. Зигфрид стоял у окна и, шурясь, рассматривал кусочек пергамента, извлеченный из пасти муравья. Я выхватила заклинание и спрятала его за пазуху:

— Не суй нос, куда не просят!

Парень осоловевшим взглядом уставился в мою грудную клетку:

— Так это же... Мы же учили...

— Просто забудь, понял?

На лице студента читалась борьба двух чувств — любопытства и самосохранения. (Что-то слишком долго он думает...) Я уже прикидывала, как бы понатуральнее предложить ему причесаться. Но тут на пороге появилась бабуля, и всем сразу стало не до того.

За время, что мы не виделись, ведьма как будто помолодела и чуточку усохла. С первого взгляда и правда могло показаться, что в дверях подбоченясь стоит юркая девчонка.

— Так, так... — злобно сверкнули глазки маленькой фурии. — Теперь вас тут двое? А чего вы, дяденька, голый?

Ёжкин кот! А о приличиях я за всей этой катавасией и не подумала! Зигфрид молниеносно натянул драный камзол и даже поднял до ушей расшитый серебром ворот. Яга презрительно хмыкнула и, войдя в горницу, уселась на лавку. Студент покраснел. «Пора заканчивать балаган», — решила я.

— Ну все, млсдарь, как говорится, вот бог, а вот — порог... Дела у нас тут семейные... — Осторожно, чтоб не задеть раны, я подтолкнула студента к двери.

Зигфрид громко подхватил:

— Да-да, фройляйн. Премного благодарен за приют и угощение. Надеюсь на скорую встречу.

А уже на выходе шепотом продолжил:

— И ты мне расскажешь, что за бедлам тут творится.

— Всенепременно! — проорала я, захлопывая дверь, и развернулась к родственнице. — Значит, так, — коршунном налетела я на бабушку, — пока мамка не вернется, будешь меня слушаться.

— С чего это? — ошетибилась ведьма.

— Тетка я твоя, двоюродная, мамка велела за тобой присмотреть, — быстро нашлась я с ответом. — Сейчас берешь веник, тряпку и начинаешь прибираться.

Удивительно, но она меня послушалась. Оглядев разгром: осколки битой посуды, сорванные занавески и грязный дощатый пол, забурчала под нос:

— Это ж за водой опять идти... нести-надрывать... маленьких все обижают...

Отыскала в сених коромысло и, прихватив два ведра, направилась к колодезю.

Так, это надолго — общественный колодец у нас на другом конце деревни. Надо воспользоваться освободившимся временем. Не мешкая, я достала из запечного тайника небольшое серебряное блюдце. Установив волшебную посудку на столе, я аккуратно плеснула водицы, так чтоб та оказалась вровень с краями, и прошептала заветные слова: «Блюдечко непростое, яблочко наливное...» Вода пошла небольшими бурунчиками, над тарелицей поднялся пар, послышался звон серебряных колокольчиков. Я, не отрываясь, смотрела в самый центр впадины. Воду прямо на глазах стало затягивать льдом, и из бесконечной подледной глубины к поверхности поднялась тоненькая зеленокожая девица, помогая себе длинным чешуйчатым хвостом. Что-то гневно крича и выпуская изо рта пузыри, она кулачками заколотила по прозрачной преграде.

— Очень красиво! — Я наугад ткнула пальцем — руку обожгло холодом. — Давай что-нибудь попроще, мне сегодня не до зрелищ.

Лед приобрел зеркальный глянец, появилось мое отражение — растрепанные волосы, ссадина на щеке, безумный блеск карих глаз. Я улыбнулась:

— Ну вот, совсем другое дело.

— Фу, надоело замарашкой представляться, — ответила я зазеркальная. — Умываться не пробовала? На тебя ж без слез не взглянешь!

Я покраснела:

— Чего это мы сегодня без настроения? Милый друг перестал внимание обращать или соперница перцу на хвост насыпала?

Отражение фыркнуло:

— Да я с тобой позабыла, что такое личная жизнь! Только расслабишься, приляжешь, верхнюю пуговку расстегнешь, тут ты со своими вызовами: «Спаси-помоги, дорогая Иравари! Подскажи, да покажи, да сопливый нос подотри...» Я вообще не понимаю, почему я с вашей семейкой до сих пор вожусь.

Ой, какие мы гордые! А то непонятно, что демон потусторонний служит тому, кто блюдечком владеет. Накрепко его сущность к вещи волшебной привязана, и ни распутать ту ниточку колдовскую, ни разорвать.

Демоница выхватила из воздуха серебряный бокал и отхлебнула:

— Это что? Вода?!

Изображение пошло рябью. У девушки, теперь уж совсем не похожей на меня, заострились зубы, кожа на лице приобрела красноватый оттенок, а глаза с кошачьим поперечным зрачком зажглись нехорошим желтым светом.

— Заклинания вызова для чего вообще составляют?! Языком потрепать?! Блюдечко — непростое, яблочко — наливное! Где? Мой? Сидр?! — проорала Иравари, как дикая кошка по весне.

Хороший вопрос. А ответ на него только один — в тощем животе студента Квадрилиума плещется. Поди достань! Демоница, конечно, в своем праве. Немногого и просит. Поговаривают, что другие обитатели тонкого мира требуют менее безобидных жидкостей. Представив себя за сцезиванием плошки крови для каждого вызова, я аж передернулась от отвращения.

— Ну тихо, тихо... — примирительно забормотала я. — Ну не смогла... Так ведь исправлюсь. Хочешь, новое имя придумаю?

Иравари еще чуток поломалась для порядка:

— Не знаю, не знаю... Такое неуважение, такое попрание основ... А можешь?

Я на мгновение задумалась, подняв глаза к потолку:

— Мм... Лезу в узел.

Демоница задумчиво проговаривала про себя мое словотворение, тонкие губы сосредоточенно шевелились:

— Лезу в узел, лезу в узел... Великолепно! Извинения приняты. А еще одно можешь?

Я усмехнулась:

— В следующий раз. Жадничать нехорошо.

Когда-то, в самом начале нашего знакомства, Иравари обмолвилась, что в их мире очень трудно придумываются имена. Мало того что демоны к созиданию по природе своей не приспособлены, так еще и важно, чтоб слово, которым называют новорожденного, читалось одинаково в обоих направлениях, было перевертышем. Именно это дает жителям тонкого мира свободу, полноту жизни, позволяет путешествовать среди отражений. Я тот разговор запомнила намертво. Время от времени забавляясь придумыванием «зеркальных слов», я радовалась своей знакомице новыми именами.

Иравари одним долгим глотком допила воду и отбросила бокал:

— Ну давай, излагай, зачем вызвала. Как обычно: три вопроса — три ответа. Только помни, мне нужны точные формулировки.

Я подобралась:

— Вопрос первый: как отменить действие волшебного гребня, заставляющего забывать?

Демоница поправила пальчиками с огромными когтями выбившуюся прядку и на мгновение задумалась:

— Гребень... память... А! Знаю эту побрякушку. В полнолуние в месте силы искупаться в росе и остричь волосы.

— Мне? — растерялась я.

— Водные процедуры — тебе, новая прическа — объекту! А чтоб ты так же бестолково не профукала третий вопрос, уточняю — под ноль, то есть налысо.

Ёжик кот! Опять попалась на ее недомолвки! Ну ничего — еще один вопрос в запасе имеется. Хотя... Чего спрашивать? И так все понятно... До полнолуния — седмица, не меньше. Моя задача — за бабулей это время присматривать, чтоб не шибко куролесила. А там уж управлюсь — в месте силы — это что ежик чхнул. Я хотела попрощаться, но Ирвари заупрямилась:

— Порядок быть должен — сказано три вопроса, значит, надо три...

Я задумалась. Демоница попыталась прийти на помощь.

— Ну хочешь я тебе самых красивых в вашем мире царевичей-королевичей покажу? Сейчас как раз луситанский принц Жуан-Мануэль ванну после тренировки принимает. — Ирвари мечтательно закатила глаза. — Мм, это, доложу тебе, зрелище.

— Не интересуюсь, — насупилась я.

Собеседница удивленно изогнула брови:

— На девушек заглядываешься? — и гнусенько так хихикнула.

Причину ее веселья я не поняла, зато придумала вопрос.

— А расскажи-ка мне, зачем в наше захолустье элорийский студент пожаловал? Имя — Зигфрид фон Кляйнерманн, если не врет — то барон.

— Минуточку... — Демоница сосредоточенно смотрела куда-то сквозь меня. — Библиотека, список студентов... Тебе официальную версию или всю подноготную найти? А то тут дело мутное какое-то.

Я заинтересовалась:

— Всю, конечно всю.

— Студент четвертого курса факультета огня, направлен в Рутению для прохождения фольклорной практики сроком на один год...

— Не вижу подвоха.

— Лутона, ты темная, как... вода в проруби. Огневики выпускают лучших в мире боевых магов, и твой дружок там не последняя спица в колесе. Местное народное творчество в его будущей работе нужно как зайцу зонтик... Нет, в доступе отказано! Пароль...

— Пятая нога.

— Не подходит... Какие еще ноги?

— Правильно говорить — «как зайцу пятая нога».

— А... Ну эти подробности ты своему фольклорно озабоченному приятелю рассказывать будешь. — Ирвари была явно расстроена. — Не получается у меня. Времени надо побольше.

А времени-то и не было. С улицы доносилась печальная песня, долженствующая поведать слушателям о тяжелой подневольной жизни исполнителя, о злых людях, заставляющих его, исполнителя, недоедать, недопивать и недосыпать — это возвращалась бабушка. Караул! Наскоро ткнув в блюдо пальцем и прошептав отпускаящее слово, я спрятала артефакт на место.

Бабушка была скорбна ликом, но на удивление покладиста. Я держалась напряженно, ожидая в любой момент каверзы, но пока все шло неплохо. Мы в четыре руки принялись за уборку. Расставили по местам нехитрую мебель, перемыли уцелевшую посуду, вымели из избы сор. Занавески Яга простирнула прямо в сенях в корытце. День клонился к вечеру. Скоро на Мохнатовку опустится ночь. А после третьей звезды есть у меня дело тайное, отлагательств не терпящее.

Я растопила печь, пошарив в сенях, нашла небольшой шмат солонины и вилок капусты. Дальше просто — шинкуется это все и в чугушке томится. Для вкуса еще — горсточку соли и пару листиков дерева заморского, лавром обзываемого. Скоро по горнице поплыл густой дух тушенины. Мм... Аж слюнки текут!

Степенно с бабулей повечеряли, запивая еду крепким мятным взваром. (Все знают, что мята — трава сонная. А мне очень надо, чтоб родственница под ногами не мешалась.) Перед самым отходом ко сну, уже закутанная в одеяло и кемарящая на печи, Яга вдруг попросила:

— А расскажи мне, тетенька, сказку.

Отчего ж не поведать. Мне в свое время бабушка сказок порассказала — хоть пруд пруди. Теперь, вишь, мой черед пришел.

— Во лесу дремучем, под кустом колючим, — начала я напевно, — жила-была...

— Баба-яга — костяная нога! — донеслось с печи.

— Ну пусть Яга, — не спорила я. — Только тогда нога была у нее не костяная, а самая что ни на есть человеческая. Как-то гуляла она по лесу, грибы-ягоды собирала, травки тайные для волшбы, да только угодила ногою в медвежий капкан...

Варвара взывала от боли, когда острые железные зубья сомкнулись на ее щиколотке. Опытная знахарка, она сразу поняла, что перебито сухожилие, и будет чудом, если ногу удастся спасти. Кожаное сапожное голенище немного смягчило удар, поэтому женщина надеялась, что кость не раздроблена. Она не металась, не пыталась руками разомкнуть мощные «клешни». Такие самолывы ставят обычно на крупного зверя и «глушилкой» не брезгуют. Цепочка, тянущаяся от приспособления, где-то закреплена к подвешенному бревну. Сдвинешь капкан с места — припечатает так, что мокрого места не останется. Хотя, может, это и наилучший выход — лучше сразу, чем медленно погибать от жажды и потери крови...

Умирать не хотелось.

— Помогите, люди добрые! — во всю силу легких закричала женщина.

Шанс, что ее услышат здесь, в глухом лесу, был ничтожно мал, но он сработал.

— Молчи, дура! — Парень материализовался, казалось, из воздуха, его ярко-синие глаза метали молнии.

— Помоги... — Варвара невольно приглушила голос.

— Всю охоту мне порушишь, селянка бестолковая, — шипел спаситель, осматривая ее покалеченную ногу. — Тут, конечно, по уму струбцина нужна...

Варваре вдруг подумалось, что он еще, в сущности, совсем пацан — лет четырнадцати-пятнадцати, не больше. А бледный-то какой! Будто сроду на солнышке не бывал.

— Позови кого-нибудь, один не управишься, — прошептала она, с ужасом думая, как

останется здесь одна, пока малец пойдет за помощью.

Парень фыркнул, пружинно вскочил, срезал ближайшее деревце, ловко взмахнув вываченным из-за пояса ножом. Кряхтя и помогая себе левой рукой, просунул палку между дуг капкана и навалился на рычаг. На лбу вздулись жилы, рот искривился в гримасе, напряглись плечи. Прилагаемые усилия делали его лицо старше и значительнее. «Клешни» медленно поддавались, неохотно выпуская свою жертву. Варвара, пытаясь не обращать внимания на боль, тянула ногу на себя. Обильно полилась кровь. Рывок. Бессильный щелчок опустевших железных челюстей, и спаситель повалился рядом на пожухлую траву, хватая ртом воздух.

— Кровь остановить срочно надо.

Женщина только кивнула.

Первую помощь парень оказывал умело. Оттащил страдальцу подальше от капкана, уложил на мягкий мох. Перетянул ногу ее поясным шнуром, аккуратно разрезал ножом поврежденное голенище, снял окровавленную ноговицу и перевязал рану тканевой лентой, оторванной от подола своей рубахи. Только сейчас Варвара заметила, что парнишка одет дорого, если не сказать — нарядно. Мягкие охотничьи сапоги отличались тонкостью выделки, порты подогнаны точно по фигуре, на поясе закреплены серебряные чеканные бляхи, а рубаха по вороту расшита богатой шелковой нитью.

— Ты что один в лесу делаешь? — спросила женщина, сглатывая горькую слюну.

— На медведя охочусь. — Спаситель мотнул головой, отбрасывая с лица длинную темную челку. — Людоед у нас в округе объявился, уже трех мужиков до смерти задрал. Местные, дурачки, на него капканы понаставили, да только зверь их за версту чувствует... А ты чего тут бродишь?

— Почему метки не было? — вдруг вспомнила Варвара. — Положено метку ставить при таких самоловах.

— Говорю ж, дураки. Хочешь жалобу князю подать? — кинул внимательный взгляд исподлобья.

— Перетопчется.

— Я так и думал... Значит, и в Шегешвар со мной не пойдешь?

Женщина помертвела. В цитадель ей возвращаться никак нельзя, ведь под подкладкой прострочной кацавейки зашито то, за что сразу в работу возьмут. И тогда медвежий капкан покажется не сильнее комариного укуса. Жалко мальчишку, да выхода другого нет... Рука привычно скользнула за отворот, круглая булавочная головка устроилась между большим и указательным пальцем.

— Посмотри, у меня шея что-то болит...

Парень доверчиво наклонился, и Варвара вонзила иглу. Стало трудно дышать, мир закружился на манер ярмарочной карусели и померк.

Когда женщина пришла в себя, парень сидел на пенечке, удобно закинув ногу за ногу, и внимательно рассматривал злополучную булавку.

— Какой примитив! И многих дураков ты этой штучкой в лучший мир отправила? — проговорил задумчиво, будто про себя.

Варвара решила, что терять больше нечего, и неожиданно разозлилась:

— Да у тебя все, кроме тебя, дураки! А сам? У-у-у, сопляк!

— А я умный, — сказал без тени усмешки. — И медведя я выслежу и освежую, а тебя... Тебя, пожалуй, отпущу.

— После того, что я хотела тебя убить? — растерялась Варвара.

— Ну, так не убила. Поверь, для меня одной отравленной иголки мало.

— Кто ты? — Варвара почувствовала, как от ужаса вспотели ладони.

Парень не спешил с ответом:

— Смерть от иглы... Какая древняя сказка! Можешь называть меня Кащей. Ведь так зовут самый большой страх женщин из племени ягг? Кстати, твоя богиня знает, чем занимается ее жрица? Или она покинула тебя?

— Мальчишка! Ты даже не представляешь, какими словами играешь!

— Через десяток лет я стану самым сильным магом континента. Что мне чужие боги? Твое колдовство уже бессильно против меня.

Варвара сосредоточенно призывала к себе все нити судьбы, до которых могла дотянуться. «Прости, Матушка... Прости...» — шептала искусанными губами. Голова кружилась — сказывалась кровопотеря. Кащей щелкнул пальцами, женщина поняла, что обездвижена.

Парень склонился над своей жертвой:

— Я просто чуть остудил твою кровь, а ты не смогла поставить даже самый примитивный блок. А ведь ягги на многое способны, я знаю...

Отвечать Варвара не могла, только бессильные слезы застили глаза. Она узнала этого мальчишку. Эх, зря не верила сплетням, все правдой оказалось. А мучитель смотрел на нее с каким-то предвкушением, как алхимик на реторту, в которой происходит занятная реакция.

— Будем считать, что с тобой временное помутнение рассудка приключилось. Князю про тебя ничего не скажу и про твои бумаги, в одежде спрятанные, тоже промолчу — шпионские игры элорийского престола меня мало волнуют... Эй, ведьма! Моргни, если слышишь.

Женщина прикрыла глаза.

— Сейчас я сниму заклятие. Даже не пытайся причинить мне вред. В следующий раз я могу не остановиться вовремя, и придется тут твое тело прикапывать. Кстати, подумай о том, сколько людей пострадает, если я отнесу твои донесения романскому князю... У тебя же, наверное, семья? Точно — дети. Именно на такие крючки вас, баб, и подсекают... Кто? Сын? Дочь? Ну конечно, дочь... У вас, яггов, по-другому не бывает... Вот ведь ситуация — даже руки на себя наложить не можешь.

Все время своего монолога Кащей что-то делал с покаленной ногой Варвары — мял, постукивал, сжимал. Щиколотка горела огнем, боль, не находя выхода, собиралась в груди огромным пульсирующим сгустком.

— Я восстановил кровообращение — ногу отнимать не придется. С сухожилиями дело хуже. Попробуешь потом сама срastить. Ну, все. Можно снимать недвижимость. — И парень опять щелкнул пальцами.

Варвара закашлялась, из ее рта вырвался сияющий шар — боль покинула тело. Женщина прислушалась к себе — ныли кости, тянуло мышцы. Но ощущения были скорее как после долгой физической работы — приятная усталость. А сопляк-то в волшбе действительно силен! А она его, тьфу, булавкой колоть... Точно — дура. Пошатываясь, поднялась на ноги, пристыженно прошептала:

— Спасибо.

— Спасибо в карман не положишь и в стакан не нальешь, — криво улыбнулся Кащей.

— Чего хочешь? — приготовилась к торгу ведьма.

— Ты отдашь мне того, кто тебя дома на пороге встретит.

Варвара задумалась. Откуп обычный — маги любого уровня любят время от времени положиться на судьбу. Дома, в избушке, притаившейся в хвойном лесу у самой

рутенской границы, она уже с полгода не была. Кто или что встретит ее там? Придется рискнуть. Согласно кивнула, только уточнила для порядку:

— Как и когда я эту собаку или кошечку доставлю?

Парень весело рассмеялся:

— Тараканов! Это еще может оказаться десяток тараканов, дружно встречающих свою хозяйку. Не тревожься, я сам за своим приду. А времени тебе даю тринадцать лет...

— Драконова дюжина?

— А что? Символично! — Кашей задорно подмигнул. — Ну что, по рукам?

Варвара решительно подалась навстречу, вбирая в горсти нити судьбы. Их пальцы встретились на полдороге, заключая ведьмин договор.

До дома Яга добралась, когда уже всю хозяйничала весна. Изумрудная молодая травка мягко стелилась под ногами, в кронах деревьев щебетали птицы, а солнышко ярко светило сквозь наливающуюся соком хвою. Еще издали женщина заметила, что избушка ее имеет вид жилой и ухоженный. Из трубы валил дым, окна сверкали чистотой и нарядными занавесками, слышалось блеяние, кудахтали куры. Сердце Варвары забило часто-часто. «Анна, доченька... Никому тебя не отдам...» В загончике для скотины молодая светловолосая женщина доила козу. Сосредоточенно склонившись над подойником, она не заметила подошедшую ведьму. А та со всех ног неслась к дому. Быстрее! Ступить на родной порожек, перехитрить Кашея проклятого.

Дверь избушки открылась, и на Ягу уставилась пара медовых глазенок:

— Здравствуйте! Вы моя бабушка?

ГЛАВА 3

О том, что у семи нянек дитя без глазу

Zu viele Köche verderben den Brei.[1]

У меня зуб на зуб не попадал то ли от возбуждения, то ли от влажного холода, подло пробирающегося под одежду. И это несмотря на то, что надетые по случаю ночной вылазки мужские порты были туго перетянуты у щиколоток и заправлены в сапожки. Устроившись на ворохе палых листьев прямо в придорожной канавке, я могла наблюдать и за тропинкой, ведущей от деревни, и за ровными холмиками погоста. Жемчужная россыпь звезд над головой и полная глянцевая луна давали достаточно света. Матрена запаздывала. Видимо, для беременной женщины перебраться через реку по шатким мосткам, да еще ночью, было непросто. А что, если ее Лаврентий не выпускает? Ёжкин кот, что тогда делать?

Мои опасения были напрасны. Грузная фигура кузнечихи показалась вдали, переваливаясь, как утица. Вот сейчас как выскочу из своего укрытия — ее точно карачун хватит! Пока я раздумывала о том, как бы поаккуратнее показаться, Матрена поравнялась со мной. Ее лицо было спокойно и сосредоточенно, глаза ничего не выражали.

— Доброго здоровьичка, — пискнула я сдавленно.

Никакой реакции — даже головы не повернула. Размеренное дыхание, пустой взгляд, будто спит на ходу. Слышала я про таких людей — лунатики называются. Для окружающих безобидны, а вот себе могут беды наделать. Хотя, может, и не в Матрене дело. Помрачение и колдовством навести можно. Если так, то мне сейчас дела не поправить. Эх, была б я хоть вполовину такой сильной ведьмой, как моя бабушка, щелкнула бы пальцами по-особому, и все готово. А так придется соседку в место силы волоочь, да у лешего помощи просить...

От кованой оградки погоста отделилась серая рогатая тень, бесшумно приблизилась к Матрене. Вязкий шепот раздался, казалось, со всех сторон. «Пойдем, пойдем, девонька, давно тебя жду...» Я похолодела и попыталась зарыться поглубже в листья. Соседка молча кивнула и пошла за провожатым. Чуть дальше они свернули с проторенной дорожки. Я кралась следом, пытаясь ничем не выдать своего присутствия. Надеяться приходилось только на помощь лесного хозяина, неведомое рогатое чудовище пугало меня до слабости в коленках. Улесок быстро кончился, мы ступили под кроны деревьев — света сразу стало меньше. Я потеряла глаза, пытаясь настроить ночное зрение. Куда они подевались? Странная парочка, которую я преследовала, исчезла, будто корова языком слизала. Прислушалась. Тишина... Обычные звуки ночного леса не нарушались ни человеческим голосом, ни хрустом веток...

— Потерялась, красавица? — раздалось неожиданно над самым ухом.

Тело сработало раньше разума. С разворота я изо всех сил засадила ногой в ночного татя. Огромная фигура грузно осела на землю.

— Arsch! — Зигфрид смотрел укоризненно снизу вверх, держась руками за живот.

— Не знаю таких слов, — покраснела я. — А нечего к одиноким девицам в темноте подкрадываться.

— Да ты бы меня не заметила, даже если б я песни пел... Ходишь по лесу, будто на прогулке.

— Зачем следил за мной? — Грозно сдвинув брови, я склонилась над студентом.

Молниеносная подсечка, пережат, и вот уже я лежу на спине, а надо мной нависает разозленный Зигфрид.

— Во-первых, не следил, а охранял...

— Тьфу, видала я таких охранников... Сами с усами. — Я пыталась вывернуться, уперев

руки ему в грудь, и прятала глаза. — Отпусти!

Ладонями я чувствовала гладкую прохладу его кожи, напряжение мышц и то, как часто бьется его сердце. Парень так и не переоделся, под распахнутым камзолом ничего не было надето. Пару мгновений я думала, что он не даст мне подняться. Я твердо встретила внимательный взгляд серых глаз и повторила:

— Отпусти, больно же.

— Кхе-кхе, не помешал? — раздался голос.

Зигфрид ловко вскочил на ноги и поднял меня, ухватив за запястья. Леший смотрел неприветливо, исподлобья.

— Здоров будь, дедушка, — пробормотала я смущенно.

— Виделись, — отвечивал лешак. — Нашли время любиться. Когда тут такие дела творятся. Эх...

— Упустила я твою милку, след потеряла, — повинулась я. — Найдешь?

— Отчего ж не найти... Дело нехитрое.

Студент чинно поклонился:

— Здравствуй, хозяин.

— А это кто у нас тут такой умный? Из каких краев? Какого чина-звания? Ты учти, абы кому мы Лутоню не отдадим. — Дедушка глядел на Зигфрида, как дите малое на масленичный шест, высоко задрал голову.

— Швабский барон фон Кляйнерманн.

— А папеньку у нас часом не Олафом кличут? Слышал-слыхал...

Студент кивнул. Было видно, что он приятно удивлен.

Видя мое недоумение, леший пояснил:

— Отец твоего милого — главный егермейстер у ихнего кронпринца. Толковый мужик, очень его вальдгайсты — местные лешие уважают. Папеньку, а не правителя... Кронпринц у них как раз... Тьфу, чего это я в политику ударился?

Мне стало понятно, почему Зигфрид с такой легкостью меня выследил. Видимо, с детства с отцом привычный по лесам ходить. А лешак между тем всю сворачивал разговор:

— Ну, как говорится, приятно было познакомиться, будете у нас — не проходите мимо. Рубецалю при случае от меня привет передавай. Скажешь, Ляксей Междуречный велел кланяться и про должок напомнить. Лутоня, пошли.

Леший взял меня за руку.

— Нет уж, дорогой хозяин, я здесь не останусь, — ухватился за другую мою руку Зигфрид. — Эта барышня находится под моей охраной и никуда без меня не пойдет.

Я почувствовала себя частью хоровода, ноги сами собой вознамерились пуститься в пляс.

— В нашем деле чужаков не надо, — дернул меня леший.

— А это теперь и мое дело, — потянул на себя студент.

Я мотала головой, как деревянный болванчик. Ёшкин кот! Вот нашла коса на камень, а я посередине на манер пучка травы. Сейчас эти забияки меня напополам разорвут! Вон и рубаха как-то подозрительно трещит.

— Значит, так. — С усилием я выдернула руки. — Успокойтесь!

— А чего он за тебя хватается? — не унимался леший.

— Пока я не выясню, что происходит, никто с места не двинется, — стоял на своем барон.

Переговоры зашли в тупик. Я лихорадочно раздумывала, как поступить. С одной стороны, время не терпит. Матрена, незащищенная и беременная, в руках загадочного рогача. Куда и зачем ее повели, я не выяснила. С другой — использовать студента вслепую как-то не по-людски. Зигфрид кажется мне человеком порядочным и надежным. А поддержка сильного мужчины, к тому же боевого мага, может понадобиться. Я же не знаю, с чем или с кем нам придется столкнуться...

— Дедушка, дай мне пару минут, — решила я. — Нам с бароном поговорить надо.

Леший обиженно надулся:

— Матрену к Идоловой поляне ведут. Я сразу вас всех засек, как только в лес вошли...

— Ух ты, — прикинула я. — Это ж совсем в другой стороне. Такой крюк делать придется. Нагоним?

— Отчего ж не нагнать... Сейчас, пока ты тут ворковать да любезничать будешь, я лешачью тропу наведу. Вмиг домчимся.

Я повернулась к Зигфриду:

— Ты — хороший огневик?

Парень пожал плечами:

— Неплохой.

— Боевым заклинаниям обучен? Можешь при случае чего-нибудь сотворить?

Барон протянул в мою сторону ладонь, на которой расцветал оранжево-синий огненный цветок. Я заворожено, забыв дышать, глядела на чужое колдовство. В лицо пахло раскаленным воздухом.

— Эй, заканчивай! — закричал леший, отвлекаясь от своей волшбы. — Мне только пожара в лесу не хватало!

Парень сжал кулак. Послышалось шипение. На миг я ослепла. Поморгала, привыкая к изменившемуся освещению. Его глаза за стеклышками очков оказались близко-близко, не отвести взгляда, не спрятать. В глубине зрачков бушевало затухающее пламя.

— Ну что, девочка, пришло время посвятить меня в твои загадочные дела?

И я рассказала: и про беременную дуру Матрену, и про свои опыты с волшебным гребнем, и про договор с хозяином леса... Он внимательно слушал, иногда кивая.

— Ты не передумал помогать мне? — спросила я, закончив рассказ.

Зигфрид улыбнулся:

— Фройляйн Ягг так просто от меня не отделается. Только один вопрос. Как ты узнала, что я адепт огня?

Я пожала плечами:

— Догадалась.

— Все готово, — в нетерпении приплясывал на месте леший. — Ну что, пошли или как?

— Барон идет с нами, — проговорила я, ступая в молочный туман лешаковской тропы.

Запахло тиной и болотной сыростью. Сразу стало трудно дышать, сочащийся влагой

воздух, казалось, забивал легкие. Я шла первой, положившись на хозяйскую волшбу. Позади негромко переговаривались провожатые. За пределами дороги ничего не было видно, будто движешься внутри белесой пульсирующей кишки.

— А невеста у тебя, добрый молодец, дома имеется? — с места в карьер пустился в расспросы дедушка.

— Кому и кобыла невеста, — отшутился студент.

Леший задумчиво почмокал губами, потом обстоятельно продолжил:

— А откель ты так справно по-нашему научился говорить?

— Матушка моя из этих мест, она и научила. Может, знаете, Магда, урожденная Цурбригген.

— Отчего ж не знать, знаю я Чуркиных, они, почитай, годков тридцать тому корчму на тракте держали. И родительницу твою хорошо помню. Девка — огонь, здоровущая, любой парень ей по плечо был. — Леший мечтательно вздохнул. — Никак не могла себе под стать в наших краях пару найти... Ушла пешком, с котомкой за плечами — лучшую долю искать. Вот ведь как ее жизнь закрутила... А папанька твой аристократический как нарисовался?

— Во время осады Вормса романскими войсками мутер так ловко орудовала отобранным у какого-то солдата двуручником, что отец не устоял. — В голосе Зигфрида послышалась нежность. — Сразу после победы увез ее в свое имение и стал увлеченно заниматься продолжением рода Кляйнерманнов.

А студент-то родителей любит... У меня аж слезы на глаза навернулись, надеюсь, от умиления, а не от зависти. Я-то своих и не помню почти, только бабуля у меня и есть.

Леший хлопнул в ладоши:

— Ну говорю же — бой-девка! А в огневики ты как подался?

— Как все, — ответил Зигфрид. — Поджег случайно замок, местный маг сказал — способности, надо учиться. В нашем княжестве наставника не сыскалось. Отец написал ректору Квадрилиума, меня вызвали на экзамен...

Под ногами приятно поскрипывала галька. Неужто от самой речки окатыши таскал? Да подбирал по цветам — коричневатые, зеленые, бурые... А вот этот плоский стекляннопозрачный белый опал я сегодня видела. Да никак ушлый хозяин дорогу закольцевал, чтоб мы подольше шли?! Видимо, любопытство дедушкино разыгралось не на шутку, если вместо того, чтоб к своей любушке спешить, он допросы устраивает.

— Долго еще? — обернулась я к шушукующейся парочке.

— Да нет, почти на месте. — Леший усиленно сигнализировал бровями, чтоб я не перебивала.

Подумаешь, не очень-то и хотелось! Надувшись, я зашагала дальше.

— А невеста у тебя, добрый молодец, дома имеется?

Я наострила ушки. Где-то я уже это слышала... За моей спиной воцарилось многозначительное молчание. Либо студент собирает с духом, либо... Я резко повернулась. Ёжик кот! На тропинке я стояла одна. Туман молочными струйками растекался по утоптанной траве, прячась под корнями деревьев. Я растерянно завертела головой, пытаясь определить, где нахожусь. Та-а-ак! Вот приметный куст бородавчатого бересклета, а вот одинокая голубая сосенка, неведомо какими ветрами занесенная в наши края, — до Идоловой поляны рукой подать. Я почти у цели, а Зигфрид остался там — на закольцованной лешачьей тропе, где морок, прикинувшийся лесным хозяином, будет бесконечно задавать ему одни и те же вопросы. Что делать? Скандалом ничего не добьешься. Колдовство лесное так устроено, что снять его может только человек, против которого оно направлялось. Так что или Зигфрид сам разберется, или я брошусь в ноги хозяину, чтоб сжалился. А иначе никак.

Дедушка появился, как всегда, неожиданно. Просто вышел из тени и ухватил меня за руку.

— Ты, это, Лутоня, на меня, старого, не серчай. Только очень уж я огневииков не жалую.

— Когда морок с парня снимешь?

— Как только, так сразу. Знаешь, сколько мне ихний брат лесу пожег, когда последняя война была?

— Знаю, ты рассказывал. И про то, как с водяниками объединился, и как пятнадцать боевых магов в болото завел... Ты же у ледзян до сих пор что-то вроде народного антигероя — из байки в байку кочуешь.

Дедушка порозовел и скромно потупил лягушачьи глазенки:

— Не бойсь, девонька, твоего-то отпущу...

Тут уж моя очередь глазки опускать пришла.

А потом раздался крик. Громкий, давящий, истошный, заставляющий мою кожу покрываться мурашками. Будто вспучилась подо мною матушка-земля, будто небо гулким колоколом качнулось над моей головой, будто... рожала женщина.

Мы с лешим кинулись на звук. На опушке происходили странные вещи. Оранжевый столб пламени поднимался к самому небу — в центре поляны горел костер. Я залегла в кусты, спутник плюхнулся рядом, тихонько охнув. На плоской поверхности валуна, раскорячившись и истошно воя, лежала Матрена. Ее сарафан был задран чуть не до подбородка, огромный живот возвышался над головами окруживших ее рогачей. А тех было уже... Два, четыре, шесть... Размножаются они, что ли? Исчадия сновали по поляне, будто в каком-то недобром танце, передавая друг другу отвратительного вида оружие на длинных шестах, переговариваясь и встряхивая головами, склонялись над роженицей, опираясь руками на камень. У меня просто волосы на голове зашевелились — слопают нашу Матрену, а косточки выплюнут.

— Тужься! Дыши! Тужься!

А голос-то какой — до боли знакомый...

— Ой, что ж теперь с нами будет?! — потрясенно шептал леший.

Я решительно поднялась. Дедушка схватил меня за щиколотку:

— Не лезь, пришибут!

— А вот сейчас и проверим, — дернула я ногой и двинулась в гущу событий.

Мое появление никого не удивило. То есть совсем. Матрене было не до того — живот опускался, ребеночек начал выходить. Голова женщины была запрокинута, бисеринки пота блестели на искаженном от усилий лице, рот раскрывался в гримасе боли.

— Ну, давай, болезная, тужься, вон уже и головка показалась... — кричала ей моя бабушка, поправляя предплечьем постоянно сползающую на глаза рогатую кичку. — Поддайте жару, сестры!

Незнакомые мне бабы в таких же потешных головных уборах принялись подкидывать в костер еловые шишки, палые листья, веточки и все то, до чего дотягивались их квадратные с закраинами лопаты, усаженные на длинные черенки. Несмотря на скудость подкорма, пламя взревело и взметнулось еще выше. Казалось, сейчас молодой серпик луны поджарится на этом огне, как первый блин, который по обычаю нарочно выпекают корявым и кособоким.

— Слабеют-то схватки... — пробормотала бабуля себе под нос. — Лутоня, не мешайся под ногами, потом поговорим.

Старая ведьма, полуприкрыв глаза, положила руки на Матренин живот. Теплый желтоватый свет, изливающийся из ее ладоней, покрывал все будто прозрачной

маслянистой пленкой. Роженица закричала совсем уж не по-человечески. Я едва успела подхватить окровавленный пищавший комочек, который кузнечиха исторгла из своего тела.

— Ну хоть какой-то толк от тебя. — Яга ловко перерезала пуповину ножом и забрала у меня ребенка, чьи широко распахнутые рысьи глаза лучше всяких слов говорили о его происхождении.

Нестарая еще баба, широкоскулая и большеротая, суетливо подскочила с квадратным куском домотканой материи.

— Хлопчик, — прошептала благоговейно, чуть огубляя звук «л».

И вот уже новорожденный укутан в теплую пеленку и приложен к груди новоиспеченной мамыши. Костер будто сам собой стал затухать, и вдруг стало заметно, что каменный идол светится неярким пульсирующим светом, напоминая ритмом биение огромного сердца. «Триславна будь, Матушка...» — шептали бабы, по очереди подходя к статуе и совершая глубокий поясной поклон. Мне многое стало понятно. Так вот ты какая, Макошь — прародительница мира! Да за одно подозрение в идолопоклонстве — кандалы и острог, а потом на дыбе будешь доказывать вещунам Трехликого, что «я-де не я и лошадь не моя...». Эх, бабуля, во что ты ввязалась? Глаза идола, волшебные глубокие, смотрели на меня с нежностью и легким упреком. «Пряха нити прядет, в клубок сматывает, не обычные нити — чудесные. Из тех нитей сплетается наша судьба — от завязки рождения и до конца, до последней развязки, до смерти...» — слова приходили ниоткуда и слетали с моих губ, будто желтые листья с обессиленных веток дерева.

— Ну чего пялишься, как баран на новые ворота, — растормошила меня родственница. — Думала, меня можно каким-то поганым гребешком с разума свести?

Бабушка стояла подбоченясь и злобно зыркала в мою сторону, только что не шипела рассерженной кошкой. Я лишь хватала ртом воздух и вытирала рукавом соленые дорожки слез. А Яга между тем входила в раж:

— Думала, заколдую дуру старую и сама дельце проверну. Ан нет, повертелка еще не отросла! Ты против кого пошла, соплячка?!

— Я думала, ты ребеночка погубить хочешь, — рыдала я в голос.

— Ну все, все... Не убивайся так. — Леший появился, как всегда, ниоткуда и ласково гладил мои плечи. — Я ж говорил, Яга — женщина справедливая, не могла она на смертоубийство пойти.

— А ты чего, шишка еловая, девку сюда допустил? — накинулась бабушка на новый объект. — Было договорено, что морочить будешь, пока обряд не проведем.

— Да нешто внучку твою заморочишь, она все мои хитрости как осенний ледок — с наскоку бьет. А вот огневичок ейный до сих пор круги мотает.

— Ну хоть что-то... С паршивой-то овцы хоть шерсти клок, — начала остывать бабуля; было видно, что слова лешего ей приятны. — А с дружкой новым я после разберусь, да так, что не обрадуется.

Тут уж я разозлилась:

— К чему было весь этот балаган с потерей памяти разводить?

— А чтоб неповадно... чтобы впредь... — Разноцветные бабушкины глазки воровато забегали. — Теперь семь раз подумаешь, прежде чем незнакомую волшбу городить.

Вот уж припечатала так припечатала! Больше всего мне хотелось орать, ругаться нехорошими словами и бить посуду. Я глубоко вздохнула, набирая воздуха для забористой тирады.

— Варвара, а чего нас с внучкой не знакомишь? — подошла давешняя баба с широким улыбчивым ртом.

Да уж, рутенский говор давался ей непросто. А из-под рогатой кички на плечи сбегали тонко плетенные светлые косицы. Новая знакомица была ледзянкой. Яга подняла руку в жесте отрицания:

— Погоди, Данута, сейчас ребенка в дорогу снарядим и толковище устроим.

— А мать-то?.. — Тоненькие бровки вопросительно изогнулись.

— Матери он без надобности, — отрезала бабуля. — А в скиту его выучат, вырастят, и будет у Пряхи еще один волхв.

Так, значит, бабушка с самого начала не планировала убивать младенца? Я припоминала формулировки ведьминоного договора. Матрене было обещано, что ее «от горя избавят». Только и всего, остальные ужасы я сама придумала. Охохонюшки! Наказать себя, что ли? В угол на горох или вообще розгами по мягкому месту. Представив, под каким углом мне придется извернуться, чтоб это осуществить, я прыснула. Леший пошевелил ушами. А он-то чего как приколоченный тут стоит? Ни полюбовница, ни ребяенок ему уже не интересны? Я оглянулась на камень. Матрена все так же держала младенца у груди. А ведьмы-то хороши — скит у них, общество какое-то сестринское... А бабушка-то — за столько лет ни намека, ни словечка... Тьфу, да что мне за чушь в голову лезет, когда тут такие дела творятся? Я сделала большой шаг вперед и звонко щелкнула лешего по лбу. В кусты бесконечно плавным прыжком сиганул уже слегка поседевший от страха перед приближающимися холодами заяц.

— Бабуль, лесовик Матрену увел, — сказала я, перебирая ворох палых листьев на том месте, где всем виделась роженица.

Яга встrepенулась, повела головой из стороны в сторону, будто прислушиваясь, и закричала:

— Найти!

Остальные жрицы кинулись с поляны, как свора охотничьих собак, послушных слову хозяина.

— Ну ничего... Приведут их сестры, — бормотала бабушка, обессиленно опускаясь на землю возле почти остывшего кострища.

Скупой пасс руками, и вот уже веселые язычки пламени разгоняют ночной сумрак.

— Как же они лешего поймают в его-то владениях? — присела я рядышком.

— Это, девонька, еще неизвестно, чьи тут угодя...

— Одного не понимаю, — поворошила я угольки длинной веткой, — чего ты не разрешила ему ребеночка оставить? И зачем обряд нужен был? Разродилась бы баба тихонько, а там бы уж решали.

— А чего решать? Знаешь, какие из таких полукровок берендеи-перевертыши получаются? Парня обучить надо, к сильной волшбе подготовить. А насчет обряда... Без Матушкиной помощи — никак, обоих могли потерять — и мать и дитя.

Тут меня осенило.

— Получается, что ты свою часть договора так и не исполнила? Что ж теперь будет?

До меня только начал доходить весь ужас положения. Но пострадать вволю не получилось. На поляну ввалился Зигфрид, дрожа от возбуждения и дико поводя глазами. Его раскаленные ладони роняли на землю голубоватые искры. Огневик явно готовился к драке.

— Я опять все интересное пропустил?

— Охолонь, — примирительно сказала бабушка, приглашающе похлопав по траве рядом с собой. — Садись, рассвета ждать будем.

Студент обвел взглядом поляну — идола, алтарный камень, нашу теплую компанию — и

устроился неподалеку, потешно свернув ноги калачиком. От остывающих рук шел пар.

— А кровь откуда? — Круглый, с ямочкой, подбородок указал в сторону валуна.

— Матрена рожала, — скупо пояснила я. — Мальчика родила.

— Ну это понятно. — Зигфрид почесал в затылке. — А откуда кровь?

Ёжкин кот! Это в каких университетах таких недалеких студентов держат? Он что, дурак? Меня так и подмывало какую-нибудь похабщину вымолвить.

— Да мужик он, просто мужик, — ответила Яга на мой молчаливый вопрос. — Не перемайся, много будешь знать — скоро состаришься... — Это уже студенту. — Лучше расскажи, зачем тебя ко мне послали? Кто там у вас за главного — мэтр Пеньяте небось?

— Вижу, мои наставники недаром говорили о вашем недюжинном уме, фрау Ягг. — Студент ухватился за пояс, шелкнула пряжка, из-под ковanej накладки появился мутный кристалл, больше всего похожий на неровный кусок соли.

С поклоном протянул вещицу бабушке:

— Ректор просил передать вам послание.

Ведьма хитро улыбнулась и без замаха бросила друзу в огонь. Когда дым рассеялся, на месте кострища оказался невысокий сухонький старичок. Его полупрозрачная фигура была закутана в бордовую мантию. А всклокоченная пегая копна волос в сочетании с крючковатым носом и ехидными темными глазами указывала, что перед нами настоящий коренной элориец.

— Варвара! — взволнованно вскричал дедок. — Mi mejor amigo!

И затарахтел, выплевывая звуки, как сухие горошины. Этого языка я не знала. Но, судя по довольному лицу бабушки, послание было не лишено приятности.

— Он нас видит? — проговорила я тихонько, обращаясь к Зигфриду.

— Нет, — так же шепотом ответил он. — Односторонняя связь, типа — звуковое письмо.

— Это твой наставник?

— Ага. Мощный маг огня, одним взглядом может...

Ведьма на нас цыкнула, и мы замолкли. А далекий элориец тем временем выхватил откуда-то чудные гусли с длинной деревянной пластиной сбоку. Пристроил на коленях, пробежался пальцами по серебряным струнам. Гулко разнесся первый аккорд, чеканная мелодия выстраивалась подобно кружеву, зазвучала песня. У дедка оказался глубокий приятный голос. Я не понимала ни словечка, но пел он о любви, да так, что сердце мое замирало в предвкушении, а на глаза наворачивались слезы. И представилось, как крепкие, надежные руки обнимают мои плечи, нежно шепчут губы, а синие как омуты глаза... Брр! Чего-то меня не туда заносит! Я тряхнула головой, разгоняя наваждение. Бабушка хлопнула в ладоши — на поляну опустилась тишина.

— Фольклорная практика, значит... — задумчиво пожевала губами ведьма. — Ну-ну...

— Что мне передать мэтру? — подобрался барон.

— Передай, что ежели его из университета выпрут, сможет скоморошить по дорогам, — отрезала Яга.

Потом милостиво добавила:

— Думу думать буду, тебе решение сообщу. Тут семь раз отмерить надо... Ты пока делом занимайся — пословицы там, поговорки... Тосты опять же. Не все ж тебе полезных в хозяйстве муравьедов потрошить.

Тут бабушка гнусно захихикала, я поняла, что дело пахнет пригорелым. Студенту в ближайшее время здоровьем озаботиться придется, особенно если под каждую здравницу

чарку опрокидывать.

Из предрассветных теней бесшумно появлялись сестры. Судя по всему, погоня успехом не увенчалась. Я с удивлением заметила, что все жрицы были гораздо моложе моей бабули. И если Данута по возрасту годилась мне в тетки, то остальные были чуть старше меня. Не бабы — девицы. Студент держался гоголем — плечи расправил, поплотнее запахнул сюртук и поправил очки на переносье. Ведьмы едва удостоили его внимания. Молча рассаживались вокруг костра. Одежда жриц, кроме одинаковых головных уборов, отличалась разнообразием. Данута щеголяла подбитой мехом кацавейкой, накинутой поверх длинной вышитой рубахи. Курносые и голубоглазые, похожие друг на друга, как горошины в стручке, рутенки кутались в богатые беличьи шубки. А еще две барышни, чье происхождение вот так с наскоку не определялось, были в диковинных нарядах, плотно облегающих грудь и широко расходящихся от талии. В памяти всплыло непростое слово «кринолин».

— Они по наведенной тропе ушли, — проговорила ледзянка, повинно наклонив голову. — Совсем...

— Не казись, — ответила бабуля. — Моя в том вина, забыла я о великой силе материнской любви. Передумала Матрена, ради ребенка за Ляксеем пошла.

Затем продолжила, обращаясь уже ко всем присутствующим:

— Благодарствую, сестры, что по первому зову ко мне на помощь прилетели. Больше нет у меня права вас созывать — ведьмину клятву я нарушила. Теперь вот Данута пусть промеж вас главной будет, пока Макошь свою волю не явит.

И, отменяя возражения, пружинно поднялась с земли:

— Лутона, хватай студента.

— Пусть твоя внучка останется, — проговорила ледзянка, задорно мне подмигнув.

— Не наша она, — сомневалась родственница. — Не успела я в младенчестве ее обратить, а потом уже поздно было...

— Она — женщина, значит, наша. Дай девчонке немножко свободы, чай, не заблудится, дорогу найдет.

— Уболтала, — сварливо согласилась бабушка. — Но чтоб до полудня дома была.

— А я? — начал притихший было Зигфрид.

— А ты, барон, как человек благородный, проводишь пожилую женщину. — Яга картинно схватилась за поясицу. — И забудешь обо всем, что видел сегодняшней ночью.

— О, фрау, забыть о вокальных упражнениях начальства, боюсь, будет выше моих сил. — Студент вскочил и галантно поклонился.

Рука об руку они покинули поляну. А как только их спины скрылись за деревьями, до нас донеслась исполняемая в два голоса песня, в припеве которой повторялось «эль амор».

— Нареченный твой? — брезгливо кривя рот, спросила одна из кринолиновых девиц.

— Друг, — ответила я как могла твердо.

— Глупые вопросы, Тереза, — вступилась за меня ледзянка. — Ночь на исходе. За дело, сестры! Ведьмин круг!

Все взяли за руки. Мою левую ладонь холодила рука высокомерной Терезы, а правая досталась круглолицей и круглобкой рутенке. Не совсем понимая, чего от меня хотят, я исподтишка осматривалась. Закрытые глаза, сосредоточенные лица, напряженные рты. Я тоже зажмурилась. А потом я почувствовала себя так, будто в мое темечко попала молния. Ослепительная вспышка света сменилась угольной чернотой, из которой стали вырисовываться разноцветные ломаные линии. Они бежали, переплетались, путались, сбивались в колтуны. И я понимала, что обязана расчесать, выпрямить эту волшебную

кудель, распутать все нити судьбы. Своим новым внутренним зрением я видела каждую из сестер, причем как снаружи — до последней веснушки, до каждой крохотной реснички, так и изнутри — с их чаяниями, обидами, мечтами. Тереза была романской княжной, и самым большим ее желанием было выйти замуж за двоюродного брата. Как я поняла, близкородственные браки в их краях были запрещены, и девушка страдала. Близняшки Дарья и Марья были дочерьми стольноградского купчика, и в миру их заботило только то, что батюшка на новый сарафан денежку не отсыпал. Данута обреталась под Вавелем, занимаясь ведовством в небольшой деревеньке. А пятая сестра — Йохана, оказалась наперсницей Терезы. Причем про себя она думала противным словом «приживалка». И несмотря на то, что все они были разными, та крошечная капелька крови племени ягг, которая текла в их жилах, позволяла им объединенными силами продолжать традицию — служить Матушке. И еще я понимала, что мне в действе отводилась скромная роль источника силы — всех сестер здорово потрепала погоня. И видела, какой смешной чумазой деревенщиной выгляжу в их глазах. И ничуточки, ничуточки не обижалась. Мне было так невероятно хорошо, что я хотела всю себя отдать на служение, выдавить, выплеснуть до донышка, чтоб пустой оболочкой лечь под ноги богине. И она отвечала мне благодарной лучистой улыбкой, в которой я растворялась, как соль в кипятке.

«Эх, иссушили девку», — донеслось издалека, будто сквозь подушку. «Поспешаем, сестры, уже рассвет... не поминай лихом...»

Пришла в себя я ближе к полудню, лежа на холодной земле возле мертвого кострища.

ГЛАВА 4

Очень зимняя, в которой у героини просыпаются силы и ей предстоит отправиться в путь

Мы-й у свата бували,

Ничего не видали:

Ни пива, ни водки,

Пересохли наши глотки!

Неслышной и почти незваной, кутаясь в пушистую снежную шаль, аккуратно переступая мягкими меховыми унтами, в Рутению пришла зима. Пора праздная и сытая — время братчины и свадеб. Мохнатые снежинки, похожие на разлапистых паучков, закружили хороводами, реку сковало панцирем блестящего гладкого льда, а в воздухе стали разноситься густые запахи копчений да пирогов.

Ну, это для кого роздых, а для кого времечко над книгами горбатиться. Родственница спуску не дает — учиться заставляет. Говорит, и так много упустила. А про то, что причина была уважительная и что это ее подруженьки меня чуть в могилу не свели — ни мур-мур.

После памятной ночи на Идоловой поляне я слегла. Болталась в сером тумане между жизнью и смертью, почти ничего не слыша и не ощущая. Яга, лишенная покровительства Матушки и оттого непривычно слабая, сбивалась с ног, пытаюсь поднять меня отварами и заговорами. А я медленно, неотвратимо угасала. Время от времени приходила в себя, чтоб безучастно отметить горький вкус лекарства или душный жар печи, в которую меня регулярно опускали для лечения, а потом забывалась тяжелым, недобрым сном — меня колотила лихорадка. В бреду приходили ко мне видения, большую часть из которых я не запомнила, являлись странные люди и нелюди... Иравари, которой для бесед теперь не нужно было блюдца, склонялась над лежанкой, укоризненно качала головой, пряча слезы в уголках глаз. Леший укачивал на руках слюнявого рогатого младенца и радостно мне улыбался из угла горницы. Трехликий, как ему и положено, ходил утром на четырех ногах, днем — на двух, а к вечеру отращивал третью. Макошь, почему-то коротко по-мужицки стриженная, подносила ко рту чудную дымящуюся палочку и выдыхала мне в лицо вонючие клубы. Я отмахивалась, надсадно кашляла. «Рано тебе еще, девка, — втолковывала она мне. — Рано, и не ко мне...» И соленый ветер надувал паруса, и крики чаек разносились над бескрайней морской гладью...

А потом все кончилось. Одним прекрасным утром я проснулась затемно, потянулась от души, до хруста, прислушалась к себе и поняла, что абсолютно здорова. Когда, пошатываясь с отвычки, добрела до оконца, стало ясно, что, пока я болела, чернотроп остался позади — Мохнатовку укрыли снежные сугробы.

— Ба, — подняла я голову от толстеного фолианта. — А зачем мне все тридцать три хинских говора знать надобно? Я ж до тех земель в жизни не доберусь, чтоб свою образованность показать.

— А все пригодится, — рассеянно ответила ведьма, хлопоча у плиты, помешивая в чугунке густое травяное варево. — У них завсегда сильные колдуны были, и все, вишь, любили за собой записывать. А тебе хитрый заговор прочесть, или таблицу звездную составить... или кушанье какое чужеземное приготовить — все кусок хлеба.

— Бабуль, а почему ты меня по-элорийски не учишь? Такой красивый язык, и, наверное, уж их маги посильнее хинских сейчас будут.

— Эх, Лутоня. — Яга сняла пробу большой деревянной ложкой, поморщилась и досыпала в чугунок из полотняного мешочка. — Там все не просто...

С истошным петельным визгом распахнулась дверь, в горницу через сени ввалился клуб морозного воздуха, а вслед за ним — уставший Зигфрид.

— Расчистил дорожку, принимай работу, хозяйка.

— Вот еще, буду я ноги лишней раз трудить, — вежливо ответила бабуля. — Разгреб снег, и ладно. Лучше объясни нашей девице, почему я ее элорийскому наречию не обучаю.

Студент не обиделся или просто виду не подал. Скинул в углу на лавку теплый зипун, варежки и, потирая руки, уселся за стол напротив меня. Помолчал, собираясь с мыслями, снял запотевшие в тепле очки.

— Знание этого языка дается только тем, кто хоть раз там побывал.

— Кем дается?

— Не знаю. Просто выходишь из портала и сразу начинаешь понимать чужую речь, будто в голову кто-то нужные слова вкладывает. А потом, даже когда покидаешь Элорию, это знание с тобой остается.

Надо ли уточнять, что мне сразу туда захотелось? Кто ж от такого подарочка откажется? Я-то точно не из таких. Хочу, хочу, хочу...

— Фрау Ягг, — повернулся студент к бабуле. — Может, отпустите со мной внучку на гуляние? Чего-то она бледненькая совсем. Силыч сказал, на площади скоморохи представление давать будут, да и на берегу сейчас весело. Пусть развлечется, а я за ней присмотрю.

Вот оглоед! Бледненькая я ему! Да с моей болезнью бабушка про притирки да замазки забыла. Вот рябые разводы сами собой и пропали. А то, что кожа у меня светлая, — так это порода у нас, яггов, такая. Как бы это на себя незаметно глянуть — в плоску с водой, а еще лучше — в блюде волшебное? Спросить у Иравари — может, я собой дурна, может, и ни при чем были бабушкины ухищрения? Я засуетилась было, но притихла под тяжелым взглядом родственницы. Ой, не пустит...

— Отчего ж не погулять, коли дело молодое, — неожиданно решила бабуля. — А вечером к нам приходи — будем твоему ректору ответ писать.

Зигфрид широко улыбнулся.

— Рано радуешься, — окоротила ведьма. — Я еще ничего не решила... Иди пока на дворе подожди. Лутоне придется надо.

— Я не буду этой гадостью мазаться, — опасливо пропищала я, указывая на котел, когда за студентом захлопнулась дверь. — Пахнет уж больно... Аж глазам больно, так оно пахнет!

— Вот сейчас как дам в лоб, — пригрозила мне ложкой бабушка. — Сразу начнешь прорицальные зелья от притинок отличать. Учишь ее, учишь... Бестолковка! Кыш с глаз моих, пока не передумала!

Я рысью кинулась к сундуку. Ёжкин кот! Это ж откуда у меня столько баракла насобиралось?

Погода радовала — мороз и солнце. Благодать! Зигфрид чинно топтался у крыльца. Вскинул голову, когда я вышла, уставился во все глаза и даже, кажется, дышать стал с перебоями — через раз. Не нравится? Подумаешь! Сам-то не принц заморский. Небось, всей деревней ему одежду справляли. И зипун, хоть теплый и добротный, но явно с чужого плеча — вон как на локтях-то затерся. Все равно обидно. Поэтому буркнула неприветливо:

— Рот закрой, горло застудишь.

— Ну просто Снегурочка! — отмер парень.

Уф! Значит, все-таки от моей красоты ненаглядной ошалел. Я оглядела свою голубовато-белую шубку, поправила на затылке меховую шапочку и про себя помянула добрым словом Ляксея, который мне на эту красоту шкурок насобирал. Эх, жаль, простые

катанки обуть пришлось — сапожки не в пример лучше смотрелись бы. Да только вот в такой мороз без пальцев на ногах остаться можно. Так что, как говорит наш староста под третью чарку, здоровье дороже. Я сразу повеселела.

Протиснувшись гуськом на укатанную общую дорогу, мы пошли рядом. Не сговариваясь, повернули направо — к реке. Барон бросал на меня косые взгляды и начинать непринужденную беседу не торопился.

— А она, говорят, совсем дурочка была... — начала я.

— Кто?

— Да Снегурка наша. Знаешь, на другом краю бирюк живет, то ли Роман, то ли Богдан — сейчас не упомяну...

Зигфрид попытался поправить очки и покачал головой:

— Нет, не знаком.

— Ну так вот... — продолжила я. — Давно дело было, годков тридцать назад, как раз под конец освободительной войны. Ну, когда наш теперешний князь Стольный град брал, то есть освобождал из рук коварных узурпаторов...

Я села на любимого конька — страсть как люблю истории рассказывать. Зигфрид оказался слушателем благодарным: не перебивал, кивал в нужных местах, даже за локоток меня ухватил, чтоб ни словечка не упустить. А я разливалась соловьем:

— И к делу князюшка подошел с размахом — наемников нагнал видимо-невидимо. И северные варвары были со своими шаманами, и восточные колдуны, и... Да кого только не было! Даже дюжину боевых големов на штурм пустил.

Тут барон так стиснул мою руку, что я вскрикнула:

— Полегче, я-то не из глины!

— Прости, — смутился студент. — Я вашу новейшую историю плохо знаю. Как же ему удалось такое разношерстное войско собрать, да еще и под стены привести?

Вопрос был скользкий, углубляться в него не хотелось, поэтому я ответила кратко:

— Вещуны Трехликого порталы навели. Ты же знаешь, они мастера перемещений...

Зигфрид, видно, хотел еще что-то уточнить, да только я ему вопроса вставить не позволила, затарахтела, как глухарь на токовище:

— А дело было так. Возвращался в далекие жаркие страны докс Шамуил, чьи глиняные великаны сыграли решающую роль при штурме. Доксы считаются в народе людьми прижимистыми, чтоб не сказать — скаредными. Правда это или нет — судить не нам. Только Шамуил полностью народному мнению соответствовал. Он благополучно развеял своих кукол сразу после победы — их транспортировка обошлась бы дороже, получил с князя причитающуюся плату и не торопясь, пешочком, опять же в целях экономии, двинулся в родные края. Путь его проходил через Мохнатовку. На ночлег остановился он в халупке нашего то ли Романа, то ли Богдана. Не, вспомнила — Мирон того деда звать. А чтоб денежку не тратить — заплатил за постой кусочком пергамента.

— С формулой? — ахнул студент.

Я хихикнула:

— Ну да! Одним из тех, которыми он свое воинство оживлял. Докс рассудил, что колдовство слегка повыдохлось, ни на что большое силы его уже не хватит, а бирюку в хозяйстве — в самый раз. Ну дальше ты, наверное, догадался...

— Нет, нет! Требую продолжения истории.

— А дальше — как в сказке. Тогда Мирон еще не отшельничал, хозяйка у него была. Тоже, представь себе, баба скопидомная. Только дед за глину — помощника себе лепить,

она в крик: «Ты чего добро переводишь! Лучше печь с того боку подмажь!» Дед в спор, она за ухват. Так до зимы и спорили. А потом Мирон плюнул и слепил девку из снега, оживил ее пергаментом, назвал Снегурочкой. И хорошо слепил — талант у деда оказался. Она у стариков во дворе жила, в избу-то ее боялись заводить, чтоб не растаяла. Красивая, говорят, была — сама беленькая, глазищи синие огромные и русая коса до самой земли. По деревне шла — мужики цепенели. Правда, говорить не могла, только мычала. Видно, дед что-то с заклинанием напортачил.

— Идеальная жена! — закатил студент свои бесстыжие глаза. — Прекрасна, как богиня, и молчалива, как мрамор. Весной она растаяла?

— По легенде, ее Мороз Иванович себе забрал, то ли внучкой, то ли еще кем... Только я думаю, точно растаяла.

— И на основании чего фройляйн делает такие выводы? — продолжал веселиться Зигфрид.

— Ну это же скаредная баба Мирона потом на колобка по сусекам скребла. Скорее всего, ему Снегурочкин пергамент по наследству и перешел.

— А неблагодарная ватрушка, не мешкая, сбежала от своих благодетелей. Эту сказку я записывал, — подвел итог студент. И в подтверждение своих слов пропищал тоненьким противным голосом: — Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел.

— Садитесь, фон Кляйнерманн, отлично, — поддержала я игру.

Вот так, дурачась и подначивая друг друга, мы и дошли до цели. На смородиновом крутояре не протолкнуться — гуляет народ. Корочун сегодня — самый короткий день в году. Большой праздник. Нарядные краснощекие девицы вышли себя показать, парни — на красавиц посмотреть, а кто постарше и посолиднее — развеяться, отдохнуть от целого года тревог и забот. Песни-пляски, снежки да салазки, прямо на середине реки расчистили мужики место под каток. Ходит-бродит с лотками промеж гуляющих торговый люд — кому прянички, кому конфеты-мармелады или печенье, а кому и чего покрепче да пожиже — на любой вкус товар сыщется, на любую мошну. И разносится над толпой веселая морозная песня:

Ах ты, зимушка-зима, Ты холодная была. Ты холодная была, Все дорожки замела. Э-эй да люли, Все дорожки замела. Все дорожки и пути, Негде всаднику пройти. Э-эй, да люли, Негде всаднику пройти.

Зигфрид с кем-то здоровается, отвечает на поклоны, улыбается. Почти своим стал студент. Угол ему у себя Платон Силыч выделил, столоваться с домашними завсегда приглашает. Значит, барону в нашей деревне почет и уважение. А может, староста его женить надумал? А что? У Силыча три дочери на выданье. Не все ж им по вечерам под окнами прясть в ожидании суженого. И на меня деревенские внимание обращают. Только внимание неприветливое, настороженное. Ну да ничего, мы привычные... Однако бессмысленное хождение начало меня утомлять.

— Пошли хоть на ледянке скатимся, — дернула я студента за рукав.

— Твоей бабушке обещано было, что озорничать не позволю, — поморщился Зигфрид. — Слаба ты еще для таких подвигов.

— Ну, тогда хоть леденец на палочке купи... — заняла я.

Спутник только кивнул и ринулся в толпу лотошников. У кого-то характер от мороза, видно, портится. Ну чего ему стоило прокатиться по обледенелому желобу аж до другого берега, да с ветерком, с гиканьем, с посвистом молодецким? А то бродим тут на веселом празднестве, будто нам сто лет в обед. Бабуля, вишь, ему не велела! Тоже подлиза знатный. Носятся со мной, как с тухлым яйцом, уже которую седмицу.

— Ой, девки, глядите, как ведьмина внучка расфуфырилась, — донесся до меня визгливый злобный голосок. — Небось всю осень морду в щелочке держала.

Это кто у нас смелый такой? Ага! Лизавета — младшая дочка старосты. У самого берега, где начинается укатанный ледяной спуск, веселится компания молодежи. Парни и девки

отвлеклись на минутку друг от друга и все уставились в мою сторону. Мелькнуло лицо бывшей подруженьки, слегка вытянутое от удивления. Мне показалось — сейчас Стеша подойдет поздороваться. Нет, отвернулась равнодушно, что-то шепнув стоящей рядом девице. Ну правильно, не ровня я ей. Не очень-то и хотелось! А вот Лизавету надо отбрить. А то меня живо эти курицы заклюют. Проходили, когда они еще цыплятами желторотыми по деревне бегали. Поэтому я вдохновенно заорала, перекрывая ровный гул толпы:

— Ты, квашня, на себя посмотри! всю свеклу из клетушки на румянец извела? Так у тебя одна щека выше другой получилась! И за косу держись покрепче. А то, может, кто-то еще не знает, что она у тебя приплетная-а!

Вот так-то! Вишь, разозлилась как — так покраснела, что уже и не видно, чего у нее там выше. Правда, она всегда больше брехни колет.

Я дорожку размету, Сама к всаднику пройду. Э-эй да люли, Сама к всаднику пройду.

Я гордо развернулась и... бамц! — получила в голову плотным снежком, аж в ушах зазвенело.

— Ой, люди добрые, Федор-то чернавку осчастливил! — захлебываясь, визжала Лизавета.

Вот ведь как полезно кавалера под рукой иметь. А мой где-то петушков липких выбирает. Федька — потный и раскрасневшийся кузнецов подмастерье — уже споро лепил другие снаряды. Ах, значит, так? Мало я тебя в детстве колотила! Время-то идет, а ума у некоторых не прибавляется. Я зарылась по локти в ближайший сугроб. Силы, конечно, не равны, да только я быстрее. Р-р-раз! — и огромный ком снега залепил лицо противнику. Федька только отряхнулся по-собачьи. В следующую минуту я согнулась под градом холодных колобков. Приятели Федора — Мишка и Гришка — поспешили на помощь недорослю. И я стала отбиваться. Остальные радостно скалились нежданному развлечению, улюлюкали, кричали, но в баталии принять участия не стремились. По уму, мне следовало отступить — бежать домой или искать Зигфрида, чтоб спрятаться за его широкую спину. Да только овладел мною какой-то злой кураж — я носилась подобно грозовой туче, мои наскоро слепленные снежки разили без промаха. Вот уже схватился за глаз Мишка, Федор стал явно прихрамывать. Я уворачивалась от атак, используя любую неровность, любой снежный занос или куст, неожиданно переходя в контрнаступление. И лилась, лилась разудалая песня:

Ах ты, всадник молодой, Ты возьми меня с собой. Э-эй да люли, Ты возьми меня с собой. Ты возьми меня с собой Молодой своей женой. Э-эй да люли, Молодой своей женой.

А сердце бьется часто-часто, горят щеки, покалывает морозцем руки — варежки потеряны в пылу борьбы. И Гришка, видимо уже порядком потрепанный, куда-то подевался. Скоро будет пора праздновать победу да песни величальные самой себе петь.

Ага! Разбежалась! Дальше все происходило одновременно — подвернулась нога, со спины на меня накинута неожиданно появившийся Гришка, схватил за руки Федор. И мы орущей куча-мала кубарем скатились с крутояра. Пока я отплевывалась и отвешивала затрешины, стали подтягиваться зрители — вся честная компания. «А бережок-то нас от гуляющего люда очень удачно прикрыл, — почти равнодушно подумалось мне. — Теперь уж и студент не отыщет, и никто из взрослых не заступится, если что...» Меня за шкирку вытащили из снега, поставили на ноги. Двое парней держали за локти, пока походкой королевшины к нам приближалась Лизавета.

— Ну что, чернушка, получила на орехи? Будешь теперь знать, на кого тявкать.

Я только подбородок вздернула.

— Думаешь, меха нацепила и чудо как хороша сделалась? Или в зеркало никогда не глядела? Так я тебе покажу, а то так в неведении и помрешь. — Редкие мелкие зубы ощерились в недоброй ухмылке.

Порывшись в богатой поясной сумице, Лизавета вытащила круглое зеркальце.

— На, любуйся! — И сунула вещицу мне под нос.

Я зажмурилась. Нельзя, нельзя мне туда смотреть... Бабушка узнает, заругается. Чьи-то злые руки дергают за волосы.

— Смотри! А не то косу тебе отрежу. Федор, ножик дай.

— Может, ну ее... — бубнит Федор. — Может, хватит?

— Это я решать буду, когда хватит.

Лизавета непреклонна. Вот же повезет подмастерью с женой — попадет под каблук, пикнуть не успеет. А стальное лезвие уже холодит затылок. Еще чуть-чуть и прощай моя гордость — толстая девичья коса.

Эх, пропадать, так с музыкой. Я широко раскрыла глаза, успев увидеть в зеркальце свою перемазанную физиономию с синяком на скуле. А потом гладкая полированная поверхность пошла трещинками и, мелодично тренькнув, разлетелась на тысячу мелких осколков.

— Ведьма! — ахнул кто-то испуганно.

И я почувствовала, как в волосы вгрызается закаленная сталь Федькиного ножа. Из моего горла вырвался низкий нечеловеческий вой.

А потом пришла пустота — страшная и звенящая. И будто четыре тугих каната обхватывают меня за пояс, вздергивают над землей, и я взлетаю над головами мучителей, широко раскинув руки. И с севера в мои рукава проскальзывают шаловливые струйки Бора, и с юга веет жарким ароматом раскаленной земли, восточный ветер и западный тоже приходят, потому что кружит меня, будто оказалась я внутри огромного воздушного водоворота. И с любопытством гляжу я сверху на разбегающихся людей, на сорванные ураганом крыши, на группу закутанных в черные плащи всадников, несущихся ко мне прямо по блестящему речному льду. А вон и Зигфрид, простоволосый, без шапки, пытается пробраться поближе, преодолевая порывы ветра. Падает, поднимается, опять падает, на четвереньках пытается ползти вперед. Снежный вихрь на минуту скрывает от меня фигуру барона, а когда снег опадает, я вижу, что Зигфрид лежит неподвижно.

— Нет! — кричу я и камнем падаю вниз.

Поздно вечером я, уставшая и зареванная, тихонько сидела дома на лавке, сжимая в руках кружку с мятным взваром. А бабушка бушевала. Такой я Ягу никогда не видела. Прихрамывая, она носилась из угла в угол, увязывала мне в дорогу какое-то барахло и бухтела, бухтела:

— Вишь, кавалерию они прислали... Стихийников у них тут отродясь не было... И не будет, с таким отношением!

Я шмыгнула носом.

— Не реви, — подлетела Яга. — Это еще не сила, а так — предвестники. Хорошо еще, не погиб никто. А за хозяйства разоренные я расплачусь, не сомневайся. Про что тебе вещун там нашептывал?

Я вспомнила черные плащи, серебряные маски, выглядывающие из-под капюшонов...

— Говорил, чтоб теперь не боялась, что учить будут.

— Ага! Эти научат...

В горницу без стука ввалился Зигфрид, серьезный и собранный, с огромным заплечным мешком.

— Фрау Ягг, нам пора.

— Бабуль, а нам обязательно вот так, на ночь глядя, убежать? — вдруг испугалась я.

— Иначе никак. С утра придут эти... — Тут ведьма употребила слово, что даже у студента уши покраснели.

Родственница, как всегда, права. К «этим» в лапы попадать очень не рекомендуется. Недобрые мутные слухи ходят про вещунов. Некоторые говорят, что и не люди они вовсе...

— Лутоня. — Бабушка повесила мне на шею янтаринный шарик на цепочке. — Будут там спрашивать, «по какому праву вы, донья Лутеция, вступили под сень...», ты им сразу кулончик под нос. У тебя прав-то поболее, чем у других, будет.

— Хорошо. — Я спрятала подвеску в вырез мужской рубахи.

— Теперь ты, — повернулась ведьма к студенту. — Бери то, за чем приходил, — передашь наставнику.

И сунула студенту ворох пергаментных клочков. Зигфрид ошалело стал распахивать добычу по карманам.

— А на словах обскажи, — Яга на мгновение задумалась, — что октавы у него проваливаются, пусть инструмент лучше настраивает. Ну все, присядем на дорожку...

Мы помолчали. Хороший обычай, правильный. Как раз, чтоб вспомнить, ничего ли не забыто впопыхах. Ёжкин кот! Я ринулась к запечному тайнику и одним движением сгребла в мешок всю захоронку. Бабушка посмотрела на меня строго, потом подошла и сухо поцеловала в щеку. У меня сердце сжалось от скорой разлуки. Еще пара минут, и коренастая лошадка, терпеливо дожидаящаяся у забора, унесет меня от всего привычного и родного. Втроем мы вышли на крыльцо. Засада! На улице нас поджидали закутаные в плащи фигуры. Первой сориентировалась Яга:

— Через изнанку пойдете. Быстро!

— Куда? — уточнил студент.

— В баню, — шепнула я, подталкивая его в нужном направлении.

Мы бросились к пристройке, я рванула на себя заледеневшую дверь, развернулась.

— Спиной вперед входи, — успела скомандовать, прежде чем ухнуть во влажное изнаночное нутро.

— Интересно девки пляшут, — пробормотал Зигфрид, осматриваясь.

А чего тут смотреть? Пыль и запустение. Как и положено. Вон только стайка мелких юрких банщиков спряталась за расколотой шайкой. Торопиться надо. Изнанка — тварь хитрая, все силы выжрет, если надолго задержимся. Хорошо еще, дорогу помню. Из лесу — на тракт, а там уж как повезет.

Послышался скрип. Барон дернулся.

— Не бойся, — взяла я его за руку. — Это в яви кто-то за нами увязался, небось вещуны обыск затеяли.

— Куда дальше?

— Ты лучше глаза закрой, а то с непривычки...

Зигфрид доверчиво зажмурился, и я его повела — сквозь стену по дорожке, вымощенной желтым кирпичом. Когда мы наконец очутились в лесу, уже занималась заря. Заря моей новой жизни.

ГЛАВА 5

Дорожная, и очень грустная, в которой у путешественников появляется еще полтора спутника

Пришел Прокоп — кипит укроп,

ушел Прокоп — кипит укроп.

И при Прокопе кипит укроп,

и без Прокопа кипит укроп.

Уф! Я, сыто отдуваясь, поудобнее пристроила у стены натруженные плечи. Почти седмицу тащить на себе поклажу по заснеженной дороге, да по бездорожью, без снегоступов, да... Ёжкин кот! Вот только жалеть себя не хватает! Подумаешь, барыня какая! Зигфриду вон не меньше досталось, а может, и больше. В конце концов, он прокладывал путь, и его заплечный мешок гораздо тяжелее. А колдовских сил сколько пошло на обогрев, чтоб в лесу ночью не замерзнуть! С меня-то взятки гладки. Стихия ветра затаилась и никак себя не проявляла. А даже если б и проявила, толку-то... Бурей холод не прогнать. Поэтому, когда мы на тракт сегодня вышли, у студента от усталости ноги заплетались. Правда, и прокормить его... Вот ведь кому-то обжора в мужья достанется! Даже сейчас — у меня скоро пупок развяжется, а он жует как ни в чем не бывало. Трактирщик хмыкает уважительно да новые яства подносит. Зимой-то реже к нему путники забредают, вот он и рад стараться — соленья, варенья, копченья втридорога задвигает. Хорошо еще, бабуля мне кошель с денежкой в дорогу подсунула — есть чем с кабатчиком расплатиться. И медовуха здесь знатная, на травных взварах выстоянная — пьется легко, а согревает с лету. Надо бы в дорогу баклажку прикупить.

— Чего смотришь? — с набитым ртом спросил студент.

— Да не хочу момент пропустить, когда ты лопнешь, — лениво огрызнулась я.

— Не дождешься, я меру знаю, — подмигнул Зигфрид и попытался целиком засунуть в рот пирог с капустой.

Конечно, он подавился. Отодвинул тарелку, обвел тоскливым взглядом окорока, подвешенные под потолком. Око видит, да зуб неймет. Я, злобно хихикая, достала из чехла карту. А ведь далековато от родных мест забрались. Хозяин скрылся в дверях кухоньки, в помещении мы остались одни.

— Слышь, барон. А в Стольный град нам обязательно? Разве Элория не остров? Может, нам к морю двигать надо.

— Остров-то остров, только по воде до него не доплыть. Портал нужен.

— А ежели изнанкой? — пришла мне в голову здравая мысль. — Наберем на какой мясобойне крошечки побольше и изнаночным морем, а?

— И в чем же ты поплывешь, разумница? В ступе своей славной родички?

Эх, неладно получается. И чего это в изнанке никаких суденышек не предусмотрено? А может, они и есть где, только я про то не ведаю.

Мы чуток помолчали.

— А вещуны? Небось во все концы княжества за нами погоню снарядили.

— О, эти господа отнюдь не всесильны, — криво улыбнулся Зигфрид. — Нам главное до эмбахады добраться — там ближайший портал. Погоню с хвоста стряхнем...

— Слушай, они же не дурачки деревенские! Зачем по пятам идти, если можно на месте подождать? Пару человек поставит у посольства, и все. Сами в ловушку сунемся.

— Да уж... — на минуту задумался парень. — Только пути другого нет. Значит, будем решать проблемы по мере их поступления. Эх, время поджимает.

— Чего? Сила моя протухнет за пару седмиц?

— О, фройляйн, несмотря на многочисленные таланты, пупом земли вы отнюдь не являетесь, — обидно пошутил Зигфрид. — Слухи разные ходят. Поганые слухи — о скорой войне. Нам нужно успеть попросить убежища, пока элорийцы дипломатические отношения не свернули да портал не запечатали...

Студент уткнулся в карту, задумчиво закусив губу. Откуда он только свои новости достает? Ведь почти все время друг у друга на виду толчемся. Ни в зеркальце гадальное глянуть, ни демона какого призвать. Кстати, о призывании... Я поднялась из-за стола.

— Куда? — дернулся спутник.

— На кудыкину гору! С опекой-то не перебарщивай. — Я накинула на плечо полотняную сумицу.

Хозяин, ловко орудуя чугунным утюгом, колот орехи. У плиты хлопотала сгорбленная пожилая баба.

— Мне б умыться с дороги, — начала я.

— Дык, по лесенке наверх, — не прерывая занятия, ответил мужик. — Я для дорогих гостей свою клетушку освободил, там и бадейка подготовлена, и лежанка... Вдвоем почивать изволите?

Баба зыркнула в мою сторону с жадным любопытством. Поэтому я не колебалась:

— Нет, брат внизу переночует, в зале. Народу много наберется?

— Я да сыновья мои с работ вернутся, да, может, еще кого из гостей на ночь глядя принесет...

За окном бушевала метель. Я подумала, что по такой погоде вряд ли кто отважится на улицу выйти. Уже на лестнице меня догнал громкий шепот старухи:

— И вовсе не похоже, чтоб они родственники были... Этот вон — здоровущий да холеный, а она, тьфу, чернушка мелкая — без слез не взглянешь. Полюбовница она ему, точно. На что только молодца приворожила?

Не в заводе у меня поганые речи спускать. Поэтому я громко проговорила в сторону кухни:

— У нас папенька ходок знатный был, вот от разных баб нас с братом и прижил. Мы как раз в Стольный град его проведать идем. Вы, тетенька, не стесняйтесь, если что непонятно — спрашивайте. Я завсегда беседе рада.

Внизу испуганно ойкнули и замолкли. Вот так-то! Надеюсь, Зигфрид нашу милую перебранку слышал и соответствующие выводы сделал. Надо будет еще договориться, что встречным-поперечным врать.

Обряд призыва я выполнила, скрючившись чуть не вдвое. Клетушка была такой крошечной, что даже мне в полный рост не встать. Куда хозяин тут еще барона хотел поместить, непонятно. Блюдце подрагивало на коленях. Я боялась, что расплещу жидкость еще до того, как она застынет. Пахло пылью, прогорклым горелым салом и мышами. Под притолокой висели засушенные венички петрушки. Грязноватое местечко, да чего-то лучше не сыскалось.

— Дурацкая идея, — первым делом возвестила Иравари, появляясь со своей стороны зеркала и отхлебывая сидр, который я теперь таскала с собой в дорожной фляжке.

— Которая из идей? — уточнила я.

— Легенда для путешествия очень уж убогая. Белобрысый шваб с рутенской девицей нерутенской внешности... Хм... Погоди, я гляну, что можно придумать.

И она уставилась в пространство остановившимся взглядом. Сегодня Иравари личинами меня не баловала. Затянутые в тугую косу черные волосы, красноватые раскосые глаза,

полные яркие губы — кажется, так она обычно и выглядит.

— Ты чего, подслушивала? — дошло вдруг до меня.

— А то! — гордо ответила бестия. — Бабка твоя велела присмотреть...

— Как она? — Я даже разозлиться забыла. — Жива, здорова?

— Живее всех живых, — хихикнула Иравари. — Вещунам сказки рассказывает про неземную любовь ее внучки со студентом залетным.

— И чего, верят?

— Нет, конечно. А поделатъ ничего не могут. У Яги такие охранные грамотки вдруг появились — закачаешься. И от элорийского Квадрилиума про важность работы семейства Ягг на ниве природной магии, и от вашего князя Славислава про историческое наследие... А когда твоя бабка старосте под нос закладные на половину деревни сунула, самая потеха и началась. Оказалось, что даже земля, на которой храм Трехликого поставили, и то ей принадлежит.

Я улыбнулась. Основательно родственница подготовилась. Платон Силыч теперь с нее пылинки сдувать будет.

— Интересненько... — Демоница прищелкнула языком. — Ха! Князь-то ваш дочку замуж отдает.

— Опять? Ведь же в том годе уже праздновали. Еще налог с деревни слупили вроде как на обзаведение молодым.

— Не опять, а снова. То старшая была — Любава, он ее за своего же воеводу без шуму и пыли отдал. А теперь младшая заневестилась — Красава. Так он во все сопредельные княжества гонцов отправил. По старинному обычаю будет жениха искать — с загадками да каверзными поручениями.

Иравари всохотнула:

— Реалити-шоу «Битва за тело», надо девчонок на просмотр позвать.

Демоница время от времени такие странные фразы заворачивает, что я теряюсь.

Из блюдца донеслось шуршание, появилась картинка круглолицей барыньки с густыми, сросшимися бровями и румянцем вполлица.

— Это невеста наша, — пояснила демоница. — Ничего особенного, но князь за нее полцарства в приданое сулит.

Следующая картинка изображала желтоватый лист пергамента, плотно исписанный мелкими черными буквами.

— А это у нас список предполагаемых женихов. Человек пятьдесят уже есть.

— Это, конечно, очень интересно, — попыталась я подластиться. — Ты мне лучше бабушку покажи.

— Не велено, — строго ответила собеседница. — Захочет, сама покажется. Ты идею-то поняла?

— Какую?

— Вот ведь бестолковка! Женить твоего милого будем. Не пугайся, понарошку.

— На Красаве? — начала догадываться я.

— Ну да. По условиям, в женихи любой половозрелый болван записаться может. А у нас аж целый барон.

— Хорошо не баран... А я при нем каким боком?

— Ну, любому аристократу заморскому проводник местный положен.

— А чего он тогда без слуг путешествует?

— А лихие люди по дороге перебили.

Мы перебрасывались вопросами-ответами, будто в лапту играли. В дверь клетушки поскреблись.

— Открывай! Наш жених ломится, — хихикнула Иравари. — Знакомиться будем.

Чего это она сегодня такая веселая? Во хмелю или смешинка в рот попала? Зигфрид протиснулся в комнатенку боком, уселся на лежанку рядом со мной и во все глаза уставился на непростое блюдо.

— Окно в тонкий мир... — восхищенно прошептал парень. — Я думал, их уже не осталось.

— Знаешь, мой сладенький, какая я тонкая? — стрельнула глазками Иравари из мутноватой глубины. — Талию двумя пальцами обхватить можно.

Ёжкин кот! Я, конечно, знала, что демоница моя до мужиков охоча, но чтоб так сразу... С места, как говорится, в карьер. И самое странное, что мужики от такой настырности прочь не разбегаются, а вон — полубуйтесь, с глупыми улыбочками сидят. Ощутимо потеплело, от Зигфрида мягкими волнами исходили жаркие волны. Эк разобрало касатика, только бы пожара не наделал!

Покрасневшего студента мы очень быстро ввели в курс дела. Против жениховства он не возражал. Да барон, наверное, был согласен на что угодно, лишь бы его зрелища не лишали. А со своей стороны зеркала Иравари резвилась на полную — слегка отодвинулась, демонстрируя точеные плечики и глубокий вырез шелковой рубахи. Тьфу, срамота!

— Зигги, — ворковала бестия. — Девочку переодеть придется.

— В сухое? — пробормотал студент, не отрывая взгляда от проказницы.

Ну точно, на головушку ослаб. Так бы и стукнула чем-нибудь увесистым, чтоб в чувство привести.

— В мальчика, — терпеливо продолжала демоница. — Получится у нас славный худенький сорванец. Поди, лапушка, чего-нибудь у хозяина поищи. И шапку. Или ты, Лутона, хочешь покороче постричься?

— Нет! — испуганно завопила я. — Еще чего не хватало!

Я ощупала рукой короткую прядку на затылке, над которой успел поработать Федькин нож.

— Ну вот и славно. Ступай, зайчик, ступай. Девочкам тут без тебя пошущукаться надо.

Студент замороженно повиновался. Заскрипела лестница, прогибаясь под тяжелыми шагами.

— Непонятно, что ты в этом теленке нашла. Зеленый совсем, — серьезно сказала Иравари.

— Да не люб он мне вовсе, — отрезала я из вредности.

— Ой, молодо-зелено... — будто и не слышала демоница. — Знаешь, какой тебе мужик нужен? Опасный и таинственный, чтоб кровь в жилах бурлила от одного его взгляда, чтоб страсть и желание толкали на безумства, чтоб...

— Эй, — постучала я по зеркалу. — Мне твои фантазии слушать недосуг. На вопросы сегодня отвечать будем?

— Ну, на два я уже ответила, — встрепенулась собеседница.

— А нетушки! Это ты сама мне что-то плела, а про бабушку так вообще говорить отказалась.

— Подловила, бесстыдница! — погрозила Ирвари когтистым пальчиком. — Давай спрашивай!

Снизу донесся грохот и истошные крики. Да что ж такое, ёжкин кот?! Только соберешься, чтоб правильно слова подобрать... Неужели Зигфрид куролесит?

— Должна будешь, — твердо сказала я демонице, разрывая связь.

По лестнице я спускалась осторожно — мало ли что. Кухонька была пуста — и хозяин, и вредная старуха куда-то подевались. За окнами вечерело. Крики уже затихли, из общего зала доносился монотонный бубнеж. Я приросла к дверной щели, пытаюсь рассмотреть все повнимательнее. Картина открывалась безрадостная. Трактир был полон. Лихие люди — разбойнички! С пяток мужиков самой что ни на есть дикой наружности оккупировали лавку и колченогие табуреты. Сидели себе чинно, будто на скоморошьё представление собрались. А оружия-то! И простецкие тесаные дубины, и кистени... А упитанный здоровяк, стоящий в центре комнаты, картинно оперлся на алебарду. Как только он эдакую махину в помещение затащил? Там же древко локтя на четыре, не меньше. Ну, видно, красота дороже удобства. Зигфрид на манер окорока был подвешен к потолочной балке за стянутые веревкой запястья. Только в отличие от колченных ляжек ноги студента до пола доставали. Вот затейники какие! И не покалечили парня — это главное. Я скользнула в кухню, вытащила из стойки мясницкий тесак и вернулась наблюдать. Здоровяк между тем продолжал бубнеж.

— По-хорошему тебя прошу, шваб, отдай.

Голос его совсем к угрожающей внешности не подходил, был он хриплый, с какой-то стариковской дребезжащей ноткой.

— Ты все равно не сможешь их активировать, — отвечал студент.

— Ну, так ты мне и поможешь.

— У меня тоже не получится — тут совсем другого направления специалист нужен.

— Не ври мне!

— Чего ты с ним валандаешься, Колоб? Давай я ему шкуру попорчу, вмиг на все согласный сделается, — пискляво вступил со зрительного места встрепанный кадыкастый мужичонка.

— Отвянь, Прощка, успеешь еще потешиться, — обернулся допросчик к приятелю.

Меня кинуло в дрожь — губы здоровяка не шевелились, застыв в бессмысленной улыбке. Чем он говорит тогда? Неужто пупком?

— Иван, не отвлекайся, — строго продолжил чревовещатель и опять пристал к студенту: — Отдай!

Свободная от алебарды рука потянулась к Зигфриду. Вспышка, и вот уже здоровяк воеет на два голоса, помахивая обожженной конечностью. А барон-то — молодец! Как только к нему прикасаются, он выпускает наружу чуток внутреннего огня. Вот его разбойнички обыскать и не могут. Только надолго ли его магии хватит?

— Ну все, шваб, ты нарвался, — угрожающе прорычал лиходей. — А ну-ка, ребятушки, тащите сюда кадку с водой, будем иноземца уму-разуму учить.

Зрители, видно подустав от сидения, всей гурьбой ринулись исполнять приказ атамана. Я опрометью бросилась в кухоньку, вылетела на двор через черную дверь. В лицо полетели комья снега, метель обожгла холодом. Я обежала здание, ворвалась в зал через главный вход, подхватила табурет и накрепко заклинила дверь между кухней и трактиром. Резко обернулась. Упитанный здоровяк рот раскрыл от изумления. Сейчас надо еще быстрее — резануть веревку, чтоб Зигфрид освободил руки. А там уж мой

спутник всем на орехи отсыплет.

— Это что за явление? Иван, повернись, мне не видно.

Чревовещатель, не меняя выражения лица, выпустил свое грозное оружие и потянулся руками к животу. Оттуда, из-под расшитого кафтанного нагрудника, выглядывало другое лицо — морщинистое и злобное.

Земля ушла у меня из-под ног. Я провалилась в беспамятство.

Сначала вернулся слух. Голова болела — видно, в падении я знатно об пол приложилась. Глаза открывались с трудом, да и рассмотреть ничего толком не получалось. Рядом слышался неспешный разговор. Я решила еще немножко полежать и навести ушки.

— Ослаб я что-то, постарел, — объяснял кому-то атаман. — Надо заклинание подновить, а то раскрошусь весь к драконьей матери. Видишь, по кусочку сыплюсь. Если б не Иван, давно б птицы склевали. Он у меня хоть и не семи пядей во лбу, но помощник верный...

— Даже если я новый пергамент в тебя вложу, даже если правильно его активирую, это будешь уже не ты, а совсем другая личность, — спокойно отвечал Зигфрид. — Ну вроде как поселится в твоём теле другая душа.

— А что делать? Вот скажи мне, маг, что? В горячем молоке с горя утопиться?

— Родителя твоего найти надо.

— Дедушку? — В голосе разбойника послышались слезы. — Да он и знать-то меня не желает.

— Нет, того докса, который заклинание составлял. Или специалиста, классом не ниже. Думаю, он смог бы помочь. А ты что, с родными видишься?

— Сейчас редко. — Атаман рыдал уже в открытую. — Когда бабка еще жива была — завсегда меня привечала. И творожком свежим, и маслицем потчевала, как зайду. А померла, так совсем дед одичал. Лиходеем обзывается или еще как похуже... А-а-а... Доля моя, долюшка!

— А не надо было в разбойники идти, — вступила я в беседу, потихоньку пытаюсь сесть и потирая затылок.

Голова кружилась. Сыро, темно... Только у притолоки чадил небольшой смоляной факел. В погреб нас засунули, что ли? А, нет — в подпол. Вон кованая дверца в потолке имеется. Обширное помещение — рачительному хозяину в самый раз. А воняет-то как гадостно, не иначе огурцы прокисли. Колобок сидел на краю разошедшейся кадки, на земляном полу рядом лежали студент и детинушка, которого я сначала принимала за атамана. Обоих спеленали, как младенчиков, — ни встать, ни повернуться.

— Привет честной компании, — улыбнулась я Зигфриду.

— О, Лутонюшка в себя пришла... Приятно, как говорится, познакомиться. Говорил я, ничего страшного, скоро оклемается, — засуетился Колобок, подпрыгивая от возбуждения. — Девонька, подойди, глянь, как там мой Ванюша.

Второй разбойник был без сознания, но дышал ровно, без перебоев. Рана на виске чуть кровила, но угрозы для жизни явно не представляла. Я занялась Зигфридом, попыталась распутать хитрый узел толстой пеньковой веревки, которой связали парня.

— По какому поводу посиделки?

— О, мы с тобой присутствуем при эпохальном событии, — ответил барон. — Передел сфер влияния в бандитском сообществе.

— А попроще? — Узел не поддавался, я вцепилась в него зубами.

— Сейчас наверху бывшая банда Колоба выбирает нового атамана. А нас, так сказать,

убрали на время, чтоб не отвечивали. Не нужен им больше старичок.

— И поделом...

— Что значит — поделом? — встрепенулся Колоб. — Я столько лет ими командовал, заместо отца с матерью им был. Знаешь, как они меня слушались? По струнке ходили! А теперь, как слабину мою почуяли, и не мил стал. А все Прошка, прохиндей!

— Ну, значит, его и выберут, — пробормотала я, отплевывая волоконца пеньки.

Узел повержен, дальше студент и сам может. Теперь и Иваном можно заняться.

— Мне другое интересно, — проговорил Зигфрид, скидывая веревку и потирая затекшие руки. — Как вы на меня вышли?

— Знамо как. Яга навела. Я у нее новый пергамент сторговать хотел. А она говорит — нету, барону швабскому подарила. Ну а на след ваш выйти плевое дело было. Сноровка имеется.

— Драконий род! — ругнулся студент. — Я прочесываю вашу Рутению в поисках хоть какого-то упоминания о наследии Шамуила, собираю невнятные байки, чтоб из этого словесного мусора извлечь хоть какую-то крупицу информации. А оказывается, тут любая собака в курсе, у кого можно разжиться заклинанием для активации големов!

— А за собаку и по хлебальничку получить недолго, — грозно вскрипел Колобок.

— Да что ты можешь без своего оруженосца, кулебяка черствая! Ты даже вниз спрыгнуть боишься! Мыши, видите ли, кругом!

— Не ори, — буркнула я. — Бабушка у того докса заклинания в нарды выиграла. Азартный он дядька был, вот и... Ты же все понял, еще когда муравьеда потрошили. А Мирон про то знал, у него в доме игра шла...

Зигфрид примолк, глянул на мои попытки освободить Ивана. Потом просто дернул за кончик тугой веревки, узел плавно распался.

— Подъем! Отечество в опасности! — похлопала я детинушку по щекам.

Иван распахнул пустые васильковые глаза, встрепенулся, скидывая путы, и ринулся к Колобку.

— Дядюшка, — мычал дурачок, подхватывая на руки бывшего атамана.

— Кто против нас с Ванечкой? — повеселел Колоб.

— Не шебурши. — Я успокаивающе подняла руку. — Сейчас мы на одной стороне. Выбираться надо, пока твои парни нас на капусту не пошинковали.

— Никогда, ты слышишь, никогда ни я, ни ребята мои душегубством не занимались! Грабили, да! Но чтоб жизни лишать...

— А хозяин куда делся? — вдруг спросил Зигфрид.

— Кроме вас двоих, в доме никого не было. Скажи, Ваня.

Оруженосец уверенно кивнул.

— Сбежал, наверное, как доблестное воинство увидел, — предположила я.

— Понимаете, какое дело... — Зигфрид говорил медленно, подбирая слова. — Есть у меня подозрение, что нас хотели отравить.

— Ты, паря, ври-ври, да не завирайся, — опять вскипел бывший атаман. — Ребята тебя аккуратно разделали. Прикинь, Лутоня, спускается эта оглобля, ничего вокруг себя не замечает. Ну, Ванечка его аккуратноенько так древком по кумполу и тюкнул. А потом уж остальные набежали, веревки затянули. Я большего сопротивления от боевого мага ожидал. Может, он того — недоучка?

— В том-то и дело, — не обиделся студент. — В нормальном состоянии я на многое способен. А так... Я же долго пытался пережечь веревку на запястьях, а сил хватало только на одномоментное поднятие температуры тела.

Иван, вспомнив неудавшийся обыск, подул на левую ладонь.

— Или вот Лутоня, — продолжил Зигфрид. — Ее стихия в первый раз проснулась от сильного страха, а сейчас она просто упала в обморок...

— И не от испуга вовсе сомлела, — буркнула я. — Чего там страшного было... Я почти сразу догадалась, кто у разбойничков за главного. Просто чего-то ослабла.

— Вот! И я о том же, — гнул свое барон. — Два стихийника одновременно теряют свою силу. Подозрительно. Надеть какой-нибудь ограничивающий амулет на нас не могли. На обоих сразу, да еще чтоб я не заметил? Нет, нереально. Значит, что-то было подмешано в еду или питье.

— Ёжкин кот! — не на шутку испугалась я. — Караул! Бежать надо! Зигфрид, давай ты меня повыше поднимешь, я попробую дверь толкнуть.

Парень послушно подсадил меня на плечи. Я руками уперлась в люк. Раз, еще р-р-раз! Эх, поддается, вражина, но щелочка махонькая получается, в полвершка.

— Надо что-нибудь в щель подсунуть наподобие рычага, — вступил с советом Колобок. — Ну-ка, Ванечка, давай по углам пошерудим. Только на пол меня не пускай — там мышцы. Схарчат дядюшку — пикнуть не успеешь.

Судя по звукам, дурачок послушно исполнял приказание: разворошил кучу хлама в дальнем углу, скрипнул доской...

— На тебе, тетенька, палочку, — прогундел, ткнув мне чем-то в плечо.

А племянничек-то меня годков на пять-шесть постарше будет. Я схватила рычаг. Палка была гладкая, липкая на ощупь, а на конце болтались какие-то противные ошметки. Ну да лучше, чем ничего. Я попыталась просунуть ее в дверную щель, повертела туда-сюда, поудобнее прилаживая. Нет, тонковата палочка, хрустит так подозрительно... Что это за дерево такое хлипкое?глянула поближе, пытаюсь рассмотреть текстуру, ведь у каждого растения на ветках прожилки по-разному расположены. Ёжкин... Я рухнула вниз как камень, забила в уголок и извергла из себя весь обильный ранний ужин.

— Лутоня... — Барон заботливо придержал меня за плечи.

— Это обглодок, — ответила я, вытирая рукавом губы, — человеческий...

Меня опять скрючило в рвотном позыве.

Зигфрид поискал на полу, поднес страшный предмет к свету. Я знала, что он сейчас рассматривает. На том, что некогда было лучевой костью, болтались измочаленные остатки мужской руки. Веснушчатая кожа, поросшая светлым курчавым пушком, пальцы с коротко стриженными ногтями, тонкий ободок венчального колечка. Ой! Меня вырвало желчью. Ванечка лихорадочно оттирал руки о штаны, Колобок жался к его ногам, мелко подрагивая.

— Поздравляю, господа, — выдавил барон. — Судя по следам зубов, мы находимся в логове упырей. Нужно немедленно...

— Иван, прячь дядюшку за пазуху! — перебил Колобок.

Вот ведь драконий сухарь, только о себе и думает! Нужен он нелюдям как прошлогодний снег. Одного понять не могу: как мне удалось проворонить упырей личины наших хозяев? Ведь не действуют на меня мороки. Дурачок спрятал расстроенного предводителя на груди. Я схватила факел и осветила дальний угол. Человеческих останков там хватало. Я не приглядывалась, а то опять поплохеет, но и беглого осмотра хватило, чтоб волосы зашевелились на голове. Зигфрид с плотно сжатыми губами озирался по сторонам, не выпуская из рук страшную находку. Бледный Ванечка шептал молитву какой-то богине, Колобок по-бабьи причитал. Что ж делать? Я приткнула факел

на место.

Дверь подпола широко отворилась, с потолка хлынул нестерпимо яркий свет. Да уж, на освещении в трактире не экономят.

— Принимайте пополнение, — раздался над головой глумливый голос хозяина. — В тесноте да не в обиде!

И вниз один за другим плюхнулись пятеро бывших Колобковых подчиненных. Затрудненное дыхание, расширенные зрачки, пена изо рта... Все были без сознания, прохиндей Прошка колотился об пол в судорогах. «Не жилец», — подумала я. Люк захлопнулся.

— Болиголов. — Неожиданно пришло озарение. — Во всех комнатах пучки под притолоками висят. Не признала сразу — очень уж листьями на петрушку похож.

— Вот и ответ на загадку, — кивнул студент. — Эта трава гарантированно блокирует все проявления стихийной магии. Эх, недооцениваем мы природные факторы. Нужно...

— И мышами поэтому воняло, — не унималась я. — Такой характерный запах. А я еще гадала, на какой траве хозяева медовуху настаивают! У-у-у, бестолковка! Разбойнички порядком нового атамана обмыли...

— Ребятуськи мои, ребятки... — причитал Колобок. — Что ж делать-то, люди добрые?

Ну, как баба, честное слово. Как он с такими данными еще разбойниками командовать сподобился? По уму, конечно, надо всем срочно делать промывание желудков. Только, ёжкин кот, нечем.

— Хозяин! — завопила я во всю силу. — Водицы испить дай!

Ни ответа, ни привета.

— Зигфрид, подними меня снова, позову душегуба.

Студент, отбросив наконец кость, протянул ко мне руки, пошатнулся и присел, схватившись за голову:

— Найти надо...

— Давай, тетенька, подсоблю маленько, — подступился Иван.

И я птичкой взлетела под потолок. Дурачок хоть ростом и пониже барона будет, но силушкой не обижен.

— Хозяин, совесть-то поимей, — проорала в узенькую щелочку. — Пить хочется!

— Думаешь, самая умная? — насмехался мужик сверху. — На том свете отопьешься.

— Ты, упырь, пожалеешь, что с нами связался! — совсем отчаялась я.

— Ты еще упырей не видала, дура деревенская, вот солнышко зайдет, тогда и познакомишься. Она тебя на сладкое оставит — любит тонкими косточками похрустеть.

Я пошла вразнос. Бабушка могла бы гордиться и моей не девичьей памятью, и недюжинной фантазией — столько бранных слов зараз выдать даже ей было б не под силу. Злые соленые слезы текли по щекам, в горле першило от крика. Ванечка уже давно опустил меня вниз и успокаивающе гладил по голове, а я все визжала и выдавала на-гора новые ругательства.

— Ну, будя, девка, будя... — выглянул Колобок. — Слезами горю не поможешь. За подмогой поспешать надо.

— Как? всхлипнула я напоследок. — Наверху нежить проклятая бродит. Стоит только голову просунуть...

— Так мы не голову просунем. Ну, не совсем голову. Я сам пойду. Выкачусь из подпола,

шмыгну под лавку, а там на двор — никто и не заметит.

А что, может сработать. Бывший атаман размером с небольшой каравай, и, если сказки не врут, существо юркое и быстрое. Однако я решила уточнить:

— А помощи у кого просить станешь?

— На тракт надо двигать, — спокойно сообщил Колобок. — Место даже по зиме бойкое. А никого не встречу — до ближайшей деревни доберусь.

— И как селян уговаривать будешь?

— Не бойсь, сдюжу. Умею я с народом погутарить. Думаешь, меня парни за красивые глаза атаманом в свое время выбрали?

И такой силой веяло от его слов, такой уверенностью, что я успокоилась. Ай да Колоб! Надо будет потом для памяти записать, чтоб о людях плохо заранее не думала и на первое впечатление не полагалась. Обязательно сделаю, если доживу, конечно.

В деле подготовки лазутчика помощь дурачка оказалась незаменимой. В который раз обыскав помещение, он остановил свое внимание на рассохшейся кадке. С одного удара развалил ее, выбрал и протянул мне одну из коротких толстых дощечек. Потом одной рукой поднял меня к потолочной дверце, второй — посадил дядюшку. А уж я, помогая себе рычагом, протолкала хлебное тельце в образовавшуюся щель. Прислушалась: вроде тихо, только прошуршал по деревянному полу наш вестовой. Все. Теперь ждать помощи снаружи и молиться всем известным богам.

Зигфриду становилось хуже. Сухие, потрескавшиеся губы были закушены от боли, глаза почти ничего не выражали, дыхание стало хриплым и прерывистым.

— Ты, студент, держись, — бормотала я, глядя спутанные жесткие волосы. — Побьем супостатов. И очки твои отыщем.

Что же делать? Как влить в него хоть чуточку сил? Сердце билось часто-часто, перекачивая кровь. Ёжкин кот! Я уставилась на свои руки, высматривая выступающую вену. Резать, конечно, нечем. Но мы и зубами попробуем.

— Лутоня, ты что это надумала? — прошептал Зигфрид.

— Кровью тебя напою. Все жидкость. Я читала, как один мужик в пустыне от жажды загибался, так у своей лошади яремную вену отворил. Ничего, до ближайшего колодца дотянул...

— Отважная девочка... Проблем тебе мало? — грустно прошелестел парень. — Ты думаешь, как получаютсся упыри?

— Ну так просвети, раз такой образованный, — обиделась я.

— Упырем становится маг, который хоть раз попробовал человеческую кровь.

— Чего-то наш хозяин на колдуна никак не тянет.

— Почему ты решила, что упырь именно он?

— А кто? И вообще, прекрати отвечать вопросами! А то не посмотрю, что ослаб, так тресну...

— Трактирщик — обычный человек. Ну, может, не совсем обычный — мало кому придет в голову у себя в подполе вурдалака держать. Здесь — упыриное логово, и с наступлением ночи мы познакомимся с его обитателем, а скорее — обительницей.

— С чего ты взял, что он — баба?

— Ну хозяин же говорил... Помнишь?

Я не то чтобы забыла, просто хозяйские речи прямиком мимо моих ушей проходили, ум был занят придумыванием новых ругательств. У меня мурашки по спине побежали! Сама

могла бы догадаться. Где это видано, чтоб нежить при свете дня в кабаке прислуживала? Значит, пока я тут разговоры разговариваю, чудовище затаилось, и с последним лучом солнца...

— Чего ж ты раньше молчал?

— Сначала был уверен, что ты сама все поняла, а потом... Ты развила такую бурную деятельность, что слова вставить не получается. Все суетишься, бегаешь, будто кроме тебя некому. — Парень замолк и уронил голову на грудь.

Я взвыла от бессилия.

— Не кричи, — рассудительно сказал Ванечка. — Страшная становишься, когда яришься, прямо как та тетенька из домовины.

— Какая еще тетенька?

— Да там, — дурачок махнул рукой, — лежит, навроде как славенка, а лицо недоброе.

— Покажи! — Я подняла с пола дощечку, которая послужила рычагом. — Только огонь захватить не забудь.

Красавицей упыриху можно было назвать только с большой натяжкой. Когда Иван сдвинул легкую крышку тесаного гроба и поднял повыше факел, нашим взорам предстала иссушенная, худая баба с иссиня-бледным лицом и всклокоченными волосами. Лохмотья некогда нарядного шелкового платья едва прикрывали ее наготу. Невесомые веточки рук с обломанными до мяса ногтями были крест-накрест сложены на груди, резко выступали ключицы. Ох, сдается мне, что Ивану любая «тетенька» была бы мила да хороша. Возраст, видно, такой.

— Вишь, и не дышит даже, — с гордостью сказал дурачок.

Покойница раскрыла глаза и села. Мы застыли. Упыриха переводила безумный взгляд с меня на Ивана и обратно — видно, никак не могла решить, с кого начать. Ваня тоненько ойкнул и попытался спрятаться за мою спину. Тварь вылезла из домовины, стала на четвереньки, поводя головой из стороны в сторону. Дурачок отбежал поближе к выходу. Невыразимый ужас накрыл меня, слабость сковала ноги, закружилась голова, но где-то в груди собиралась в комок первобытная стихийная сила. Упыриха прыгнула, я отшатнулась. Только клочки моей рубахи остались в руках чудовища. Я посильнее сжала свое единственное оружие — деревянную дощечку. Губы шептали в полубреду: «Матушка, пусть это будет осина. Пожалуйста, Матушка...» У меня был единственный шанс — с первого раза попасть в мертвое сердце упырихи. А тварь между тем не спешила продолжать атаку, голодный взгляд ее был прикован к моей груди, из ощеренного длинными острыми зубами рта послышалось мычание. Я глубоко вздохнула и нанесла удар. Дерево вошло в мертвую плоть, как нож в масло. Покойница мешком осела на землю. Славна будь, Матушка! Я навалилась сверху, проталкивая деревяшку глубже, пока та не уткнулась в земляной пол. Вурдалачье тело истончалось, рассыпалось пылью под моим весом. Я с трудом поднялась на ноги. Меня колотило от пережитого ужаса. Когда немного успокоенный Ванечка подтащил поближе факел, я смогла рассмотреть на полу только ошметки платья в горстке праха и кулон на цепочке. Фиолетовый аметистовый шарик охватывала крыльями серебряная бабочка.

— Что теперь делать будем, тетенька? — Дурачок подал мне безделушку.

— С хозяином разговоры разговаривать. — Я вскинула руки.

Дальше все происходило очень быстро. Направленный шквал ветра сорвал с петель дверь подпола и, кажется, пробил все перекрытия и даже крышу гостеприимного трактира. Я подбежала к зияющему отверстию.

— Давай-ка, племяш, подсади. Хотя нет. — Я хлопнула в ладоши.

И мы с Иваном вознеслись. Струйки ветра приятно щекотали кожу, будто прощаясь. Мои магические изыскания, видимо, оторвали хозяина от степенной вечери с домочадцами. Поэтому, когда мы с дурачком, вооруженные до зубов, ворвались в общий зал, нам могли противопоставить только пять деревянных ложек. Хозяин, видать, в две руки кушать

изволил.

— Ой, не надо меня хлебать, люди добрые, — насмешливо прогундосила я, поигрывая мясницким тесаком, найденным на кухне. — А небось худо без цепного вурдалака лиходеить?

Незнакомый бугай, скорее всего один из обещанных сыновей, попытался метнуть в меня чугунок с кулешом, но промазал. Запах варева ударил в ноздри, я сдержала тошноту. Это какой нелюдь надо быть, чтоб набивать брюхо, когда внизу вершится кровавая расправа! Ванечка умело скрутил всех трех мужиков, походя заехав в ухо самому крупному. Старуха неподвижно сидела за столом, брезгливо поджав губы.

— А давай, бабушка, я тебе ручки завяжу... — ласково подступился к ней дурачок.

— Оставь ее... — На меня вдруг навалилась усталость. — Куда она денется ночью одна?

Парень послушно отступил и пошел доставать из подпола наше бравое воинство. А потом мы с ним чуть не до самого рассвета топили снег во всей нашедшейся на кухне посуде. Трактирным запасам я не доверяла. Накачивая наших больных водой, мы заставляли их извергнуть всю попавшую в желудки гадость. И когда уже привели в чувство Зигфрида и всех, кому еще можно было помочь, выяснилось, что старуха таки сбежала. Из пятерых разбойников выжили только двое, причем один из них — тот самый Прошка, про которого я думала, что он «не жилец».

Метель стихла, самый край окоема уже наливался багрянцем. Скоро рассвет. Я сидела на завалинке, привалившись спиной к балясинам крыльца, куталась в овчинный тулуп, дыхание вырывалось изо рта тугими барашками. Ноги гудели от усталости, а в голове поселилась страшная звенящая пустота. Прошка со вторым разбойником суетились у сараюшек, собирая дрова для поминального костра.

— Вот, приоденся. — Зигфрид положил мне на колени сложенную льняную рубаху. — Нечего своими прелестями мужиков соблазнять.

Я только кивнула — говорить не хотелось. Студент пристроился рядышком, натянув шапку поглубже и спрятав руки в рукава зипуна.

— Я допросил кабатчика.

— И что? — спросила я скорее из вежливости.

— Как я и предполагал. Хозяин всю жизнь при трактире. Барыжил помаленьку, разбойнички ему добро привозили, он купцам заезжим перепродавал. Дело не хлопотное. Сыновей в помощники подрядил. А тут лет двадцать назад забрела на огонек одинокая магичка.

— Это он ее обратил?

— Ну да. Говорит, бабка его травница была знатная. Накачали барышню зельем, заперли в подпол... Поморили пару-тройку седмиц голодом, а потом уж она сама кровь согласилась пить.

— Зачем ему вурдалак понадобился?

— А у него в тот момент разлад с главарем разбойников случился — кто-то кому-то что-то недоплатил. Очень уж хозяин боялся, что его на ножи поставят. Вот защиту себе и подготовил. Рыдает, что денег много барынька за помощь запросила.

— Так после того, что с ней сделали, она колдовать уже не могла?

— Упырь теряет магические способности, зато приобретает нечеловеческую силу и, практически, бессмертие. Ну еще всепоглощающий, ничем не насыщаемый голод.

— Она убила атамана?

— Да. А потом уж возврата не было. Как только она отняла чужую жизнь, обращение завершилось.

Я разрыдалась:

— Почему она не призвала стихию, пока еще в силе была, не разнесла весь этот хлеб к псам драконьим?

— Понимаешь, девочка... — Зигфрид придвинулся поближе и обнял меня за плечи. — Нас учат находить нити силы, использовать их, защищаться от влияний чужих магов. Со временем приходит ощущение всевластия, беспшашной вседозволенности. Если б против нее направили магию... Помнишь, как в сказках: «Ты меня колдовством, а я тебя естеством»?

Я вытерла рукавом слезы:

— А чего не порешил ее, как дело сделала?

— А зачем? — По старой привычке студент ответил вопросом. — Цепная нежить — штука полезная. Ведь упыри привязаны к месту, где их обратили. По ночам трактирщик ее охотиться выпускал, а с первыми рассветными лучами она сама в свое логово возвращалась. У него даже надобность в разбойниках отпала — крам сам в руки шел. Говорит, злобная тварь была и силищи неимоверной. Только хозяйина слушалась, ну еще его сыновей немного.

— Она не хотела меня убивать, — решила я.

— Что? — В голосе парня послышалось удивление.

— Сперва кинулась, только рубаху и разодрала. — Я распахнула тулуп, демонстрируя повреждения. — А потом, как медальон увидела, остановилась. Теперь мне кажется, сказать что-то хотела, объяснить...

— Да нет, глупости. Упыри не говорят.

— Вот и у нее не вышло. Мне показалось, она рада была, что умрет. Я ведь даже не была уверена, что деревяшка из осины... А она вроде как поняла. И еще вот, смотри.

Я разжала ладонь и показала Зигфриду фиолетовый шарик на цепочке.

— Ого! — Зигфрид уважительно хмыкнул. — Не простая барышня была — адепт первого круга.

— А что, не у всех магов такие висюльки имеются? — шмыгнула я носом.

— Нет, — замылся студент. — Вот у меня нету. Пока.

— Ну, я это... пошел, — вдруг раздался голос.

Ванечка свешивался с крылечка на манер оползня.

— Ты откуда здесь, племянничек? — слабо улыбнулась я.

— Парень тут все время сидел, — пояснил барон. — Я его направил за тобой присмотреть, а то ты у нас девица с норовом.

Надо же! Я была настолько погружена в скорбные думы, что ничего вокруг не замечала. Иван подхватил свою алебарду, до этого стоявшую у двери, и вошел в дом.

— Забавно, — проговорил Зигфрид. — С первого взгляда — вылитый Иван-дурак, а присмотришься...

— И прям Иван-царевич, — подхватила я.

Фольклорная практика у студента была, это вам не ежик чхнул. Иногда такие обороты вставляет — аж слушать приятно.

Я вдохнула полной грудью морозный воздух. В конце концов, мы живы, это главное. Теперь нужно сдать трактирщика с сыновьями ближайшему отряду стражи. За все лиходействия, ими учиненные, положена смертная казнь. И ни капельки поганцев не

жалко. Это справедливо. А пока мы с Зигфридом просто молчали. Я чувствовала плечом тепло спутника, и это вселяло в меня спокойствие, уверенность, что все будет хорошо. Вдруг подумалось: а может, ну ее к дракону, эту Элорию? Ну чем плохо остаться в наших краях, наплевав на открывшуюся силу, поселиться в какой-нибудь деревеньке, куда не дотянутся руки вещунов, хозяйство завести, мужика найти простого да работающего, родить троих, нет, лучше четверых деток? И, не горюя по уходящим годам, просто жить...

Истошный визг больно ударил по ушам. Ёжик кот, будто за дверью трактира свинью режут! Мы вскочили и ринулись внутрь. Задев друг друга плечами, ввалились в зал и застыли на пороге. За спиной встревоженно дышали Прошка с товарищем, тоже прибежавшие на подмогу. Но помощь уже была не нужна. Никому. Ванечка бросил на пол голову трактирщика и подтолкнул тело древком алебарды. Еще два обезглавленных трупа лежали тут же.

— Ты, тетенька, не бойсь, — проговорил дурачок, вытирая пятерней окровавленное лицо, — я их сперва развязал, чтоб все по-честному было — по справедливости.

— Что-то я в тебе доблести богатырской не заметила, когда с упырихой надо было драться, — растерянно пробормотала я.

— Э нет, — грустно улыбнулся Иван. — То была просто баба обездоленная. А они настоящие упыри и есть.

Такая вот справедливость.

Мы решили не разводять костер на дворе, а спалить всю халабуду к драконьей матери. Наскоро вытащили наружу свой нехитрый скарб. Награбленное хозяином за долгие годы оставили как есть. Ни у кого из нас рука бы не поднялась что-то из кровавого наследства присвоить. Я сохранила только подвеску покойной колдуньи. Барон призвал свою стихию, и трактир моментально вспыхнул, будто подожженный невидимой рукой с четырех сторон. Языки пламени возносились к небесам, унося наших покойников в тот мир, где текут молочные реки с кисельными берегами. И несчастную магичку, и ее безымянных жертв, и наших бравых разбойничков — всех мы предали очистительному огню. А хозяин с сыновьями... Что же, Иван в чем-то прав. С нелюдьми по-людски и нельзя. Их обезглавленные тела мы тоже оставили в трактире. Зигфрид сказал, что на том свете разберутся, кому кнут, а кому пряник.

Головешки уже едва тлели, когда мы стали собираться в путь. Прошка, помявшись, подошел к барону:

— Отпустите нас с Тимохой, люди добрые.

— И куда двинетесь? — строго спросил Зигфрид. — Опять по лесам куролесить?

— Да уж накуролесли, — повинно опустил голову бывший разбойник. — В деревеньку родную вернемся.

— А чего так? — с подковыркой вступила я.

— Страшно, — серьезно ответил Прохор. — На полшажка с пути свернешь, и все — не разбитной разбойничек, а страшный лиходей. Не по мне это. Да и Тимоха домой просится. Мамка там у него старенькая.

— Ну, как знаешь, — решил барон. — Тогда в добрый путь.

Мужики поклонились нам в пояс, по очереди обняли Ванечку. И вот уже их серые спины виднеются вдаль. Грамотно уходят — по бездорожью. Видать, погони опасаются.

— Ну а ты куда? — обратилась я к дурачку.

— Так с вами, — широко улыбнулся Ванечка. — Сейчас вот только дядюшка подтянется, и мы следом.

— Куда? — не поняла я.

— Ну, сперва в Стольный град, — рассудительно продолжил дурачок, — а потом на остров ваш чудесный. Будем для дядьки подживляющее заклинание искать. Господин маг ведь все обсказал уже.

Зигфрид закашлялся. Интересно, что еще успел выболтать детинушке «господин маг»?

— Ты, тетенька, чего плохого не думай, — успокоил меня Ванечка. — В тягость не будем. Я хоть разумом не вышел...

Какие выгоды мне светят от новых спутников, я так и не узнала. Конский топот, залиvistое ржание и бряцание доспехов возвестили, что подмога наконец-то поспела. Отряд вооруженных всадников поравнялся с пепелищем в считанные мгновения. На луке седла головного верхового подпрыгивал от нетерпения Колобок.

ГЛАВА 6

О том, в какой переплет попала Лутоня в столице

Безрукий клеть обокрал, голопузому за пазуху поклат, слепой подглядывал, глухой подслушивал, немой караул кричал, безногий в погоню бежал.

В прозрачном свете утра башенки Стольного града выглядели особенно нарядно. Красноватый шарик солнца, уцепившийся за шпиль кремля, приветствовал наш немногочисленный отряд. Эх, красота-то какая! Широкая укатанная дорога, будто бесконечно длинный язык, втягивалась в широкий зев Западных врат. Из леса мы выехали на рассвете и сразу влились в ряды жаждущих попасть в столицу. Тракт просто кишел путешественниками. Неповоротливые грузовые сани попеременно с нарядными каретами, по случаю снежной погоды тоже ставшими на полозья, неспешно двигались между многочисленным пешим людом и верховыми. Елисей, зычно выкрикивая свое нехитрое заклинание: «По княжьему велению!» — прокладывал нам путь. А все-таки Колобок с военной поддержкой не прогадал. Притащить нам на помощь отряд стольноградского воеводы, случайно оказавшийся на выселках, — это дорогого стоит. Дружинники, все как один молодые рослые парни, удивленно осматривали пепелище, жадно выспрашивали подробности битвы у Ванечки, тайком сплевывали через плечо и делали отвращающие беду знаки. Воевода — статный красавец Елисей — поверил моему невнятной лепету про попавшего в беду швабского барона и только усмехнулся, пряча улыбку в густой русой бороде, когда Зигфрид с ужасным фыркающим акцентом стал вещать о своем страстном желании поскорее прижать к груди рутенскую княжну. Верховые лошади и охрана оказались очень кстати. И если начало нашего с Зигфридом путешествия напоминало бестолковое мельтешение новорожденного кутенка, теперь я почувствовала себя участницей четко спланированного военного похода.

— А ведь не врут слухи. — Студент ехал рядом, уверенно держа повод тонконогой каурой лошади. — Готовится Славислав к обороне.

— С чего взял? — говорить было неудобно, пришлось выворачивать шею, да еще и зыркать по сторонам, не прислушивается ли кто к нашему внезапно разговорившемуся на рутенском аристократу.

— Смотри, даже отсюда видно — вал нарастили локтя на четыре, скорее всего, изо рва землю таскали. Да и городницу вон переделывают.

Я прищурилась. Крошечные фигурки работников суетились на стенах, будто отряды муравьев, сновали от вежи до вежи, держась за натянутые канаты.

— С кем хоть воевать будем?

— Некоторые говорят — с Султанатом, а кто-то, что орда из степей навалится. Дело темное. Надо бы и другие ворота осмотреть — что там с укреплениями...

Глаза студента, лишённые уже ставших привычными очков, полыхали предвкушением — мальчик добрался до любимой игрушки.

Со стеклышками нехорошо получилось. Зигфрид без них как без рук. Насколько я поняла, зрением мой спутник не обижен, а очки ему нужны, чтоб нити силы видеть. Теперь, пока не найдем мастера-стеклодува да новые гляделки не закажем, о ярких огненных шарах и других боевых заклинаниях придется забыть. Беденькие стихийники! Бабуля нити судьбы на раз находит, и никаких приспособлений ей для того не нужно. Прищурится хитро, рукой поведет, и вот они уже в горсти — доля и воля. Про свой ветер я вообще молчу, тут непонятно, кто кого за веревочки дергает — ты или тебя. Почему так, студент мне толком объяснить не смог. Бормотал что-то о разнице мировосприятия природных ведьм и адептов силы. Ну да ладно, выучусь. Для того и в Квадрилиум путь держу — за знаниями.

Ворота миновали без сучка без задоринки, даже въездную пошлину не заплатив, — стражники бодро отдали честь Елисею воинству. Теперь куда? К княжьему терему — обстановку разведать или сначала какой-нибудь постоянный двор найти? Зигфрид не советчик — в нашей столице не бывал, местности не знает. Кстати, неплохо бы поинтересоваться, каким таким «ближайшим» переходом он к нам попал. Сначала

говорил, с обозом из столицы пришел, а теперь вот... Тоже темнила знатный.

— Лутона, не забудь завтра барона в разбойный приказ сопроводить, пусть обскажет там все как было. — Елисей орал через людские головы, поднявшись на стременах. — А то еще подумай, может, с хозяином рассчитаешься, да к нам — в стрелецкий. Мне б такой шустрый подлеток пригодился!

— Благодарствуй, воевода-батюшка! — прокричала я в ответ.

Интересно, кто из богов меня под руку толкал, когда я впопыхах морок на себя накидывала? Ведь нарочно никогда не получалось — волхование мне не в пример труднее давалось, чем родственнице. А тут откуда что взялось? Не иначе с испугу. И никто из служивых людей ни косы моей девичьей не заметил, ни разодранной на груди рубашонки взглядом не зацепил. Уже который день глаза всем отвожу. Зигфрид говорит, мальчишка из меня получился препротивный — рыжий, конопатый, с приметной щербинкой на зубе. Эх, жаль, сама глянуть не могу — в зеркале себя настоящую только и увидишь. Конечно, у медали и другая сторона имеется. На всех привалах меня бравые ратники как молодого к кухне приспособили — дрова собирать и кулеш в котле ложкой помешивать. Да я не в обиде. Зато и болтали при мне не скрываясь. То-то я всяких историй да сплетен наслушалась...

— Тетенька. — Иван протиснул свою лошадку поближе. — Дядюшка говорит, дальше двигать надо, а то мы вход загородили.

Мороки на дурачка не действовали. Поэтому время от времени он называл меня по-старому, невзирая на строгие взгляды и мои бесконечные выговоры. Колобка он продолжал носить на груди, специально для этого поддевая под кафтан хитрую кожаную сбрую.

— А куда, дядюшка знает?

— Не впервой в Стольном граде, — выглянул Колоб. — Знакомцы имеются — приютят, обогреют. Только постоянное в казну заплатить придется.

Моя серая лошадка нетерпеливо перебирала копытами по деревянной мостовой. Бывший атаман прав — пора на что-то решаться. Маленький привратный пяточок так запружен гостями столицы, что еще чуть-чуть — и станет не протолкнуться.

— Поезжай, Ванечка, вперед, — сказала я. — Будешь нам с бароном дорогу показывать.

Дурачок уверенно направил коня в переплетение городских улиц. Зигфрид, вспомнивший о своем решении лишней раз рта не раскрывать, послушно двинул следом.

Заведение, куда нас привел ушлый атаман, располагалось аккуратно возле торговых рядов. Хозяин, узрев моих разбойничков, принял нас с распростертыми объятиями. Лошадей пристроили на конюшню, наш немногочисленный скарб затащил в гостевую комнату грязноватый гостиничный мальчишка, а две молоденькие прислужницы быстро собрали на стол. Народу в заведении хватало — в основном торговый люд, заскочивший перекусить с трудов праведных. Мы расположились за угловым столом и набросились на еду. Служивые в дороге не жадничали — кормили от пуза, но водянистый кулеш и солонина мне за эти дни надоели хуже горькой редьки. А тут — пирожки, ватрушечки, расстегайчики, да свежий зернистый творожок, да цельная кружища желтоватой студеной ряженки. Мм... Вкуснотища!

— Откуда такие полезные знакомства? — поинтересовалась я у Колобка, вытирая кислые молочные усы. — С хозяином небось на темной дорожке встречались?

— Ну скажешь тоже! Родственники мы с Антипом. — Колоб, сидя на уголке стола, хлебал по-кошачьи из блюдца. — Он моего дедушки двоюродного свояка племянник.

— Это как? — удивленно открыл рот студент.

Я на мгновение задумалась:

— Это значит, что Колобков родитель и дядя нашего хозяина были женаты на двоюродных сестрах.

— Да уж, не седьмая вода на киселе, — уважительно хмыкнул Зигфрид.

Я расхохоталась. Колобок строго глянул на студента, потом не выдержал и тоже дробно захихикал.

— Люди добрые, не пора ли совет держать, — вернул нас к действительности Ванечка. — А ты, тетенька, рукавом-то не обтирайся, негоже. — Дурачок достал из рукава тонкий шелковый лоскут. — На вот, платочком подотри.

Чистюля наш! А Зигфрид еще выступает под настроение про дремучесть рутенских мужиков! Вот у кого из швабских бауэров сыщется такая расшитая петухами тряпица — нос подтереть? То-то же...

— Предлагаю следующее. — Студент сложил руки шалашиком. — Иван с Колобом остаются здесь — к полудню от Елисея посыльный придет лошадей забрать, а мы с Лутоней — на разведку.

На том и порешили. Барон обстоятельно разузнал дорогу до посольского приказа у полового, одарив того мелкой монеткой, и наша компания разделилась.

Разноголосый гомон накрыл с головой, как только мы углубились в торговые ряды.

— Пирожки, кому пирожки! С пылу с жару!

Пронзительные крики зазывал, причитания нищих, мычание, блеяние, гогот.

— А вот кому ткани тонкие заморские? Налетай, горопись!

А народу-то сколько! Я столько людей сразу и не видела никогда. Пробираться сквозь рыночную толпу — то еще удовольствие. То пихнут локтем, то на ногу наступят тяжелым кованым сапогом. Никто не обращал внимания на рыжего сорванца, в личине которого я все еще пребывала. Зигфрида оттеснили от меня. Вот уже какая-то ромская бабища, позвякивая монистами, пытается нагадать растерявшемуся барону про удачу в делах сердечных да скорую встречу в казенном доме. Вот выберусь, надеру мальчишке-половому уши. Это ж надо, такой удобный путь указать! Чьи-то жадные руки скользнули по бедру, отодвигая полу зимнего кафтана. Ёжик кот!

— Держи вора! — изо всех сил заорала я, устремляясь в погоню.

Столыноградский люд на помощь мне приходить не спешил. Подумаешь, украли чего-то. Да у них небось по полета раз на дню такие представления разыгрываются. Лиходей припустил, ловко протиснувшись в щель меж двух лотошников, я следом. Хорошо еще, денежка у меня под одежей запрятана, а воришка только дорожную фляжку снять и успел. Все равно обидно — вещица богатая, с чернеными серебряными накладками, и сидр в ней опять же. Да и как я без яблочного напитка теперь? Нет уж, врешь — не уйдешь!

С рыночной площади босяк юркнул в проулок. Я оглянулась на бегу, поискав глазами студента. Не видать, скрыт мой попутчик за чужими спинами.

Улочка была узкой, грязноватой и пустынной. Дома, плотно прижатые друг к другу тесаными боками, как-то сразу отсекали и людское многоголосье, и яркий свет зимнего солнышка. Воришка отыгрывал у меня уже с дюжину сажений. Эдак скоро счет на версты пойдет. Я поднажала. Дыхание вырывалось изо рта колючими клубками, в правом боку закололо, будто там ежи решили свадьбу справить. Босяк завернул на соседнюю улицу. Я следом. И кубарем покатила под копытами огромного жеребца.

Огонь! Лед и огонь вокруг. Серебряное сверкание подков и грохот, от которого, кажется, вот-вот разорвутся уши. Я зажмурилась, свернулась в клубок, стараясь занять как можно меньше места. Морок сползал с меня, как луковичная шелуха, слой за слоем опадая под копыта беснующейся лошади.

— Михай, осади!

— Ведьма! Люди добрые, ведьма. Только что мальчишкой была...

— А кому пирожки?! С вязигой, с капустой, с мясом да ежевикой!

— Ты уж, мил-человек, с ведьмой-то поостороже, а то не ровен час...

— Пиво! Горячее пиво! Веселит живот да дух греет, кто не выпьет — заболает!

— Гляди, как коня-то корежит! Истину глаголю — у всех ведьм глаз дурной.

— А у Машки Медяной ноне свинья опоросилась, да все щенками... Не иначе — сглазили.

— Ой, да твоя Машка соврет — недорого возьмет.

— А потому надо в Трехликом храме поклоны бить, чтобы всякая зараза Рутенское княжество оставила.

Влажное прикосновение к щеке. Я приоткрыла глаза. Мохнатая лошадиная морда укоризненно посапывала мне в лицо.

— Михай, что там с ней? — Говоривший, казалось, выцеживал слова сквозь зубы, с высокомерной ленцой.

— Да вроде жива, господарь.

В круге зрения появилась другая морда — человечья. Широко распахнутые голубые глаза смотрели сочувственно и с интересом.

— Я тебя часом не пришиб, попрыгунья? Вставай. — Протянулась короткопалая рука, затянута до локтя в кожаный наруч.

Да уж, кому пирожки да пышки, а кому синяки да шишки.

— А я думала, это лошадь была, — поднялась я, потирая ушибленную спину. — А то ты на меня налетел.

— Ха, язва! Ты сама под копыта кинулась!

Невысокий ладный молодец упер руки в бока и даже ногой притопнул в гнев. На кожаном нагруднике раскинул крылья гербовый дракон. Дружинник, да еще в парадном облачении. Это у какого князя зверушки такие любопытные на гербе рисуются?

— Да я за карманником бежала! А тут ты со своей лошадей. Из-за тебя теперь свое не верну!

— А кто тебе лекарь? Сама виновата, следить надо за имуществом, чай не в деревне!

— Долго еще? — вклинился тот же высокомерный голос.

А говор-то непростой, будто и мягкий, а получается, навреде как сталь в шелка обернули. Я задрала голову. Солнце слепило глаза, поэтому толком рассмотреть говорившего не удалось. Просто темная громада нависала сверху.

— Так это ихняя баба, значить. Глянь — худая да черная. Точно, романе свою ведьму подобрали, — все не унимался кто-то в толпе.

Я понемногу приходила в себя. Улица, на которую меня вынесла нелегкая, упиралась одним концом в рыночную площадь, поэтому и люду на шум набежало. Еще бы, нечасто можно увидеть природную ведьму под копытами романского воина. Нет, не так. Нечасто у нас романское воинство увидишь. С десяток верховых военным порядком следовали через город, когда я тут решила в догонялки поиграть. А куда направлялись? Так к гадалке не ходи — будут за кого-то из своих нашу княжну сватать. Высокомерный — это, видать, жених и есть: кто-то из княжичей. Князь-то у них давно и прочно на лужитанской принцессе Иветте женатый, а сыновей наделал немерено, штук десять, не меньше. (Бабушка меня когда-то заставляла их на память зубрить, да все равно сейчас не упомяну.) Задружиться, видать, со Славиславом решились. Рутения княжество хоть и небольшое, но очень уж удачно расположенное. На север — росы, на восток — сарматы, на запад — галлы, и все с нами граничат. И реки у нас судоходные, и выход к морю

имеется. Торговые перспективы такие, что ахнешь. А если заключить договор с подгорным народом на разработку недр... Ёжкин кот! Нашла время про то думать! Тут бы ноги по-хорошему унести. Говорят, романцы — народ свирепый, под горячую руку не попадай. Я стала выглядывать щелку, куда бы юркнуть.

Михай, ухватившись за стремя, что-то втолковывал своему хозяину. До меня доносились только отдельные романские слова.

— Потрудись говорить на местном наречии, — вдруг громыхнул знатный всадник.

— Господарь, там местные парни воришку поймали, за которым девица бежала, — сказал кто-то из дружинников.

Моего обидчика держали под руки двое стольноградских стрельцов, а сам он являл собой жалкое зрелище. Грязный, потрепанный мальчишка в разодранной рубаше, сквозь прорехи которой виднелась синеватая гусиная кожа. Как он не околел на морозе в такой одежде, непонятно. По рябому лицу текли слезы, глаза казались белыми и безумными — видать, страшно было лиходею.

— Что у девицы забрал? — строго проговорил главный. — Верни!

Моя фляжка, извлеченная из-под воришкиного тряпья одним из стрельцов, приветливо булькнула мне содержимым. Только вот почему служивый не мне имущество вернул, а протянул вредному Михаю? И почему тот оторопело уставился на вещицу, будто не решаясь ее взять? Ну да — красивая, сама знаю, с черненными серебряными накладками, с чеканной картинкой любопытной, на которой изображен ширококрылый дракон, очень похожий на герб романского княжича. Ёжкин...

— Да ты, посмотрю, сама воровка, — процедил романец. — Глянь, Влад, не твоя ли пропажа сыскалась?

Влад? Ёжкин кот и драконья мать! Это же...

Княжич плавным змеиным движением соскользнул с коня, в два шага оказался рядом, склонился, приблизив лицо. Яростно-синие глаза, которые с детства преследовали меня во сне, обожгли радостью узнавания.

— Ну вот и встретились, птица-синица...

Назойливый солнечный лучик коснулся сомкнутых век. Влад поморщился. Еще бы поспать часок-другой... Пробуждение не предвещало ничего хорошего. Он потянулся, насколько позволяли цепи, повертел головой, с хрустом сжал и разжал кулаки. Отощавшее распятое тело, едва прикрытое лохмотьями рубахи, представляло собой жалкое зрелище. Фамильный нагрудный знак грозил затеряться в переплетениях сухожилий или соскользнуть между почти непристойно торчащих ребер. Кровь циркулировала вяло. От обезвоживания все жизненные процессы замедлились. Еще два-три дня, и он окончательно иссохнет, как дерево с подрубленными корнями. И тогда Стефания с легким сердцем упорхнет на поиски новой жертвы. О, Стефания! Белая роза, у которой оказались острые ядовитые шипы...

И ведь предупреждали друзья, что разбитная графская вдовушка, блиставшая при дворах многих владык, та еще штучка. Говорили, что неспроста обратила она свой взор на романского бастарда. Отец строго сводил мохнатые брови, топал ногами и неистово кричал, что лишит наследства, если непокорный сын не бросит свои глупости и не обратит свой взор на уже созревшую для брака кузину. Ах, оставьте, кто боится отца в двадцать лет, когда сердце сладко сжимается от одного взгляда любимой, когда готов целовать землю, куда ступала ее ножка, а прикосновение к тонким белым пальчикам вызывает слабость во всем теле? Кому нужна Валахия с ее холодными горами, дремучими лесами и забитыми крестьянами, когда здесь рядом есть Стефания — чистая, как солнечный луч, и желанная, как глоток воды в жаркий день? Кто угодно из его братьев сможет управлять вассальным княжеством так, чтоб отец оставался доволен. А то, что Влад единственный в семье обладает магическим даром...

— Мой котик хочет пить? — раздался серебристый голосок.

Стефания появилась, как всегда, эффектно, отодвинув настенную драпировку и легкими шагами приближаясь к ложу.

— На, мой сладенький, утоли жажду.

В протянутой руке полыхнул багровыми отблесками хрустальный бокал. Ноздрей коснулся тягучий соленый запах свежей крови.

Нет, нельзя. Влад отшатнулся, замотал головой, выдохнул в ненавистное лицо:

— Я убью тебя!

Графиня рассмеялась, будто рассыпала горсть стеклянных бусин:

— Как удачно, что я заранее лишила непокорную зверушку когтей. Не сопротивляйся, милый. Ты же не хочешь умереть вот так, забытый и своим отцом, и своими грубыми друзьями-мужланами? Разойдемся по-хорошему. Ты выпьешь немного крови, я заберу твою силу, и все. Через пару дней ты сможешь вернуться домой.

— Упырем?

— Ты плохого мнения о своей малышке, — укоризненно покачала головой Стефания. — Мой покойный супруг недаром всю жизнь посвятил магическим изысканиям. Я дам тебе противоядие, и ты сможешь остановить процесс превращения. Все достаточно просто, густой травяной отвар...

Дальше Влад не слушал, бледно-розовые губы Стефании шевелились, вещая в пустоту. Вспомнилось, как тщательно выбирал он место для любовного гнездышка, как обставлял охотничий домик высоко в горах, как мечтал, что сольется в объятиях со своей любимой вдали от досужих сплетен и внимательных глаз. Дурак! Он сам оградил дом такой многослойной защитой, что никто не сможет их обнаружить. Даже если верный Михай поднимет дружинну прочесывать лес в поисках своего господина, даже если замковые чародеи будут день и ночь сканировать пространство в поисках хоть какой-то активности — их никто не сможет обнаружить. Трижды дурак!

— Гадкий мальчишка, да ты не слышишь меня! — Графиня ударила его по лицу.

— Какое счастье, что я на тебе не женился, — прошипел Влад. — Что может быть хуже жены-истерички?

— О, я тебе расскажу, что... — Глаза Стефании подернулись поволокой. — Хуже гнить заживо в железных цепях, умирать от жажды, чувствуя как все твои жизненные соки уходят вместе с дыханием, и знать, что в это время... Кстати, через год я планирую опять вернуться в ваши края. Пожалуюсь твоему отцу, что ты бросил меня с младенцем на руках. Ребенка можно будет недорого купить у какой-нибудь крестьянки. И буду жить-поживать в твоём драном княжестве — регентствовать при отпрыске.

Зная оборотистость бывшей возлюбленной, в это можно было поверить. В бессильной ярости Влад заскрежетал зубами.

Стефания, взволнованно дыша, залпом выпила из своего бокала. Быстрый язычок скользнул по губам, слизывая остатки крови.

— Мур-р-р, я все еще голодна. — Графиня опустилась на кровать, подползая поближе.

Через мгновение ее жемчужные зубки сомкнулись на яремной вене Влада.

Когда он в следующий раз пришел в себя, уже вечерело. За толстыми оконными стеклами бушевала непогода, завывал ветер, окатывая стены его тюрьмы потоками воды. От ощущения близости столь желанной влаги становилось только хуже — покалывало подушечки пальцев, рот наполнялся вязкой горьковатой слюной.

— Дедушка, ты, что ли, мой суженый будешь? — раздался из темного угла тонкий голосок.

Влад попытался сфокусировать взгляд. Прямо из тканого гобелена, изображавшего какую-то буколическую сценку, в комнату ступила крошечная крестьянская девочка. Желтоватая рубаха, полускрытая широкими лямками полотняного сарафана, темные волосы, затянутые по бокам лица в тугие косицы, любопытные карие глаза.

— Ты за мной пришла?

Сон и явь переплетались в его сознании фантазмагорическим орнаментом. Показалось, что это сама Смерть решила покуражиться над беднягой, приняв столь причудливый облик.

Девочка махнула рукой:

— Не, я так — одним глазком глянуть хотела. Гадала я на суженого... Вот и спрашиваю — ты он и есть?

Влад хрипло рассмеялся:

— Лет тебе сколько, невеста?

— Аккурат во внучки тебе гожусь — в том годе десять стукнет, — рассудительно сказала малышка, приближаясь к кровати и усаживаясь на краешек.

— Не рановато о браке думать?

— В самый раз. Иравари сказала — надо брать дело в свои руки, чтоб всю жизнь в девках не просидеть. Она-то уж в этом толк знает.

— Это подруга твоя? — Разговор не на шутку увлек Влада.

— Не, знакомица. Подруга у меня одна — Стешенька.

— В бане небось гадала?

— А то! Банщики нашептали — точно суженого покажут.

Ну понятно — хитрые изнаночные твари затащили сонную девчонку к себе. Как только у нее сил хватило выбраться и оказаться здесь? Чудны лики Судьбы! Малявка смотрела на него почти не мигая, склонив голову набок, будто желтогрудая синичка примеривается, куда клонить морозную рябиновую ягодку. Надо же — дедкнязьюшка! Стефания как-то после очередного кровопускания поднесла к его лицу зеркало, чтобы продемонстрировать, как мало осталось от некогда шеголеватого и полного сил красавца. Видимо, надеялась, что лицезрение черепа, обтянутого желтой пергаментной кожей, седых клочковатых волос и покрасневших глаз подвигнет Влада к правильному решению. Будь на его месте экзальтированная барышня, может, это бы и сработало.

— А ты чего в цепях? — вдруг встрепенулась девочка. — Зарок какой выполняешь, а я тебе мешаю?

— Злые люди заковали, — вздохнул князь.

Птичка-синичка хлопотливо вскочила, бросилась к письменному столу в поисках какого-нибудь орудия. Вернулась с перочинным ножом, поковыряла в замке, пытаясь отжать запирающую пружину.

— Бесполезно, — попытался остановить ее Влад. — Там еще заклинание наложено — просто так не вскроешь.

— И почему это злые люди тебя к лежанке прикрутили? — пыхтя от усилий, спросила девочка.

Хороший вопрос! Как радостно ахала Стефания, когда он, смеясь, сообщил ей обо всех продуманных хитростях и ловушках... И как мило краснела, предложив оборудовать ложе страсти этим... хм... приспособлением. Но не рассказывать же ребенку о развлечениях, которым предается романская аристократия. Вся кровь, еще оставшаяся в теле Влада, бросилась ему в лицо жарким румянцем.

— Мала еще...

— Не очень-то и хотелось, — обиженно буркнула собеседница, продолжая ковыряться в замке. — Вот не пойду за тебя, старого, замуж, будешь знать! И вообще — тебе к земле привыкать надо, а не к девицам свататься.

Влад улыбнулся. Девочка, скорее всего, до сих пор пребывает в уверенности, что это всего лишь сон. Кстати, надо бы отправить малышку домой, пока его мучительнице не вздумалось вернуться и продолжать экзекуцию. Двусторонний портал, наведенный между его спальней в цитадели и кухней охотничьего домика, настроен только на двух людей — него самого и его бывшую любовницу. Значит, девочке одна дорога — через изнанку. При хорошем стечении обстоятельств ее вынесет обратно... Интересно, чем деревенская простушка заплатила за гадание — памятью или кровью? Хватит ли ей того и другого, чтоб в сумеречном изнаночном мире отыскать дорогу домой? Эх, воды бы сюда! Хоть пару глотков. Уж тогда бы он без проблем навел портал, куда эта птичка укажет. Ха! Да он бы одним движением порвал ненавистные оковы, он бы изничтожил графиню, если б только не был лишен доступа к своей стихии. Видимо, свои желания он произнес вслух. Наивное дитя отбросило в сторону погнутый перочинный нож и удивленно спросило:

— Ты чего, пить хочешь? Водицы принести?

И упорхнуло туда, где Влад не мог его видеть. Только слышался грохот посуды на кухне, drobный топот босых ножек, сопение, хлопанье двери.

— Ёжик кот! В доме ни капли, а с улицы принести не могу, будто кто миску из руки выбивает. И в горсти — никак... Заклятия хитрые. Тебя колдун пленил? Бедненький! — защebetала птичка, приблизившись к кровати, глядя спутанные волосы страдальца, заливаясь горячими слезами.

Соленые капли падали Владу на лоб, моментально впитываясь в кожу. Кровь заструилась по жилам, он почувствовал, как выровнялось дыхание. Девочка тоже заметила произошедшие перемены, дернулась, вытирая рукавом глаза. А он обмяк, пытаясь справиться с накатившей болью. Мало, очень мало жидкости. Для того чтоб его поднять, девочке придется несколько дней рыдать в три ручья, как сказочная царевна Несмеяна.

— Погоди, я придумала! — радостно вскрикнула малышка и опять выбежала из дома.

Вернулась важная и молчаливая. Вразвалочку подошла, склонилась, ухватила холодными пальчиками за подбородок. От нее пахло свежестью, какими-то душистыми травами, парным молоком, нездешним солнцем. И тонкая струйка воды полилась из ее рта к сухим, потрескавшимся губам князя.

— Так лучше? — спросила, наклонив голову к плечу. — Я прям с водостока набрала. Тебе не противно?

Влад чувствовал себя желторотым птенцом, которого в гнезде поят заботливые родители. И это была самая вкусная вода, которую за всю жизнь довелось попробовать романскому аристократу. С мягким щелчком лопнули кандалы. Зуд и жжение во всем теле возвестили о начале процесса регенерации. Влад наугад махнул рукой, зацепляя ближайшую нить силы. Со звоном вылетели окна, в комнату хлынул дождь. Грязноватые потоки воды закружились водоворотами, вовлекая в свой грозный танец предметы интерьера, осколки стекла, покореженные цепные звенья. И Влад поднялся во весь рост, воцаряясь над стихией, демонстрируя ей свое главенствующее положение. Он готов к мести. И какой же сладкой она будет!

— Да ты сам колдун! — Возмущенный голосок раздавался из-за кровати, где, вжавшись в уголок и забаррикадировавшись подушками, находилась его спасительница. — Точно! Сказка даже такая есть — мне бабуля рассказывала. Марья Моревна тридцать лет могучего колдуна в чулане в цепях держала, пока Иван-царевич ему водицы испить не поднес! Тоже — дурачина венценосный! А ты — Кашей!

Сила мгновенно успокоилась, как будто на пенные буруны плеснули тягучего жирного масла. Влад расхохотался, вытащил девчонку за шкирку, приблизив свое лицо, грозно посмотрел в глаза:

— В следующий раз десять раз подумай, прежде чем помогать незнакомцам. Сказка — ложь, да в ней намек...

Птичка-синичка трепыхалась, пытаясь вырваться из цепкой хватки внезапно помолодевшего «дедушки», но силы были неравны. Что с ней теперь делать? И отпускать как-то не хочется. Такая малышка забавная.

— Может, действительно на тебе жениться, когда подрастешь? — проговорил задумчиво. — Будет, по крайней мере, кому на старости лет стакан воды поднести.

— Держи карман шире, — огрызнулась девочка. — Со мной пить тебе точно не захочется, и до старости не доживешь, злыдень!

Изловчившись, она пнула его ногой, заставив опять рассмеяться, и протянула скрюченные пальцы с детскими розовыми ноготками, намереваясь вцепиться ему в лицо. Влад ловко увернулся и мягко, чтоб случайно не помять перышки, опустил птичку на кровать. С удивлением заметил, что его нагрудный знак, видимо сорванный в пылу борьбы, теперь находится в руках девчонки.

— Отдай! — сказал как мог властно, представив мимоходом, что сделает с ним отец, узнав об утере фамильной реликвии.

— Отбери! — показала язык малявка и ринулась к гобелену.

Пожалуй, он смог бы перехватить ее, не дав нырнуть в душное нутро изнанки. Но его отвлекли. В дверном проеме, небрежно поигрывая арбалетом, появилась Стефания. Бывшая возлюбленная не хотела упускать добычу. Влад сосредоточился на предстоящем поединке, лишь краешком сознания ощутив, что птица-синица покинула его.

Иногда так бывает, что время останавливается только для тебя. Застываешь ты, будто мошка в янтаринной толще, вокруг продолжается суетливое движение других козявок, но сам ты — ни охнуть, ни вздохнуть... Вот так и со мной приключилось. Оторопело разглядывала я филигранные снежинки, что запутались в буйных кудрях валашского князя, и не могла ни словечка вымолвить. Влад из рода Дракона, господарь Валахии, незаконнорожденный сын романского князя, великий колдун, деспот, убийца и злодей. Да у нас в деревне его именем неслухов малолетних страшат! Кто ж знал тогда, в какую катавасию я попаду по своей неосторожности? Ну мелкая была, глупенькая. Проснулась в бане, руки-ноги не слушаются, голова пустая, видно, банщики памятью за переход взяли, вижу, цапка на полу валяется, ну я и подобрала. А потом мне кузнец наш Лаврентий ее к фляжке приспособил. Жалко было такую красоту выбрасывать. Да если б я сразу тогда поняла, что за птица плененный колдун, я б его знак в сырую землю у перекрестья закопала, чтоб не нашел никто. Не стояла бы сейчас соляным столбом да дурочку перед честным людом не строила. И главное, как память надо мной зло подшутила! Вот сей момент все помню — и молочный сумрак изнанки, и ярко-синие глаза иссушенного жаждой узника, и страх свой помню, когда поняла, что не отпустит меня вражина, ни за что не отпустит. А ободранный-то был, квелый! Натуральный Кашей — без слез и не взглянешь. А как за шкуру меня схватил — все, думаю, отбегалась, Лутонюшка, не плясать тебе, милочке, у купальского костра, не лепить снеговую бабищу на крутояре, порвет тебя порчельник на лоскутки...

— Вот уж не знаю, за спасение тебя благодарить или за воровство наказывать? — кривовато усмехнулся князь.

— Не вели казнить... — пролепетала я. — За покражу у нас руки отрубают, отпусти меня по-хорошему.

Ёжкин кот! А карманника-то моего именно такая кара и ждет. Пацан ведь совсем... Как он жить-то дальше будет — безрукий? Я тревожно оглянулась. Лиходея все еще придерживали за плечи стрельцы, а сам он пощелкивал от холода зубами. Ушлый парень, не пропадет. Голова вроде как повинно опущена, а хитрые глазюки так и зыркают по сторонам. Ему бы только в гущу народа сигануть, а там уж разберется, куда бежать. Ой, опять не о том думаю, тут самой бы из передряги выбраться.

Я просительно уставилась на князя, ненароком заметив широкий размах соболевых бровей, хищный изгиб губ и высокие скулы, будто вытесанные из куска белого непрозрачного льда.

— Не велю, — согласился колдун. — Пока не велю. А там посмотрим.

Он отвернулся от меня, моментально потеряв всякий интерес, и равнодушно кинул в сторону:

— Михай, бери ее в седло, нам нужно спешить.

Мне показалось или толпа испуганно ахнула, когда малорослый вояка стал подступаться ко мне, широко разведя руки? Ага, держи карман шире! Таким манером можно курей ловить, а не взбалмошных девиц на коня загонять.

Я отпрыгнула, сбив одного из стрельцов. Воришка, почувяв послабление, рванулся изо всех сил и юркнул в толпу. Народ улюлюкал, подбадривая то ли меня, то ли служивых, преследующих беглеца, то ли неловкого романина. А я повела себя точно как всполошенная наседка — носилась на свободном от зрителей пяточке, пытаюсь протиснуться на волю, вырваться, убежать. Только что не кудахтала. Противный Михай следовал за мной по пятам, выкрикивая романские ругательства. Затылок обожгла острая боль — то противник схватил меня за косу. Я взвыла и послушно последовала к лошади. Вот уж отольются кому-то мои злые бессильные слезы! Уже с седла я попыталась пнуть дружинника и чудом заехала ему в ухо под радостный гогот толпы. А правду говорят — сладка отместка. Думаю, если б не зрители, быть бы мне нещадно битой униженным малоросликом. Усевшись позади и придерживая меня за талию, он зло прошептал:

— Как господарь с тобой натешится, себе заберу. Если что останется...

— Если что от князя останется, забирай, — великодушно согласилась я.

— Вот ведь девка — огонь! — прокричал кто-то из толпы. — Ты покажи тем вахлакам, где раки зимуют!

— А если заобижают, сразу по сусалам! Знай, стало быть, наших!

Как все-таки переменчива толпа — то «ведьма романская», то своя в доску. С такими вот напутствиями я в дорогу и отправилась. Мы с моим невольным попутчиком оказались где-то в хвосте колонны. Со своего места мне было видно только черную спину князя, возглавлявшего отряд. Одной рукой Михай удерживал поводья, другой намертво вцепился мне в бок, сам молчал, только сопел обиженно. Когда мы проезжали рыночную площадь, я попыталась высмотреть кого-то из своих. Жадно искала взглядом каланчу Зигфрида или мощного Ванечку, пробирающегося с дядюшкой на пузе через торговые ряды. Все было напрасно.

На центральной площади тоже толпился народ. То ли тут всегда так, то ли по случаю представления женихов зрители набежали. На лобном месте глашатай надрывается, охрип совсем — видно, не в первый раз за сегодня княжий указ зачитывает:

— И сим высочайше повелеваю...

А ведь интересно, ёжкин кот! Это ж получается, я в самом центре событий нечаянно оказалась. Вот так прям и вижу: годков эдак через пятьдесят я, седая, согбенная старушка, рассказываю внучатам, как сама лицезрела выбор женихов. А внучков я планирую где-то с десятков минимум — чем больше слушателей, тем бояну приятственней. Эх, дожить бы!

Движение нашей колонны слегка замедлилось. Судя по всему, мы направлялись во внутренний двор княжьего терема. Ну да, это ж не какой-нибудь Петька с Залещиков на печи свататься прикатил, а сопредельный князь в гости пожаловал. И чего мне это внутрь совсем не хочется?

— Слышь, паря, — решила я замирииться с обидчиком. — Может, отпустишь меня подобру-поздорову? Знак свой нагрудный князь возвратил... Пощади девицу, мил человек.

Михай только хрюкнул глумливо мне в затылок:

— Тоже девица выискалась! Кошка ты дикая...

По шее под волосами пробежал морозец. Да никак мой охранник с поцелуями пристроился! Я уклонилась и зашипела:

— Не замай! Совсем стыд потерял?

— А знаешь, как мой господин поступает с непокорными? — мечтательно проговорил Михай, перехватывая меня так, что хрустнули ребра. — Он посадит тебя на цепь, пока не станешь мурчать, как домашний котенок.

— То-то у вас, романцев, игрища затейные, — трепыхалась я. — Да только на любую цепь кусцы сыщутся!

И тут я высмотрела свое спасение. Из толпы на меня пялились хитрые глазищи давешнего воришки. Пацан всюду пытался привлечь мое внимание, семафоря из-за толстого бока какого-то купчины. А чего, можно попробовать.

— Насильничают, люди добрые, — уверенно завела я во весь голос, засаживая Михаю локтем в живот.

Дружинник удивленно охнул, разжав на минуту тиски рук. А мне только того и надо было.

— Речами непотребными меня, невинную девицу, смущать вздумал, — орала я, спрыгивая с коня. — А еще за причинное место щипался! Показать?

Толпа предвкушающе застыла, когда я, путаясь в полах, стала задиравать свой зипун. Михай соскочил следом, выхватывая из-за пояса нагайку. Это он зря. Не любят у нас в Рутении, когда баб бьют. А пуще всего сами бабы такого не потерпят. Поэтому малорослик сперва схлопотал лотком от разносчицы, потом увернулся от прямого удара в голову корзиной, которым его попыталась наградить пожилая горожанка. Свист нагайки захлебнулся — выбили у воина его оружие. А дальше случилась куча-мала. Визг, крики, ошметки во все стороны. Да, такие здесь женщины — и коня на скаку остановим, если надо будет, про горящие избы я вообще молчу — войдем и не заметим.

Кто-то схватил меня за рукав и потащил прочь от потасовки. Улочки, переулки, чужие захламленные дворики мелькают, будто кто-то книжку с картинками наскоро перелистывает. Уф, кажись, все. Пытаясь отдышаться, я прислонилась к дощатому забору.

— Глеб, — протянул руку воришка.

Ну надо же, какие имена знатные у столичных крадунов, любому боярину впору.

— Лутона, — ответила я солидно, сжимая ледяную ладонь.

Парнишка откинул волосы со лба.

— Так это... Пошли, дело тут есть.

— Прощенья просить не будем?

— За что? — ощерился пострел. — За покражу? Так то работа у меня такая, как говорится, ничего личного.

Я пару мгновений подумала и коротко, без замаха заехала Глебу в зубы. Сразу полегчало.

— Натура у меня такая, — сочла нужным пояснить, с удовольствием наблюдая, как тот схватился за лицо. — Обязательно надо на ком-то отыграться.

— У-у-у, ведьма! — Парень сплюнул себе под ноги кровавый сгусток.

— На правду не обижаюсь. Теперь мы квиты, проваливай. Если б не ты, моих

неприятностей было бы ровно вполтину меньше.

Шаромыжник потирал подбородок и выпускал носом пузыри, но не уходил.

— А ты в личинах мастерица? — спросил, заискивающе заглядывая в лицо.

— А то, — подышала я на костяшки пальцев.

Ёжкин кот, холодно-то как. И главное — всю экипировку в своих кувырканных посеяла. Где мои рукавицы справные и шапчонка, мехом отороченная? Ау! Нетути. Эдак я при следующем кульбите и последней одежи лишусь. Я поднатужилась, сплетая морок из стелящейся поземки, случайных солнечных зайчиков, отбитых оконными стеклами, и серых теней, клубящихся в ближайшей подворотне. Бабушка могла бы мной гордиться. Притом что нити судьбы мне неподвластны, справилась я неплохо. Восхищенный возглас Глеба был тому подтверждением. Я повела плечами, привыкая к старой личине, и спросила ломким мальчишеским голосом:

— Глянь, щербинка у меня на переднем зубе имеется?

Собеседник кивнул. Ну, значит, признают меня на постоялом дворе. Надо бежать к нашим, авось гуртом придумаем, что дальше делать да куда скрыться.

В начале улицы появилась фигура прохожего. Глеб засуетился, толкнул одну из досок забора. Та со скрипом отошла, и воришка юркнул в образовавшуюся щель, поманив меня за собой. В таких местах я еще не бывала. Этот дом был заброшен много лет назад, слепые покосившиеся окошки и облупившиеся стены были тому подтверждением. Под ногами хрустел хозяйственный мусор — разошедшиеся дверные рамы, мебельные деревяшки, осколки посуды. Усталость навалилась неожиданно — видать, кураж отступил, оставив после себя пустоту. Эх, сейчас бы к бабушке в Мохнатовку, прикурнуть под теплым печным бочком, взвару сладенького похлебать... Опасаясь пропороть себе ногу каким-нибудь ржавым гвоздем, я пробиралась через эти рукотворные курганы. Мы уселись на крыльце, укрывшись от ветра. Внутри руины я решила не соваться, не хватало еще, чтоб перекрытие какое на головушку упало. И так вон перед глазами все кружится, да и тошнота подступила — видно, дорого мне последняя волшба далась.

— Куда ты меня привел?

— Схрон у меня тут, — пояснил суетливо мальчишка. — Сейчас переждем чуток, а потом к нашим тебя отведу, надо ватагу объяснить, чего без крама возвратился.

— Да ты, оголец, совсем ополоумел? — уперла я руки в бока. — Мало того что обворовал меня, так я еще и перед начальством тебя защищать теперь обязана? Или ты надеешься, что я с тобой на дело пойду? То-то тебя ведовство мое зацепило! Для того и от дружинников спас?

— Тебе жалко, да? — всхлипнул воришка. — Сама-то не без греха... А у меня, может, последняя проба была, выгонит меня атаман, не поморщится.

Пацан широко, по-лягушачьи открывал рот, по лицу бойко катились горошины слез.

Да уж, положеньице. По уму-то, конечно, надо было гордо удалиться, оставив воришку самого разгребать свои неприятности. Только когда это я по уму поступала? Чего-то так сразу и не упомяну.

— А ты, значит, в воровском деле новичок?

— Деревенский я, — всхлипнул Глеб. — Папка с мамкой в том году померли от черной хвори иноземной. Хату-то нашу вещуны спалили, чтоб дальше зараза не пошла. Я в клетушке за банькой в беспамятстве лежал, меня и не заметил никто. Как жар спал — выполз на свет, а на месте дома — пепелище. Поначалу по дорогам скитался, хотел на каком-нибудь хуторе помогать устроиться, да какой из меня работник. Вот так вот до столицы и дошел.

Я еще раз внимательно всмотрелась в собеседника. А ведь не врет — лицо густо усыпано оспяными шрамами. Настолько густо, что я их сперва за веснушки приняла. В рубaxe

пацан родился — мало кто после такой болезни выживает, а уж не слепнут вообще единицы. Как же ему помочь? Ведь даже если я из своих невеликих запасов денежек ему отсыплю, ни к чему хорошему это не приведет. Подельники же отберут, еще и прибьют для надежности.

— Слушай, — решила я, — нечего тебе в банду возвращаться. С твоим счастьем уже через седмицу без рук останешься.

— Куда ж деваться? — с надеждой спросил мальчишка.

— Со мной пойдешь, а там решим, к какому делу тебя можно приспособить. Знаешь Антипов постоянный двор у рыночной площади?

Глеб кивнул.

— Если разделимся, двигай туда, спросишь швабского барона фон Кляйнерманна, скажешь, что от меня...

— Барона!.. — присвистнул пацан восхищенно. — Полюбовник твой, что ли?

— Вот ведь поганый у тебя язык, — отвесила я огольцу подзатыльник. — Друг то мой, друг и соратник. Даже если со мной что случится, он тебе поможет.

— Дружинников романских боишься?

— Не боюсь, а опасаясь. Чует мое сердце: не оставит меня Михай так просто...

За забором послышался скулеж, будто кобель какой с прогулки во двор просится. Я вскочила и привычно начала ворошить мусор в поисках хоть чего-то, что могло сойти за оружие. Ёжкин кот, жива останусь — обязательно в обычай возведу ножичек за голенищем таскать. На такой вот аховый случай. Глеб наблюдал за мной со все возрастающим недоумением.

— Ты чего кипешишь? Это ж собаки бродячие — их тут с десятков обретается.

— Неужто в твоём селе про драконью стаю слыхом не слыхивали?

— Вовкудлаки! — ахнул Глеб, совсем с лица спав от испуга. — По следу нашли... Драться будем?

— А то, — воинственно потрясла я в воздухе черенком от лопаты. — Ты давай, мчи к моим друзьям, а я тут сама управлюсь. Другой-то ход какой знаешь?

Мальчишка, успокоенный моим уверенным тоном, кивнул:

— Ну держись тут, Лутона. Подмога скоро будет.

И только я его и видела. Держись... Ага, как же! А покусает, буду на полную луну выть да коров до смерти драть. Охохонюшки... И за каким драконом я мороком баловалась? Во-первых, бесполезно, запах-то свой я изменить не смогу; а во-вторых, сил потратила уйму, и, как теперь выясняется, все зря. Но оставлять на прикрытие пацана, а самой бежать — вообще глупо. Ищут-то меня, за мной и в погоню бросятся.

Я подняла лицо к небу, вдыхая полной грудью, готовясь дорого продать свою свободу. Холодное зимнее солнышко будто в щеки расцеловало меня, бедовую. За спиной раздался грохот. Деревянная вывеска сорвалась со стены и спланировала прямиком мне под ноги. Хорошо еще саму не пришибла. Без особого любопытства я на нее взглянула. Крученые червячки буковок никак не хотели складываться во что-нибудь понятное. Но чуть ниже иностранной надписи обнаружили привычные рутенские письма. То, что мне удалось разобрать, повергло меня в ступор. И поэтому, когда во двор, отодвинув знакомую доску и громко принявываясь, протиснулся потрепанный Михай, активного сопротивления он не встретил. Я просто разревелась, бросив в его сторону так и не пригодившееся мне оружие.

ГЛАВА 7

О вреде зеленого змия, тяжелых последствиях пьянства и о... шахматах

На золотом крыльце сидели:

Царь, царевич, король, королевич,

Сапожник, портной.

Кто ты будешь такой?

Я была пьяна. В дугу, в зюзю, в стельку, в хлам, вдребезги, вдрызг, вдупель, до зеленых дракончиков, мертвецки, очень. Остановившимся взглядом буравила черно-белую полированную поверхность столика, за которым мы с моим охранником устроились топить во хмелю мое большое горе. А чего такого? Нешто не могу перед смертью княжских напитков испробовать? Как выяснилось, очень даже могу. И четвертая бутылка с тягучим медвяным вином была явно от лукавого. Но в этом я ни в жизнь никому не признаюсь, тем более служивому вовкудлаку.

Да-да, перевертыш без лишних разговоров увел меня от развалин элорийской эмбашады — от моей последней надежды на счастливую привольную будущность, в княжий терем, в покои ненавистного валашского господаря. Я даже не пикнула ничего супротив, когда он втолкнул меня в светлую, богато обставленную горницу и запер дверь изнутри. Такой ступор со мной приключился. А вот интересно, неужели студент мой драгоценный знал про то, что ни посольства, ни портала в Стольном граде уже давненько нет? Неужели сознательно все это время он вел меня в никуда? А смысл? То, за чем начальство направило его в Рутению, барон получил. Если уж я в тягость бравому швабу, что ему мешало оставить меня в любой придорожной харчевне, в любой замшелой деревеньке, встретившейся на нашем пути? Хотя... На первом же людном привале нас подобрал воевода. При таких раскладах побег Зигфрида становился вовсе невозможным. Эх, думы мои, думушки... Сейчас бы с Иравари пошущукаться, совета мудрого попросить. Да осталось мое блюдо непростое на постоялом дворе вместе с другими волшебными побрякушками в сумице.

— Ну и чего так убиваться? — успокаивал меня Михай, сидя через стол на лакированном табурете с ажурными ножками. — Подумаешь, в университет свой великий не попадешь! Была б моя воля, вообще бабам учиться запретил бы.

— Да ты этот... — Я пощелкала пальцами, вспоминая мудреное слово. — Женоненавистник ты! Вот.

— Неправда, — не согласился солдат. — Я баб люблю. Особенно после долгого похода...

— Все вы такие-э-э, — начала я опять реветь. — Мы вам только для этого дела и нужны; ну, может, еще щи варить и детей рожать. А мы, может, такие же люди, как и вы, мужики.

Михай протер порядком ослотившие глаза:

— Слышь, сними морок-то, а то прямо и не знаю, как себя вести — вроде с девицей беседы веду, а перед глазами — мальчишка.

— Не, — уверенно икнула я в ответ. — Еще приставать начнешь. Так-то оно надежнее.

Я привольно разлеглась на укрытой прострочными атласными покрывалами княжеской лежанке и закинула руки за голову. Расписной потолок покачивался надо мной, подобно штормящему морю, из его пенных завитушек помахивала мне крылом волшебная птица Сириин. Я было хотела позвать Михая поглазеть на грудастую красотку с точеным бледным личиком, но потом решила не рисковать. А то еще забудет в ажитации про то, что рядом с ним отрок малолетний, а не пьяная вусмерть девка...

— Ты чего это, спать удумала? — донесся до меня будто из далекого далека встревоженный голос. — Ведьма, не балуй. Влад с меня три шкуры спустит... Еще и за тот побег.

— У тебя их несколько? — вынырнула я из дремы.

— Кого? — опешил Михай.

— Не кого, а чего, — с неохотой покинула я пригретое местечко. — У вовкудлаков шкур-то вообще сколько? Девять, как жизнью у кошки?

— Тьфу, пропасница, — обиделся дружинник. — Я ж, так сказать, фигурально выразился.

— А... — отхлебнула я прямо из бутылки. — Тогда развлекай меня.

— Чего?

— Ну ты же не хочешь, чтоб я заснула... Сказку какую расскажи. Только интересную, чтоб не сморило меня.

Перевертыш аж ушами зашевелил от раздумья. Непонятно, чего это я его так боялась раньше? Нормальный парень — русые волосы аккуратно острижены кружком, лукавые голубые глаза хоть и не шибко большие, зато веселые. Вот только улыбка подкачала. Как оскалится, зубы свои острующие покажет — меня сразу в дрожь бросает. А так — ничего, ладный да проворный.

— Или петь давай, — решила я слегка оживить ситуацию. — Или в игру какую увлекательную сыграем, только не на деньги, а то бабушка узнает — выпорет.

Уж не знаю, чего я такого забавного ляпнула, только мой охранник согнулся от смеха чуть не вдвое:

— Так вот кого ты боишься!

— Глади не лопни, — насупилась я. — Сам бы штаны намочил при встрече, ей такой волчок вроде тебя — на один укус.

— А кто у нас родственница? — заинтересованно подобрался Михай.

Но я уже поняла, что слишком разоткровенничалась, и, отбивая ритм тяжелым серебряным бокалом, завела песню. Ну да, в общем-то, с вокальными упражнениями у меня не очень сложилось. Тот медведь, что потоптался по моим ушам, судя по всему, ни величиной, ни весом не уступал иноземному животному слону, про которого я в книжках читала. Поэтому трогательная история о нелегкой женской доле вызвала у моего охранника очередную порцию здорового хохота.

— Уж лучше в игры, — решил он, отирая рукавом выступившие от смеха слезы.

Обыскав кованый пристенный сундук и резной шкафчик, из которого перед тем доставал разнообразные напитки, романин погрузился.

— Ни карт игровых, ни костей..

— Давай в шахи, — наконец-то опознала я, для чего служит инкрустированная столешница. — Умеешь?

Пошарив под столиком, я выдвинула ящик, в котором глянцево поблескивали боками черные и белые фигурки.

— Это в какой же деревне в такие игры играть учат? — шутливо спросил Михай, помогая расставлять фигуры.

— Да в той же, где и валашских оборотней обучают, — не осталась в долгу я.

Мы кинули жребий, кто какие войска в бой поведет.

— А все потому, что я за добро, — мстительно сказала я, вытаскивая из зажатого кулака соперника белую пешку.

Вот за что шахи уважаю — за огромное количество комбинаций. Ведь у меня для первого хода есть аж двадцать разных возможностей, а партнер тоже на каждый мой ход может

ответить одним из двадцати вариантов. То есть двадцать умножаем на двадцать, получается... Эх, ёжкин кот, получается — пить надо меньше...

Я похлопала себя по щекам в тщетной надежде согнать хмельную одурь. В дверь заколотили снаружи, да так, что еще чуть-чуть, и золоченые деревяшки грозили соскочить с петель. Михай вострепнулся, кинулся отпирать замок, залезил перед ворвавшимся в горницу Владом. Я икнула, по-скоморошьи поклонилась чужеземному государю и сделала первый ход. Потому как, если фигуры расставлены, обратной дороги нет. Такой вот закон жизни.

— Ты зачем ее напоил? — навис князь над побледневшим вовкудлаком.

— Да кто ж знал, что ее с полчетверти так разнесет? Горе у девки, думал, выпьет чуток — повеселеет.

— Да уж, обхохочешься, — задумчиво проговорил Влад, махнув в мою сторону рукой.

Я почувствовала, что мой с таким трудом сплетенный морок пытаются развеять. Стало очень противно, так бывает, когда с тебя стягивают намокшую рубаху. Я поднатужилась и дернула на себя, скопировав плавное движение его кисти. На висках князя вздулись жилы, а синие глаза загорелись злым огнем. Я стала задыхаться, будто кто весь воздух из меня выкачал, но не отступила. И главное, понимала, что, по уму, надо не ерепениться, а сдаться по-хорошему. Да овладело мной какое-то озорное безразличие. Только билась в ритм сердца мысль: «Врешь, не возьмешь!»

— Ну ладно, — расслабился князь.

Меня сразу же отпустило, я задышала часто, как выброшенный на мелководье карасик.

— В игру пустите? — Он присел напротив меня и уставился в лицо игривым взглядом.

— То только для двоих баталия, — твердо ответила я. — Между мной и твоим слугой бой будет.

— Ну, если следовать вассальной клятве, — начал умничать злыдень, — государь вполне может своего подданного заменить, если тому сил не хватает.

— С чего это я знаю, что сильнее? — попыталась выяснить я.

— А Михай вообще в шахматы играть не обучен, — хохотнул князь.

— Зачем согласился тогда? — не отступалась я.

— А хорохорился. Видно, не мог признать, что деревенская девица хоть в чем-то его превосходит.

Предмет нашего разговора краснел как маков цвет и натужно пыхтел в смущении. Я хмыкнула:

— Ну давай, раз такой заботливый повелитель, подмени его.

Влад потер ладони и двинул черную пешку. Я не заставила себя долго ждать.

— На что играем? — как будто между прочим поинтересовался Влад. — На деньги?

— Не, ей на деньги бабушка запрещает, — пискнул от двери мой незадачливый охранник. — На интерес.

— На интерес неинтересно, — пробормотал господарь, двигая ладью. — Предлагаю на раздевание.

— Губу заката, — вежливо ответила я, вводя в бой офицера.

— Да я же в метафорическом смысле, — тряхнул волосами собеседник. — Если я выиграю — ты уберешь свой морок, который, кстати, успел мне порядком надоест...

— А если я?

— Тогда сниму и передам тебе любой предмет одежды по твоему желанию.

Я алчно оглядела черный камзол князя, пенное кружево шелковой сорочки, выглядывающее из-за обшлагов, чего там дальше — мне из-за стола было не видно, но решила я на княжьи портки намериться. Я, конечно, в них три раза завернуться смогу, но лицезреть недруга без штанов... Тогда моя месть за все доставленные неприятности будет невыносимо сладка. Я даже глаза закатила в предвкушении.

— По рукам, — протянула я супротивнику обветренную ладошку.

Наша игра сохранилась в моей памяти урывками. Ибо разнесло меня знатно. Из последних сил я собирала расплывающиеся мысли, чтоб хоть как-то ответить на ходы соперника. А он, по-моему, просто веселился. Заботливо подливал в мой бокал вино, на этот раз для разнообразия густого багряного цвета, с любопытством задавал вопросы о жизни в деревне, о моих планах на будущее, об охоте на вальдшнепов. Ох уж эти вальдшнепы... В моем воспаленном воображении они представлялись мне некими мифическими чудовищами навроде оживших гор, которые наступали на меня со всех сторон с хлюпающими звуками — «вальд, шнеп, шнеп, шнеп, шнеп...».

Я приоткрыла глаза. Вещая птица Сирийка смотрела на меня с материнским укором. Голова гудела, будто по ней всю ночь молотили кувалдой. Охохонюшки! Да чтоб я еще раз к чарке прикоснулась — да не в жизнь! Попыталась приподнять затекшее тело, но куда уж там... Мой давешний противник накрепко прижимал меня к лежанке рукой, похрапывая во сне. А-а-а! Что ж это делается, люди добрые! Как я оказалась ночью в одной постели с князем? И кто, в конце концов, выиграл? Если в штанах злыдень — значит, точно не я. (Первая разумная мысль за сегодня.) Эх, из-за сбившихся простыней не видно ничего! Я тихонько заскулила. Влад пробормотал что-то неразборчивое и перевернулся на другой бок. Я оказалась свободна. Стараясь не дышать, я сползла с ложа, с удовольствием отмечая, что моя-то одежда на мне и даже опояска с рубахи никуда не подевалась. Ну хоть в чем-то радость. На цыпочках приблизилась к двери, споткнувшись о прикорнувшего на коврике Михая, чуть не вскрикнула, но вовремя зажала рот рукой. Перевертыш встрепенулся, резво вскочил и уставился на меня слегка мутными со сна глазами.

— Ты чего такая страшная?

— Тише... — зашептала я, ни капельки не обидевшись, — князя разбудишь. Где у вас тут...

Ёжик кот, и спросить-то неловко. Больше всего мне хотелось прямо вот здесь помереть какой-нибудь мгновенной смертью, ибо я уже ощущала предательскую жаркую волну румянца, затопившую мое лицо.

— Нужник, поди, ищешь? — догадался умный Михай. — Так здесь же, за стеночкой, я ж тебе уже вчера показывал, не помнишь, что ли?

Я только пискнула благодарственно и прошмыгнула в указанном направлении, где в смежной горенке, стыдливо припрятанное за массивными драпри, оказалось все, что мне необходимо. Сделав самые неотложные дела и поплескав в лицо водой из умывальницы, я наконец-то почувствовала себя человеком. Зеркало, украшавшее одну из глухих стен, щедро поделилось со мной зрелищем огромных подглазных синяков, растрескавшихся с похмелья губ и всклокоченных волос. Нет, так дело не пойдет! Поискав на полочке, я нашла увесистый гребень и решительно расплела косу. Костяные зубцы нещадно выдирали волосы, но мне эта экзекуция представлялась справедливым наказанием за вчерашнее легкомыслие. В шахи она играть вздумала! Дура деревенская! И с кем? У-у-у! Даже если совсем плешивой останешься, все тебе, дуре, мало будет! Песен-то хоть грустных лиходею не пела? А то с тебя станется! Особо резко поведя рукой, я выдрала совсем уж нереальный клочок волос и разревелась от боли.

— Эй, ты чего там стонешь, птица-синица? — донесся до меня голос князя. — Иди сюда!

Я возвращалась в горницу, как на казнь. Валашский господарь имел вид помятый, но донельзя довольный, ну чисто соседский кот Васька наутро после знатной драки и не менее знатного свидания. Михая не видать, скорее всего, понесся выполнять какое-нибудь хозяйское поручение. Оглядев мой помятый вид и зажатый в руке гребень, Влад

вдруг сказал:

— Давай помогу.

Отобрал злосчастный гребешок, усадил на скамеечку и стал распутывать колтуны, образовавшиеся со вчера на моей буйной головушке. Да так у него это ловко получалось, что сразу захотелось замурчать от удовольствия и потереться головой о княжки колени. Колени-то, кстати, были в портках.

— Кто вчера выиграл?

За спиной хмыкнули:

— Боевая ничья! Горазда ты, птица-синица, в шахматы играть. У тебя такой удачный миттельшпиль был... Если б не хмель, точно оставила бы меня без штанов.

А-а-а! Я и про свои коварные планы ему успела растрепать!

— А чего тогда я морок скинула?

Длинные сильные пальцы стали осторожно массировать мне затылок.

— Я тебя на «слабо» взял. Ты хотела доказать что даже в обычном девичьем облике ни капельки не боишься гнусных домогательств поганого злодея и его блохастого приспешника.

Если раньше я думала, что сильней смущаться — выше человеческих возможностей, то теперь-то поняла — вот она пучина раскаяния, черна и глубока. Аж в глазах потемнело от сраму. Я вскочила на ноги и грозно уставилась на князя:

— И чего — домогались?

— Не до того было, — хохотнул злыдень. — Можешь не волноваться, честь твоя девичья при тебе осталась.

И, заметив мои удивленно вздернутые брови, счел нужным добавить:

— Ты о ней тоже очень красочно нам с Михаем поведала — раз десять, видно, сомневалась, что с первого раза уразумеем.

Валахии очень в этот момент повезло, что в горницу вошел вышеупомянутый вовкудлак, а то осталось бы бедное княжество без своего повелителя.

Перевертыш, видно, успел сгонять на кухню, потому как на подносе, который он ловко установил на шаховом столике, исходили паром две кружки травного отвара, манили хрустящей на вид корочкой ноздреватые ломти белого хлеба и пускал скупую слезу козий сыр, робко прикрытый кустиками свежей зелени. Интересно было бы глянуть, на каком таком грунте прямо посреди зимы можно эти травки душистые взрастить? Я слотнула слюну. Влад щедрым жестом пригласил меня разделить трапезу. И хотя в животе приветственно заурчало, я не решалась последовать приглашению. Кто он, а кто я? Это вчера в пьяном угаре мне казалось правильным и логичным провести вечер в компании властителя целого княжества, хамить ему как бы промежду прочим, в грехах страшных обвинять. А сейчас-то светлый день на дворе... Ну хорошо, утро, которое, как говорится, вечера мудренее...

— Чего дичишься? — будто прочел мои мысли господарь. — Разве тебе есть, что терять?

А ведь он прав... Эх, пропадать, так с музыкой! Я присела к столу и со счастливым вздохом вгрызлась в горбушку. Помирать сразу расхотелось.

Михай топтался на пороге, выжидая поглядывая на своего господина. Влад, безразлично принявшись, отхлебнул из кружки и отпустил оборотня кивком головы. Тот без слов удалился. Я вела себя пристойно, старалась не чавкать и не пыхтеть, прихлебывая обжигающий отвар. Не в том я положении, чтоб первой разговор заводить. Убивать меня, скорее всего, поворемнят, а там, глядишь — и вывернусь...

— Ну что, птичка моя, разговор нам с тобой предстоит долгий, — свысока начал князь. —

Для начала я должен исполнить братчикову просьбу. Михай тебя замуж зовет. Пойдешь?

У меня дыханье сперло от удивления.

— Перевертыш тебе родня?

Видно, мое любопытство удовольствия Владу не доставило. Но, к чести сказать, ответить он попытался просто и спокойно:

— Михай — мой молочный брат, друг и соратник.

— Погоди, — перебила я. — Как он может быть твоим молочным братом, если он пацан совсем — мне ровесник? Ему ж годков семнадцать-восемнадцать, а ты — мужик взрослый, четвертый десяток небось разменял.

Князь нахмурился:

— Мы с ним в один день родились. Просто у оборотней возрастные изменения в организме по-другому происходят, гораздо медленнее, чем у людей. А четвертый десяток мы с ним разменяем через два года, не раньше.

Ага, значит, князю сейчас двадцать восемь. Стоило из-за столь ценной информации огород городить! Ну кто, спрашивается, меня за язык тянул? Тем более что про оборотней я читала, и бабушка рассказывала. Мне просто надо было подумать минутку, прежде чем с умными вопросами вступать. А то вон разозлился князюшка, глаза молнии мечут, ноздри раздуваются...

— Так пойдешь? — стукнул Влад кулаком по столу.

Столешница зазмеилась трещинами. Я испуганно ойкнула:

— Чего?

— Замуж за него пойдешь?

Я задумалась. Представила рядом с собой смешливого малорослика. Как он холит меня, лелеет, как ведем мы с ним хозяйство рука об руку, поддерживаем друг друга во всем. Детишек наших будущих представила, да так ясно, будто стоят они тут в горнице рядом со мной — два мальчика и девочка, смотрят на меня блестящими карими глазенками, скалят острые зубки да хвостами половицы подметают — потому что рады, что я здесь, с ними...

Князь явно терял терпение от моей задумчивости, поэтому я как могла решительно пискнула:

— Нет.

Мне показалось или в синих глазах господаря промелькнуло облегчение?

— А можно поинтересоваться почему?

— Да сам посуди, — здраво пояснила я. — Брат твой — человек служивый. Ну привезет меня к себе, а сам — в боевой поход, басурман бить. Оно мне надо — куковать в чужом краю, среди незнакомых людей?

— И какой же тебе муж нужен?

— Да чтоб ровней меня считал, а не кухаркой, прачкой и наседкой для его детей! — выпалила я на одном дыхании, ибо нежданное сватовство успело мне порядком надоесть.

— Значит, сама воевать хочешь? — усмехнулся Влад.

— Не хочу, но если понадобится — буду! И никто мне не указ, — почти орала я. — Потому что если любовь, то ничего не страшно. Потому что за любимым — и в огонь, и в воду, и на вашу дурацкую мужицкую войну!

— Тихо-тихо, остынь, — выставил перед собой руки в примирительном жесте романин. —

Так бы сразу и сказала, что не люб он тебе.

— Ну, так сейчас говорю, — потухла я и отщипнула хлебушка, чтоб успокоиться.

— Значит, первый вопрос мы обсудили, — повеселел господарь. — Теперь переходим ко второму. Сколько мне будет стоить твоя ведовская служба в одном местном предприятии?

Вот огорошил так огорошил. Сначала жениха предложил, теперь денег. Интересно, а третий вопрос у нас такой же непростой будет? Может, попросить весь список огласить, пока меня нежданчик не прихватил?

— То от многих вещей зависит, — осторожно ответила я. — Ты мне сперва обскажи, чего надобно, тогда и решим.

— Михай, заходи, — вдруг заорал князь. — Я же слышу, как ты под дверью отираешься.

Створки жалобно скрипнули, когда на пороге появился грустный малорослик.

— Подслушивал? — строго спросил Влад.

Михай только еще ниже опустил голову.

— Вот и славно, — хищно ухмыльнулся господарь. — Значит, ты уже знаешь, что девица в сватовстве тебе отказала. Что имеет и свою хорошую сторону — мне не придется требовать с тебя право первой ночи, на котором я обязательно настоял бы, а тебе мучиться от ревности, пока твоя невеста отбывает со мной повинность.

Меня снова захлестнула волна жаркого румянца. Охальник! Первая ночь ему! Да угольков ему в штаны, лиходею!

— Я б подать внес, — бормотнул перевертыш и тоже покраснел.

— А я б деньгами не взял, — веселился злыдень. — Еще и приплатил бы за такую прелестницу.

— Если вы оба не прекратите, — не выдержала я, — тебе, князь, другую ведьму для своих дел искать придется.

— Да я тебе еще кражу моего знака фамильного не простил, — свысока бросил Влад.

— А это будет одно из условий соглашения, — не испугалась я. — Если договоримся — помилуешь и карманника моего тоже преследовать не будешь.

Эк я вовремя про Глеба вспомнила! Романин даже опешил от моей наглости.

— Все еще спасаешь сирых и убогих, синица? — грустно спросил он. — Плечи-то не устали весь мир на себе держать?

Что на такое отвечать, я просто не знала, поэтому решила вернуть разговор в деловое русло:

— По рукам?

И когда мои пальцы ощутили гладкую прохладу княжьей ладони, я поняла, что обратной дороги у меня нет, что фигуры уже расставлены и первый ход вовсе не за мной. Такой вот закон жизни.

ГЛАВА 8

О том, что «все лгут» и ничего не бывает таким, как кажется

Спереди — море, позади — горе, справа — мох, слева — «ох».

На постоялом дворе ничего не изменилось. Как оставила я наших лихих разбойничков трапезничать за тесаным столом в углу общей горницы, так и сидели они, о чем-то негромко переговариваясь, будто и не отлучались никуда. Народу по случаю обеденного времени было преизрядно, так что крутобокие подавальщицы просто сбивались с ног в попытках всех обслужить. Михай вошел первым, поводя головой из стороны в сторону, приюхиваясь да приглядываясь. Все правильно, его ко мне в охранение приставили, вот и исполнял он службу в меру своего разумения и возможностей. Трактирщик, хлопчущий за стойкой, глядел на валаха без интереса. Дружинник, сменив военное облачение на крестьянский кожух, стал выглядеть настолько неприметно и безопасно, что сердце радовалось. Я решительным шагом подошла к своим, мимоходом кивнув Антипу. Тот ответил удивленным взглядом. Ёжкин кот, да он же меня не признал! Про свой морок-то я и запамятовала. Но теперь-то уже поздно — пусть что хочет думает. Я устроилась рядом с Иваном, гостеприимно махнула перевертышу, чтоб присоединился, и отобрала у Колобка ряженку. Прихлебывать кислячок из блюдца было не очень сподручно, зато желудок мой этому подношению явно обрадовался.

— Слышь, атаман, а попроси-ка свояка рассолу мне организовать, — начала я непринужденную беседу. — Дюже организм требует.

— Ну чего ж не помочь, коли трубы горят, — согласился Колоб. — Метнись, Ванечка, до Антипа, пусть подсуетится.

Дурачок послушно поплелся к стойке. Мой охранник стоял соляным столбом и пялился на бывшего атамана, аж рот раскрыл в удивлении. Его запястья, выглядывающие из рукавов, были покрыты длинной серой шерстью, ладони съежились. Вовкудлак находился на грани боевой трансформации. Эх его разобрало!

— Михай, сядь, не позорься, — дернула я за полу перевертыша. — Это мой друг. И такие вот люди у нас в Рутении обитают.

Человеком-то нашего Колобка можно только с большой натяжкой назвать, но чего для пользы дела не ляпнешь... Дружинник не унимался. До моего слуха донеслось сдавленное рычание. Что ж делать, люди добрые? «Фу, место!» — кричать? Обидится еще. Не настолько близко мы заприятелиствовали.

— Ох, не ешь меня, Волчик-братик, — вдруг вступил Колобок дребезжащим голосом, — лучше песенку мою послушай...

Михай мигнул раз, другой, расслабленно присел на лавку, внимая Колобковой песне. Ни рифмы, ни мелодии я в этих стенаниях не уловила, но, видно, чудной верлибр зацепил что-то в душе романина, надавил на какие-то тайные места, задел какие-то струны. Через несколько минут перевертыш довольно таращился в пространство пустыми глазами и улыбался, по подбородку стекала блестящая дорожка слюны.

— Да ты, дядюшка, златоуст! — восхищенно выдохнула я. — Не врут сказки.

— А то, — оскалился Колоб. — Думаешь, легко мне было бы в большом и страшном мире без эдакого умения? То-то же...

— И надолго ты его колдонул?

— Да хоть до морковкина заговенья, — начал кругляш восторженно, но, увидев Ванечку, нагруженного подносом со снедью, слегка стусеивался. — Аккурат поговорить успеем без лишних ушей.

Я согласно кивнула. Иван поставил передо мной жбан с пенным квасом, к которому я моментально присосалась, даже не размениваясь на такую мелочь, как кружка. Уф! Жить, как говорится, хорошо!

— Зигфрид где? — спросила я, утолив первую жажду.

— Со вчера по городу скачет, тебя разыскивает. Убежал с пацаном твоим посыльным, только пятки сверкали. А нам с Ванечкой велел на месте вестей дожидаться.

— Орел, — хмыкнула я, выбирая пирожок порумянее. И куда в меня столько лезет? Не иначе — нервное.

— А тут люди поговаривают, Лутонюшка, — вкрадчиво начал атаман, — что валашский Дракон какою-то ведьму на кол посадил.

— И чего только народ не придумает... Брешут ведь, наверное, — выдавила я жалкую улыбку.

— Вот и я не поверил, пока Лутонюшка с вовкудлаком к нам не пожаловала...

Я и не подумала впопыхах, как буду объяснять друзьям свои давние знакомства с сильными мира сего, поэтому молчала, собираясь с духом.

— А еще говорят, — решил поделиться информацией добрый Ванечка, — что у того князя цельный терем баб для утех имеется...

Если б у Колобка были руки, Иван огреб бы такую затрещину от родственника, что искры б из глаз посыпались. Я чуть с лавки не упала. Ну и не хватит ли мне на сегодня срамных разговоров?

— Значит, так, — уперлась я кулаками в столешницу. — Кто с кем тешится, мне неведомо, и кого там на кол сажали — тоже...

Договорить мне не дали. В зал ворвался Зигфрид, за которым след в след с повадками преданной дворовой собачонки семенил Глеб. Ну да, не прошло и седмицы, как студент меня отыскал. Вот когда он нужен, то не дозовешься. А как с мысли сбить, так всегда пожалуйста.

— Ты чего это творишь? — налетел от двери как коршун, даже не поздоровался. — Тебе жить надоело?

— Глаза разуй! Трапезничаем мы тут с соратниками. — Я широко повела рукой.

Барон перехватил меня за плечи и встряхнул. В следующее мгновение на Зигфрида бросился Михай. Когда валах скинул сонную одурь, никто и заметить не успел. Только мутузил он теперь студента знатно. Не помогало даже и то, что барон был чуть не вдвое выше супротивника и, наверное, раза в полтора тяжелее. Я ринулась разнимать драку. Мне ж всегда больше всех надо! Хорошо еще, Михай перекинуться не успел, а студент не сотворил пару-тройку огненных шаров. Ах, я совсем забыла, он же без очков ничего не может сделать. Разве что стихию призовет. Только тогда всем карачун настанет — видала я, каково оно, когда с четырех сторон наступает стена огня... Над ухом истошно, по-бабьи визжал Глеб, Ванечка бубнил что-то успокаивающее, Колобок завел свою страшную песнь... И тут разверзлись хляби небесные. Излившийся сверху поток воды моментально успокоил драчунов. Антип возвышался надо мной, помахая пустым ведром. Я сидела в луже. Студент и перевертыш, тоже мокрые до нитки, ринулись меня поднимать.

— Спокойно, рубаки! — Я резво вскочила на ноги, представив, что сейчас драка начнется по новой. — Зигфрид — Михай, Михай — Зигфрид, вот и познакомились... Барон, у меня к вам конфиденциальный разговор имеется... Пошли, на минутку уединимся... Михай, мне ничего не угрожает, я среди друзей... Ванечка, помоги гостю... Дядюшка, покорми Глеба... Антип, принесите ребятам чего-нибудь вкусенького...

Если учесть, что все это я выпалила на одном дыхании, при этом еще выталкивая студента из общего зала чуть не пинками, последовавшая за этим немая сцена была вовсе не удивительна. Как и возбужденный гомон зрителей, догнавший нас на пороге.

— Комната твоя где? — спросила я Зигфрида, отжимая косу прямо на дощатый пол. — Дашь во что-нибудь сухое переодеться?

Насупленный барон молча повел меня по коридору. Гостевая горница была обставлена со столичным шиком. Широкая лежанка, столик для умывания, разрисованная павлинами ширма и даже огромное, в полный рост, зеркало на деревянных ножках. Моя котомка, сиротливо подпиравшая стену, вызвала во мне бурю чувств. Я ухватила ее и убежала за перегородку — приводить себя в порядок.

— Лутона, во что ты ввязалась? — устало спросил Зигфрид.

Мокрая одежда с противным чавканьем оказалась на полу. Я довольно заурчала, вытираясь чистым полотенчиком.

— Представляешь, я тебя о том же хотела спросить... — ответила я, натягивая сухую рубаху, портки и босиком выходя из-за ширмы.

— Я должен об этом знать, — осторожно сказал барон.

И тут я сорвалась. Я почувствовала себя спиной верблюда, которую переломило лебяжье перышко; чашей терпения, заполненной до самого венчика, и еще кучей всяких аллегорических предметов, долженствовавших поведать о том, что всякой выдержке бывает предел.

— Ты мне врал! — закричала я. — Здесь уже давно нет элорийского посольства! И, сдается мне, во всей Рутении нет ни одного портала, ведущего на ваш расчудесный колдовской остров. Как ты появился у нас? Зачем притащил меня в столицу? И кто ты, дракон тебя побори, такой?

От моего крика задрожали оконные стекла.

— А что, личная демонесса фройляйн Ягг не смогла удовлетворить ее любопытства?

— Если не ответишь на мои вопросы, можешь повесить свои големские заклинания на гвоздик в нужнике!

Тут я попала по больному месту.

— Так, значит, старая карга меня обманула?

— А с чего она должна была тебе доверять?

— Они же рабочие, — как в бреду бормотал студент. — Я же видел муравьеда... И пергамент похож на настоящий... Еще какой-то символ?

— И не один, — хмыкнула я.

— И конечно, нигде не записаны?

— Здесь, — постучала я пальцем по лбу.

— Старушка заранее продумала, чем меня можно удержать.

— Она хотела быть уверена, что я не останусь с проломленным черепом в какой-нибудь канаве.

— Хорошего же ты обо мне мнения! — начал заводиться студент. — Неужели я похож на убийцу?

— Ты от ответа-то не уходи! — наступала я. — Давай по порядку — как вас там в университетах обучают.

— Ну хорошо, — поднял руки Зигфрид в шутливом жесте. — Сдаюсь на милость победителя!

Я никогда не посещала разбойный приказ, но что-то мне подсказывало, что допросы ведутся именно так. Заложив руки за спину, я нависла над сидящим студентом.

— Рассказывай.

— Лутоня, я тебе не врал. Может, слегка недоговаривал... Магия огня действительно моя стихия, а университет — второй дом.

А то я сомневалась! Иравари демоница, может, и легкомысленная, но работу свою всегда исполняет справно.

— Ближе к делу, — направила я разговор в интересующее меня русло. — Посольство разрушено. Ты знал об этом?

— Да, — склонил студент повинную голову. — Элория давно свернула все пространственные перемещения из внешнего мира.

— Почему?

— Мы воюем, Лутоня. Кордоба в осаде, под ее стенами войска Султаната. Годы процветания остались позади, Элорию ослабили кровопролитные сражения.

— Для того глиняные болваны и понадобились? На стенах стоять?

— Это единственный выход — людей катастрофически не хватает. Силы стихийников на исходе, а Урхан перебрасывает все новые и новые войска.

— А чего, на востоке посильнее вас маги обитают? — невесело усмехнулась я.

— Нет. — Студент был уязвлен. — Просто их правитель вступил в альянс с Трехликим. Ты же сама знаешь, как легко наводят вещуны пространственные порталы...

— Ну и чего тогда было в Стольный град идти? — недоумевала я. — У тебя же наверняка на случай возвращения хитрый путь имелся.

— Только для меня... — почти прошептал Зигфрид. — Портал последней надежды.

Слышала я про такие штуки. Это получается, что студент привязан к своему университету чем-то наподобие магической пуповины. Если что с ним случится — прибьет кто чуть не до смерти или закончит барон свое задание, за ту ниточку его домой и притянет. Хорошая волшба, полезная. Жаль только, что я на чужом горбу переместиться не смогу. А теперь-то и он со мной тут застрял, пока я недостающие буквы в заклинании големском не дорисую...

А вот ведь недобрая я девка! Ну что мне стоит ему пару закорючек дописать да и отпустить с миром? Но вспомнились бабулины глаза разноцветные и строгий шепот: «Никому не верь, а тем, кто ближе всех окажется, и подавно!» Аж мурашки по спине побежали.

Видно, моя внутренняя борьба легко читалась, потому что Зигфрид похлопал ладонью рядом с собой и примирительно промолвил:

— Ну чего мы с тобой как неродные? Присаживайся, у меня идея есть.

Я послушно примостилась, стараясь не касаться мокрого студента боком, а он продолжил:

— Я хочу активировать посольский портал.

— А сможешь? — с подколкой спросила я. — Говорят, на то сильная волшба требуется.

— Теоретически — да, — потер студент переносье. — Я собрал почти все ингредиенты. Одного, самого важного не хватает.

— Что за вещество?

Зигфрид минутку помолчал, видно для пущего эффекта, и выдал:

— Рог единорога.

И тут я засмеялась. Дробные, будто горошинки, смешинки посыпались из меня, как зерно из дырявого мешка. Приключилась со мной болезнь, которую греческие мудрецы

называют истерикой. У меня аж слезы брызнули из глаз. Главное, ни словечка связного вымолвить не могу, а только гогочу на манер гусыни. Единорог! Ну надо же! И этому индру-зверя — вынь да положь! Ой, умора!

Щеку обожгло огнем, голова метнулась в сторону от увесистой пощечины. Морозные серые глаза смотрели удивленно и сочувственно.

— Ну теперь за малым дело стало, — выдохнула я, потирая пострадавшее лицо, — найти двурогого единорога да наломать.

И я рассказала Зигфриду про договор, заключенный с валашским князем, про то, что подрядилась я доставить ему вырост индры-зверя. Даже и ходить далеко не придется — тут она, пуца Заповедная, буквально в двух шагах. Славислав-то наш гордится соседством. Холит, лелеет слухи о том, что аккурат под Стольным градом звери волшебные обитают.

Вот если есть на свете идеальный слушатель, так это точно барон. Такой внимательный — всегда в лицо смотрит, дурацких вопросов не задает. А чтоб дальше беседу направить, если затормозит рассказчик на тропинке своей памяти, куда-нибудь не в ту сторону завернет, студент повторяет последнюю фразу с вопросительной интонацией.

— Ослабла вся? Коленки подкосились?

Я хохотнула уже по-доброму, без истерики:

— Тебя что больше волнует: как нам искомое добыть или что я почувствовала, когда о задании узнала?

— Все, — пожал плечами Зигфрид. — Про тебя все интересно. А не тот ли это Дракон, который из твоей бабули в незапамятные времена ведьмину клятву вырвал?

Я покраснела:

— Может, и тот, только ему это знать необязательно. Пусть вон на Красаве женится, а как час отдачи придет — меня и не будет в княжестве. До осени времени в избытке.

— А что ж ты, разумница, князя не упросила за услугу портал себе навести? Помнится, он в университете лучшим мастером перемещений был.

Я открыла рот. Ёжкин кот, а что, можно было? А-а-а! Продешевила, как есть. Хотя когда я огласила сумму, положенную мне за работу, студент сам ошалел.

— Да на это можно небольшую деревеньку в Швабии прикупить! Торговалась?

— А то! — гордо вздернула я подбородок. — Тут же все сошлось в лучшем виде — природная ведьма, да с подходящими личными качествами. Можно было и поболее запросить, дал бы и не поморщился, да мне совесть не позволила.

— А можно про «личные качества» поподробнее?

— Ну так всем известно, что единороги только с невинными девами...

А вот самой интересно, что чудо-лошадки с теми девами делают? Разговоры разговаривают? Рога свои витые раздают? В шахи играют? Да ладно, на месте разберемся. Я ж и по беседам, и по играм — самая что ни на есть мастерица...

— Короче, совпало все, — буркнула я, сворачивая со скользкой темы.

— Ты поинтересовалась у своего работодателя, зачем ему такой сильный предмет понадобился?

— Нет, даже в голову не пришло.

— Все-таки любопытно было бы узнать...

— Как был ты, Кляйнерманн, занудой, так и остался. Раз тебе так любопытно, сам у меня спроси. — Из зеркальной рамы на дощатый пол гостевой горницы ступил предмет

нашего разговора.

Господарь успел переодеться и привести в порядок свои смоляные кудри. Черный камзол плотно облегал широкие плечи, сапоги блестели, а на груди раскинул крылья гербовый дракон, подвешенный на витую серебряную цепочку. Осиротела, стало быть, моя фляжка без дивного украшения. Надо бы свое имущество вернуть. Ну ничего, Михая попрошу, чтоб поискал. А ведь недаром бабуля с детства не велела мне в зеркала пялиться. Знала старушка про хитрые княжьи умения.

— Как ты сюда вошел? — Зигфрид вскочил на ноги, и сразу стало заметно, что Влад гораздо ниже ростом.

Но удивительное дело, по сравнению с бароном романский князь все равно выглядел как дикий лебедь против домашнего гуся. Что-то такое властное было в его осанке, в повороте головы, в уверенных жестах.

— И тебе привет, Зиг. Решил наконец-то вольной жизни хлебнуть или из университета выперли?

— И ничего не выперли, — обиделась я. — Он практику у нас проходит, фольклорную.

Оба парня уставились в мою сторону. Причем, если Влад смотрел на меня как на безнадежно больную, взгляд Зигфрида был полон раскаяния.

— Лутоня, я не успел тебе объяснить, — пролепетал барон с видом нашкодившего мальчишки.

— Практику? — изогнул бровь валах. — А господин Кляйнерманн не сообщил тебе, что давно окончил учебу и сам преподает на факультете огня?

У меня в мыслях все настолько запуталось, что просто хотелось взвыть от бессилия. Так бывает, когда привычный уклад вещей вдруг встает с ног на голову. Только Зигфрид — друг. В том я уверена. Не один пуд соли вместе съели. А Иравари от меня на орехи получит! Списки студентов она смотрела! За какой годок-то?

— Вот и славно, — нашлась я. — Значит, будет у меня протекция в университете.

Влад сделал пару шагов в мою сторону. Я, и не думая встать с насиженного местечка, твердо выдержала его взгляд. Главное, пришел незванный, еще и наговаривает...

— Мальчик-с-пальчик нашел неиницированную стихийницу... Кто тут у нас? — Лиходей повел носом, будто осторожно нюхал хрупкий цветок. — Мм... И как я раньше этого не заметил? Такая редкость в наших краях. А будущая владычица ветра предупредила своего дружка, что должна для меня работу исполнить?

Огневик стоял посреди горницы наподобие огородного пугала, то есть безмолвно и с дурацким выражением лица.

— А то как же, — ответила я сварливо. — У нас друг от друга секретов нет. Правда, Зигги?

Прозвище, которым моя демоница наградила барона, пришлось как нельзя кстати. Надо будет ее лишней порцией сидра порадовать. Вот сразу как за неверные сведения поругаю, так и поднесу чарочку.

Барон буркнул что-то невразумительное, его щеки налились нездоровым свекольным румянцем. Казалось, еще чуть-чуть и из ушей моего приятеля повалит пар.

Венценосный клязник зло блестел глазами, но куражиться не прекращал:

— Ну, раз в вашей паре такое согласие, не смею дальше мешать...

— А приходил-то чего? — решила я разузнать напоследок.

— Ах, чуть не забыл. — И Влад достал из-за отворота рукава ярко-синюю ленточку. — Под подушкой у себя нашел...

Я перекинула косу на плечо и стала вплетать пропаяжу на ее законное место. С мерзкой ухмылкой злыдень двинулся к зеркалу.

— Да, и скажи Михаю, чтоб к вечеру в терем тебя сопровождал — надо к приему подготовиться. Ты же теперь в моей свите — так что одеться придется поприличнее.

Я от его наглости только ахнуть и успела. Хотелось крикнуть в черную спину князя что-нибудь ругательное. Да только обиду проглотить пришлось. В своем он праве. Как говорится, кто платит, тот и музыку заказывает.

Зигфрид отмер, только когда за Владом схлопнулась воронка портала, и сразу налетел на меня с упреками.

— Ты была у него в спальне! — возопил шваб.

— Ты б вообще помолчал. — Я резво вскочила и уперла руки в бока. — Сам не студент ни разу, а голову мне сколько морочил!

Мы обожгли друг друга гневными взорами, одновременно вдохнули для следующей тирады и... рассмеялись.

— Мы так быстро сдружились, что просто неудобно было признаваться. Это же огромная дистанция — преподаватель и студентка, ты даже представить себе пока этого не можешь...

— А я как поняла, что элорийское посольство заброшено давно, вообще чуть последнего ума не лишилась. Напилась просто в стельку, даже вспомнить стыдно...

— Лутона, девочка, я же не смогу тебя бросить. Ты пойми, и бабушка твоя грозная, и даже големы тут совершенно ни при чем. Просто я в ответе за тебя.

— Ой, да перестань ты кручиниться. Добудем мы этот недостающий ингредиент. Подумаешь, лошадь волшебная! Да я этих лошадей навидалась, как опятко осенью — не перечеть.

Вот так, торопясь и перебивая друг друга, мы с Зигфридом тархтели каждый о своем, почти не вслушиваясь в слова собеседника. Будто прошла стороной страшная беда, и сразу стало легко и просто и поверилось, что еще чуть-чуть, и все будет хорошо. И только одна мыслишка не давала мне покоя, будто застряла в глазу соринка мелкая — и вроде не больно, но чувствуется. Влад-то мне вовсе не мою ленточку вернул. Эта атласная, вон как на свету отблескивает, а моя суконная была. Только цвет и совпадает — глубокий такой, синий, как глаза у одного охальника, про которого я и думать не думаю.

В дверь настойчиво поскреблись.

— Не заперто, — вскакивая с лежанки, прокричала я.

Зигфрид отправился за ширму, тоже переодеваться, а в горницу проскользнул бывший карманник. Глаза его пытливо зыркали по сторонам, подмечая и смятую постель, и мою раскиданную по полу одежду. Ёжкин кот, представляю, какие мыслишки в голове парня сия картина вызывает.

— Чего надо? — без обиняков спросила я.

— Ребята меня послали, — солидно подбоченился Глеб. — Колоб велел спросить: до смерти твоего охранника ухайдокать или сама хочешь поучаствовать?

Это что ж такое делается, люди добрые? Ни на минуту оглоедов оставить нельзя. Я-то думала, они свои разбойничьи замашки в лесу оставили. Ан нет! Златоусты драконьи! Вот я им сейчас...

Я ворвалась в общую горницу, просто искрясь от праведного гнева. На мгновение застыла на пороге, оглядывая место будущей сечи, и... сдулась, как парус без ветра. В трапезной царила тишь да благодать. Ванечка помогал Михаю просушить портки, держа их над открытым огнем у печи. Малорослик, ниже пояса укутанный в не пострадавший

от воды зипун, вальяжно расселся на лавке и вел неспешную беседу с Колобком, прихлебывая квас из берестяной кружки. В общем, зря я вовкудлаку на подмогу неслась, даже обуться не успела.

— Чего это у тебя сапоги в руках? — Первым заметил меня атаман.

— Ноги устали, — пробурчала я, устраиваясь за столом и натягивая наконец-то обувь.

— Михай тут нам занятные вещи рассказывает. Говорит, ты на его господина работать подрядилась.

— Так я и не гаюсь, — выбрала я и себе кружку поувесистей. — Ты только затем, чтоб в том удостовериться, Глеба за мной посылал?

— Пацана твоего шального? Да я и не говорил с ним вовсе. Он юркнул куда-то, только ты с бароном ушла.

— Странно... Он так уверенно заявил, что от тебя с вопросами...

— Какого пацана? — встрял Михай.

— Ну, воришку, — махнула я рукой. — Помнишь? Я же за ним бежала, когда ты на меня налетел. Он теперь ко мне прибился.

Валах фыркнул и наградил меня снисходительным взглядом:

— Помнить-то я помню. Забудешь твоё явление, как же! Только баба это.

— Врешь! — ахнула я. — С чего так решил?

Михай постучал себя пальцем по носу.

— У нее как раз такой день... Короче, не перепутаешь...

Заинтересованный Иван попытался что-то уточнить у присутствующих, но я уже вскочила на ноги.

— Зигфрид! Он ей зачем-то понадобился. Ради этого весь маскарад и устроен!

— Вместе пойдем, — быстро сориентировался атаман. — Ванечка, хватай дядюшку.

Дурачок послушно протянул руки. Михай собрался в мгновение ока, кое-как натянул штаны и даже умудрился первым оказаться на месте. Из-за его спины я увидела то, чего видеть вовсе не хотелось — разгромленную горницу и бездыханного огневика, усыпанного зеркальными осколками.

ГЛАВА 9

О потерях, новых неприятностях и парикмахерском искусстве

Сбил, сколотил — вот колесо; сел да поехал — ах, хорошо! Оглянулся назад, одни спицы лежат.

Я почти совсем не помню своего детства. И родители в памяти остались лишь силуэтами, кругами на воде, пеплом кострища, прерывистым паучьим следом... Будто и не было их вовсе, а родилась я сразу же в кособокой бабулиной избушке на окраине густого хвойного леса. Вот как мы через все княжество с Ягой путешествовали от самой романской границы, как прятались и убегали от каких-то лихих людишек — помню очень даже неплохо. И как первый раз увидела чистенькую деревеньку в излучине Смородины и услышала уютное название — Мохнатовка... Вот и сейчас, стоит только зажмуриться и попытаться не слушать высокий пронзительный звук, рвущий барабанные перепонки...

— Прекрати орать, — четко сказал Зигфрид, распахивая свои морозные глаза, белки которых теперь прочерчивала красная паутинка лопнувших сосудов.

Сразу стало очень тихо. Ёжкин кот! Да ведь это из моего рта все время какофония изливалась!

— Ты жив! — выдохнула я счастливо, склоняясь еще ниже над поверженным другом.

— Это ненадолго, — горько усмехнулся тот, из уголка рта стала стекать струйка темной, почти коричневой крови. — Тебе теперь грозит опасность. Она очень разозлилась, что заклинания неполные.

— Еще кому-то глиняные болваны понадобились, — начала понемногу прозревать я. — Ты ей все рассказал?

— Прости, дорогая, но ее методы допроса оказались гораздо эффективнее твоих.

Я еще раз оглядела развороченную грудную клетку барона, прогнав прочь подленькую мыслишку, что при другом раскладе он бы уж точно от меня схлопотал, и всхлипнула.

— Не реви, — скривился от боли шваб. — Лутоня, тебе нужно быть сильной. Я при первой же возможности вернусь за тобой. Ты веришь мне?

Я только кивнула, чтоб не завывать белугой.

В воздухе сгущался белесый туман, яркие голубоватые искры с треском пробегали по запрокинутому лицу Зигфрида. Портал последней надежды начинал свою работу.

— Ты будешь осторожна? — не отставал огневик.

— Кого хоть беречься? — попыталась я придать голосу твердость. — Что за баба с тобой такое сотворила?

И он ответил, тихо, едва слышно, да такое сказанул, что у меня рот сам собой раскрылся в удивлении:

— Я и слов таких не знаю!

Зигфрид продолжал что-то втолковывать, но до меня не доносилось ни звука. Искорки портала будто снежным вихрем укутывали моего друга, он отмахивался, отводил их назойливый ворох, но они налетали вновь... И вот уже рука барона безжизненно опускается на дощатый пол и тут же скрывается за мерцающим сугробом волшебных отблесков. Через минуту все было кончено. Истаявший портал оставил после себя только легкий запах лаванды и неопрятную кучу Зигфридовой одежды.

Захотелось схватить окровавленную рубаху, зарыться в нее лицом и встать наравесть. Не желаю быть сильной! Хочу лить слезы, ругаться последними словами и расколотить что-нибудь бьющееся! Бестолочь, кулёма, неумеха! Да как я могла до такого допустить? Не охранить своего соратника, беду от него не отвести? Как я, которой любые мороки просто на один зуб, не заметила подвоха в истрепанном столичном карманнике? Почему,

прежде чем про дело с бароном разговаривать, не проверила, нет ли за дверью горницы лишних ушей? Ведь понятно, что стервятница до последнего не знала, у кого из нас пергаменты доковы схоронены. А если Зигфрид умрет? Что я делать буду? К драконам возможность оказаться в желанном университете, к драконьей матери всю мою ученую будущность! Как жить-то дальше, если Зигфрид умрет из-за меня? Я обхватила себя руками и, покачиваясь, будто в молитвенном самозабвении, тихонечко жалобно заскулила.

— А вот интересно, в Элорию все попадают в чем мать родила? Тогда ж можно просто с той стороны стоять, семечки лузгать, пока бабу какую покрасивше занесет...

Любознательность Ванечки иногда ни в какие ворота не лезет. Я с рычанием поднялась с пола. Видно, лицо мое выражало стойкое нежелание беседовать об устройстве элорийских порталов. Да так явно выражало, что дурачок влип в стенку, пытаюсь одновременно спрятаться за спиной Михая. Перевертыш прикрывал нашего детинушку ровно по грудь, поэтому Ванюша еще и съезжился, пытаюсь занять как можно меньше места.

— Не губи, тетенька, я так спросил, для общего развития, — пискнул придушенно, прикрывая руками темечко.

— Ну так я тебя в общем и разовью, — оскалилась я так широко, что в висках захрустело. — А потом совью... В косицы...

На помощь племянничку пришел Колобок:

— Лутона, остынь, не со зла парень болтает.

А то я сама не знаю! Только острая боль, будто вогнали мне в сердце раскаленный добела прут, не дает вздохнуть, требует выхода, какой-то совершенно невообразимой каверзы.

— Ой, не ешь меня, дева красная, — завел дядюшка, — а лучше песенку мою послушай...

Я представила себе, как обламываю зубы о черствый бочок бывшего атамана, и хихикнула:

— Давай без юбилеев обойдемся.

Боль отпустила, голова стала ясной, мысли выстраивались в четкие цепочки. Несмотря ни на что, жизнь продолжается. У меня есть обязательства, которые надо выполнять. И еще у меня есть бабушка, которой не понравилось бы, что ее кровинушка размякла, как опара в квашне. Мы, ягги, народ стойкий, нам любое дело по плечу.

— Вот и хорошо, вот и ладненько, — с облегчением зачастил Колоб. — Ты, Лутонюшка, не кручинься. Все с нашим Зигфридом ладно будет. Подлатают его да обратно к нам закинут. Он же тебе пообещал.

— Вернется — хорошо, не вернется — сами за ним отправимся, — отбросила я с лица растрепавшиеся волосы. — Вещи-то его здесь остались, надо только в записях поискать...

Колобок зашипел будто ужак, которому на хвост наступили. Я запнулась. Нашла при ком секреты выбалтывать! Михай-то здесь. Не слепой, не глухой и умом не скорбный. А я тут, умница-разумница, языком что помелом машу!

— Собирайся, ты теперь под княжьей защитой, — проговорил мой охранник, поняв, что ничего интересного больше не услышит.

— А соратники мои как же?

— Мы тут сами помаленьку, — осмелел Иван. — Не сомневайся, тетенька, в лучшем виде дельце обделаем.

— Тоже мне, обдельщик! Читать-то хоть выучен? — Я попыталась цыкнуть зубом на разбитной бабулин манер — презрительно. Да только слюной подавилась. Тут всем учиться не помешает.

В дверном проеме появился Антип. На простом широком лице хозяина явственно читалось желание, чтоб дорогие, но очень уж докучные постояльцы никогда не появлялись на пороге его заведения. За спиной Колобкова сваяка отиралась нескладная фигура в долгополом сюртуке и смешной треугольной шапке.

— Я тут лекаря для увечного шваба привел, — кашлянул хозяин смущенно, оглядывая горницу на предмет обнаружения вышеозначенного шваба.

— Благодарствуйте, сами разберемся, — отсыпала я в хозяйскую ладонь из щедрого княжьего аванса.

— Надо бы и лепиле... Того-этого, за беспокойство, — посветлел лицом Антип.

— Надо так надо, — согласно кивнула я и прибавила пару серебряных кругляшей. — Понятно же — человек через полгорода бежал, старался, на зов откликнулся. Не его вина, что без него вопрос решили.

Треуголка согласно покачивалась в такт моим словам.

— Да нет, путь не дальний, — возразил честный Антип, — гер Вассер, лекарь княжеский, тут же у нас суп с потрошками откушивать изволил... Вот я и подсуетился маленько.

— Мофетт, фройляйн понадобится моя помосчь? — Фыркающий говорок лекаря не оставлял сомнений в том, что передо мной соотечественник Зигфрида.

— Фройляйн ни в чем не нуждается, — успокоила я больше себя, чем окружающих.

Если уж быть честной до конца, мне в этот момент было хуже некуда. Исподтишка навалилась такая усталость, что больше всего хотелось прикорнуть где-нибудь в уголке и вздремнуть эдак с седмицу... Вот видала я мужиков, которые после обильных возлияний накануне целый день могли снопы ворочать или молотом у наковальни махать. Я же хлипковата для эдаких чудес оказалась. Да только не время сейчас раскисать. Я до боли стиснула зубы и вздернула подбородок. И не такие клубки распутывала. Не дождетесь!

А вокруг набирала обороты обычная гостиничная жизнь. Прислужницы уже суетливо прибирали в горнице, выметая прутьяными вениками сор и битое стекло, мальчишка-половой перетряхивал постель, Антип увел так и не пригодившегося лекаря в общий зал — дальше трапезничать.

Снизу раздалось осторожное шипение. Это Колобок пытался привлечь мое внимание, пока Михай на пару с Ванечкой, не отрываясь, глядели на плавные движения ладных девах.

— Погударим малехо? — шепотом спросил атаман.

Я подняла с пола своего соратника, чуть не крикнув от усилий. Однако кто-то творожок потребляет не в меру, да в медовых засахаренных сливах себя не ограничивает!

Найти пустую гостевую оказалось делом плевым — я просто толкнула ногой ближайшую дверь, которая оказалась незапертой, и опустила на плетёный половик атамана. Тот пошарудел по углам, пока я запиралась изнутри, и тихонько молвил:

— Чисто все... Давай рассказывай.

— Зигфрид успел передать, что наемница то была — из самых дорогих.

— Кто за ней стоит, известно?

— Пока нет, но побережься в любом случае не помешает.

— Что делать будем?

— Ты с Иваном — искать заклинание перехода, которое Зигфрид подготовил, а я за недостающим ингредиентом отправлюсь.

Я наскоро рассказала Колобку о наших с бароном планах и о том, какое задание получила от валашского господаря.

— Все одно к одному складывается, — пожевал губами атаман. — Уж очень на подвох похоже.

— Может, судьба такая, — не согласилась я. — Там разберемся. Для меня все равно другой дороги нет — я слово дала.

— Мне тоже на попятный идти не с руки, — всхлипнул Колоб. — Совсем мне поплохело в дороге, того и гляди, рассыпаться начну.

Вот когда он сырость разводиться начинает, я сразу вспоминаю, кем был лихой предводитель в прошлой жизни. Видно, с тех времен в нем плаксивость и сохранилась. Однако интересно было бы глянуть на письма, что в нем запрятаны. Там небось две-три хитрые загогулины еще поместилось, которые силу нашему златоусту придают... Ёжкин кот!

— А ведь тебе пуще меня остеречься надобно, — торопливо выпалила я. — Не только у меня в голове можно доковыми писаниями разжиться.

Он моментально понял и аж затрясся весь от неудержимого страха.

— Караул! Прятаться, бежать! Где мой Ванечка?

— Может, вместе пойдем? В князьем-то тереме побоится небось вражина на тебя нападать.

— Ага! А заклинание перехода тем временем Антиповы девки на растопку пустят?

Вот ведь положеньице — что в лоб, что по лбу!

— Ты, Лутонюшка, сама отправляйся. Сделай все как надобно, да рог индры-зверя нам тоже доставь.

— А вы тут как же?

— Если что — отобьемся, — твердо ответил Колоб. — Иван в драке семерых стоит, да и я колдану маленько, если припечет.

На том и порешили.

Михай терепеливо дождался меня в горнице Зигфрида, вполголоса переговариваясь с нашим дурачком. Девицы оставили помещение в чистоте, и только пустая зеркальная рама напоминала о недавних событиях. Я вошла сосредоточенно, будто опасаясь расплескать резкими движениями свою решимость. Судя по донесшимся фразам — «терем для утех» и «бабы красоты необычайной», Ванечка до сих пор обсуждал тему отношений между полами и прыгивать с любимого конька не собирался. Ёжкин кот, вот честное слово, женю оглоеда, чтоб на своей шкуре все испытал!

— Ну что, пошли? — востроенулся перевертыш, которому, видно, такие разговоры хуже горькой редьки наскучили.

— Да, — кивнула я, подхватывая котомку. — Поспешим.

Антип отыскал мне в своем хозяйстве шерстяные вотты, чтоб руки не мерзли, и облезлый меховой треух. Сдается мне, что при жизни шапка сия препротивно мяукала и воровала сметану. Но, как говорится, дареному коню... На дворе неожиданно завьюжило, поэтому любая теплая одежда была очень кстати.

— Может, яблочный сидр в твоих запасах имеется? — спросила я Колобкового свояка. — Ну или наливка какая... Только обязательно чтоб из яблок.

Мужик кивнул, и уже через минуту мои запасы пополнились бутылью темного стекла, заткнутой притертой пробкой.

Как возвращались мы с Михаем к князьему терему, проходили стражу, плутали по темным коридорам, запомнила я крайне смутно. Моя сосредоточенность играла со мной злые шутки — надо было столько разных вещей одновременно в голове держать, о стольком подумать, что ни на что другое сил не оставалось. Поэтому я, будто плывя по

течению, послушно следовала за своим охранником.

Знакомую дверь Михай отпер ключом, пропустил меня вперед, сам скользнул следом. Потолочная дева-птица глядела на меня удивленно. Видно, не надеялась больше свидеться. Я скинула верхнюю одежду и устроилась на изящном табурете. Доставая из сумицы свое непростое блюдо, я честно предупредила перевертыша:

— В Рутении за вызов демона положена смертная казнь.

— И чего, совсем не боишься? — сглотнул Михай.

— От тебя гаиться не получится, — объяснила я. — Дело трудоемкое — не на две минутки. Если кто неожиданно зайдет — обоим головы не сносить. Господин-то твой где?

— Государственные вопросы со Славиславом решает. Это надолго. Какая помощь от меня требуется?

— Может, за дверью покараулишь? — просительно сложила я руки. — Как закончу — кликну, а ты, если кто в горницу ломиться будет, предупредишь.

Перевертыш согласился. Я не сомневалась, что Владу обо всем будет доложено, как только господарь вернется. Только отчего-то совсем я этого не опасалась. Драконы, судя по слухам, сами вызываниями не брезговали. А уж рыбак рыбака...

Как только за Михаем закрылась дверь, я выбила притертую пробку.

Насупленная Иравари явилась на этот раз в облаке пара, поводя обнаженными плечиками, с которых скатывались прозрачные водяные бусинки.

— У меня совсем нет времени, — начала с места в карьер. — Три вопроса, три ответа, и разбежались...

— Не три, а шесть, еще с того раза должна осталась, — непреклонно нависла я над тарелицей.

— Ну хорошо, — вздохнула демоница, доставая из воздуха плотный полосатый лоскут и сооружая у себя на голове подобие тюрбана. — Договор дороже денег. Спрашивай!

— Зигфрид фон Кляйнерманн жив?

Иравари изменилась в лице. Только что по ее смуглому личику змеилась равнодушная улыбка, и вот уже обнажились клыки, изо рта раздалось рассерженное шипение, а раскосые черные глаза полыхнули красным огнем:

— Вляпался теленок? Ни на минуту оставить нельзя! Подожди, сейчас гляну.

Я приготовилась терпеливо ждать. Демоница глядела куда-то поверх меня, задумчиво шевеля губами:

— Три, четырнадцать, шестнадцать... Разрыв аорты, разрыв селезенки, обширное кровотечение... Процесс купирован...

От обилия страшных незнакомых слов у меня волосы на голове зашевелились.

— Заштопали твоего милого, — наконец соизволила успокоить меня бестия. — Через пару седмиц как новенький будет. Это ты его так отделала?

Я облегченно вздохнула:

— А это мы как раз ко второму вопросу подошли.

И я передала демонице наш прощальный с бароном разговор.

Иравари всхотнула:

— Чему только тебя Варвара учила? Это лисица хинская была. Зигги же тебе четко сказал: Хумэнь.

— Я думала, он бредит.

— Как же! Он бредил, когда его эта девка морочила. Потом в себя чуток пришел — решил тебя упредить.

Лихорадочно вспоминая все, что читала или слышала про хинских древних оборотней, я все больше убеждалась, как барону невероятно повезло, что после встречи с этой тварью он жив остался. А интересно, какие деньжищи надо предложить древней сущности, чтоб она капище свое покинула да шпионить согласилась? У них же, хинских лис, способности к морокам с возрастом проявляются. Судя по тому, что меня она легко вокруг пальца обвела, моему карманнику лет пятьсот, не меньше... Кто? Кто мог себе позволить ее нанять?

— Сейчас я тебе первый десяток ваших богачей зачитаю, — обрадовалась Иравари. — И на этой оптимистической ноте мы третий вопрос закроем.

— Я тебе закрою! — не на шутку разозлилась я. — Тебе еще свои ошибки отрабатывать!

— Да я никогда не ошибаюсь! — заорала демоница. — Может, кто-то спрашивать не умеет! Так это вообще не мои проблемы!

— А кто не смог выяснить, что Зигфрид уже давно не студент?

— А сама... — Демоница запнулась. — Погоди...

Опять взгляды вдаль, невнятное бормотание и повинный взгляд лукавых глаз:

— Ну накосячила разок, с кем не бывает... В университете такая хитрая защита поставлена, я торопилась побыстрее информацию добыть... А хочешь, намекну, кому ваши големы могли понадобиться?

— Ты об этом что-то знаешь?

— Ну не так чтоб точно, — закулила демоница. — Только умному человеку иногда и полсловечка достаточно, чтобы выводы сделать. Смотри!

И она помахала перед лицом рукой.

— И чего? — не поняла я.

— Вот ведь бестолочь, — только что не сплюнула Иравари. — Еще раз смотри.

Она опять протянула в мою сторону кисть, помахивая длинными когтистыми пальчиками. Только вот мизинчик и большой были поджаты, а три остальных шевелились в воздухе на манер улиточных усиков...

— Трехликий, — потерянно прошептала я.

— Я тебе ни о чем не говорила, — улыбнулась Иравари, одним широким движением разматывая тюрбан. — Ну все, что ли? Отложим остальные разговоры на потом? А то пиво греется, мужчины остывают...

Эх, да я бы сама сейчас с большим удовольствием прошептала отпускающее слово да забилась в уголок, над ее новостями раздумывать. Вот только неведомо, когда в следующий раз случай посекретничать представится. Значит, отпущенное время надо до конца использовать.

— Четвертый вопрос, — вернулась я к делам. — Рог индры-зверя можно добыть, не убивая животное?

— Я с тобой поседею, — просто сказала Иравари.

Демоница хлопнула в ладоши, видно оставив намерения продолжать отдых, и перенесла себя в другие периакты. Строгая черная рубаха укрыла ее плечи, волосы сами собой затянулись в тугую косицу, а тонкое переносье оседлала проволочка золоченых очков. На заднем плане виднелись теперь не клубы синеватого пара, а ряды книжных корешков. Вот бы в той библиотеке покопаться! Жаль, что Иравари меня к себе

пригласить не может, да и ко мне ей ходу нет. По малолетству я все способы искала во плоти к себе знакомицу призвать. Только она мне объяснила, что наши миры нигде, кроме информационного поля, не пересекаются. Что это за поле такое мудреное, я до сих пор не понимаю, а у демоницы слов не хватает толково объяснить.

— Вводную! — скомандовала Иравари мне.

— Чего?

— С самого начала рассказывай мне про единорогов. — Иравари была терпелива, как деревенский бортник за работой.

— Ну... — покопалась я в памяти. — Однажды Даждь-бог, пролетая в колеснице над рутенскими лесами...

— Бестолочь! — завизжала демоница. — Шуточки шутить со мной вздумала? Ты думаешь, единороги — такие милые зверушки, которые едят радугу и какают бабочками? Они плотоядные!

Веселиться мне сразу расхотелось.

— А как же колдовская пыльца, вечные ручьи и волшебные рощи? — лепетала я растерянно.

— Все будет — и пыльца, и дубы-колдуны, и трава волшебная, — скривилась собеседница. — Говори, зачем тебе рог индры понадобился?!

— Не мне, то есть не только мне...

Который раз за день я рассказывала единорожьей истории. Впору уже мозолям на языке от словоблудия заводится.

Иравари покусывала в задумчивости губы:

— Он мне начинает нравиться...

— Кто? — решила я на всякий случай уточнить.

— Да суженый твой, ряженный... Зигги по ходу проигрывает по очкам.

— Значит, я сейчас по его милости к людоедам в... копыта отправляюсь, а ты...

— Не дрейфь, подруга, — подмигнула демоница. — Невинных дев они не жрут. Или ты уже с кем-нибудь?..

— Нет, — смутилась я.

— Дурацкий вопрос, — кивнула собеседница. — Я б знала. Стихийницу твоего уровня инициировать у Зигги кишка тонка. А Влад тебя не тронет, пока с единорогами не разберетесь.

Ёжкин кот, как же мне в этот момент стало противно! На все вопросы про инициацию бабушка отвечала мне уклончиво. Теперь я начинала догадываться почему...

— Запомни одно, — продолжала меж тем Иравари. — Убивать единорога в лошадиной ипостаси бессмысленно. Дождись, пока перекинется, и глуши серебром...

— А в кого они превращаются?

И в этот момент из коридора заорали:

— Лутона, ты одета? Можно войти?

Ну, Михай, молодец! Просто чудесный способ предупредить выдумал!

Я бормотнула отпускающее слово, ткнув в блюдце, прерывая беседу на самом интересном месте, и крикнула:

— Заходи!

К моему удивлению, в горницу с моим охранником вошел вовсе не Влад, а статная рыжекобая баба, за которой двое прислужников волокли сундук.

Я одним быстрым движением смела волшебную утварь в сумицу и уставилась на гостью. А посмотреть было на что. Высоченная, ее макушка чуть не касалась притолоки, затянута в открытое на плечах красное платье, она казалась чародейским цветком, случайно распустившимся посередине суровой рутенской зимы.

— Здрава будь, девица, — щебетала баба, нет — дама, вываливая на княжью лежанку ворох разноцветных тканей и расставляя на столике шкатулки из терпко пахнущего сандалового дерева. — Сейчас Инесса из тебя красотку делать будет.

Прислужники с поклоном удалились, Михай, кинув прощальный взгляд, тоже скрылся за дверью, и я осталась наедине с гостьей.

— Тебя Лутоней кличут?

Я кивнула.

— Это же мужское имя, — проговорила дама, открывая одну из шкатулок и извлекая оттуда одну за одной целую дюжину баночек и кисти из беличьей шерстки.

— Какое есть, — вздернула я подбородок, попутно решив, что малевать себя ни за что не дам.

— Да уж, мои родители тоже с именем повеселились, — продолжала гостья, не обратив ни малейшего внимания на мой маленький бунт.

— А что с твоим-то не так? — заинтересовалась я.

— Так самое что ни на есть элорийское имечко. В наших краях так детей не называют.

— И откуда ты родом?

— Местная, — широко улыбнулась Инесса, устанавливая на столик трехстворчатое зеркальце и оглядывая меня пытливым взором. — По заграницам, конечно, помоталась, пока ремеслу цирюльному обучалась... Потом возвратилась — тут уж и имя мое ко двору пришлось.

С волосочесами раньше мне говорить не приходилось. Поэтому бесхитростный рассказ мастерицы меня не на шутку увлек.

— Князь Влад просил тебя в порядок привести. Ты не думай, я столько княжон одевала, причесывала...

— А тут, вишь, к дуре деревенской приставили, — невесело усмехнулась я.

— Не сомневайся, — вооружилась Инесса громадной волосяной щеткой, — когда мы с тобой закончим, царевичи с королевичами в очередь становиться будут, только чтоб одним глазком на тебя взглянуть.

— Оно мне надо? — испуганно ойкнула я.

— Надо! — прервала мои метания мастерица. — Красота — это главное наше, бабское оружие.

Что на это возразить, я не знала. Поэтому просто расслабилась, позволив делать со мной все, что посчитает нужным эта странная женщина. Она бормотала что-то о текстуре кожи и цвете глаз, об оттенках одежды, которые наилучшим образом подойдут к моим волосам, а я думала о неизвестности, которая поджидает меня в будущем.

Один только раз встрепенулась, когда услышала над ухом лязгающий звук ножниц. То умелица подравнивала мне кончики, выбивающиеся из прически.

— Ш-ш-ш... Не дергайся, — прошептала Инесса успокоительно, сметая на стол почти

невесомые завитки. — Так оно ладнее будет.

Я прикрыла глаза и, кажется, задремала под убаюкивающую трескотню кудесницы. Даже легчайшие прикосновения кисточек к скулам, подбородку, губам не вызывали неприязни. Мастерца свое дело знала.

Потом меня одевали. Будто ниоткуда явились смешливые девицы в одинаковых мышинового цвета нарядах — видно, подмастерья. Их быстрые легкие руки споро стащили с меня одежду, обтерли сразу покрывшуюся гусиными цыпками кожу душистыми маслами и обрядили меня в обновки. Ёжкин кот, я до сего часа и не подозревала, сколько благородные франкские дамы барахла на себя напяливают для того, чтоб так выглядеть. Ну, будто полураздетыми. А то, что меня рядят по новейшей иноземной моде, сомнений уже не вызывало. Льнущее к телу белье, расшитое шелком, нижнее платье, верхнее платье, плоеная растопырчатая юбка... Ну будто бы луковую шелуху обратно на овощ прилаживают — слой за слоем... А ворот-то низковато: груди топорщатся, будто осадные орудия. Руки сами собою дернулись срамоту прикрыть, да одна из девиц накинула поверх струящийся кусок ткани.

— Госпожа Инесса, не знаю, как эршап получше приладить...

— Отойди, я сама. — Мастерца ловко заколола драпировку над моей ключицей и вскинула руки, будто в восхищении. — Красота! Запомни, твой цвет — голубой. С таким тоном кожи...

— Ой, беда! — раздался писк откуда-то снизу.

Я скосила глаза. Сидя на корточках, одна из подмастерьей на полу раскладывала несколько пар изящных светлых туфельек.

— В чем дело? — строго спросила Инесса.

— Больно уж ножка у нашей барышни мала, не знаю, что и подобрать.

Инесса по-простому опустила рядом с подчиненной, бормоча под нос какие-то цифры.

— А ведь правда — кукольный размерчик. Может, ее на котурны поставить?

— Сама на ходулях прыгай, — обиделась я. — Босиком пойду.

Девицы захихикали.

— Давай-ка, Маришка, беги в кладовую, — решила Инесса, поднимаясь. — Достань шкатулку светлого дерева.

— Ту самую? — присвистнула Маришка, отряхивая колени. — Я мигом.

И скрылась за дверью.

— Огня вели принести, — прикрикнула вдогонку мастерца. — Вечереет.

Прислужники, внесшие в горницу два разлапистых шандала, опередили нашу посыльную буквально на минуту. Пока я моргала глазами, привыкая к изменившемуся освещению, мастерца извлекла из коробки полупрозрачные, вроде как слюдяные туфельки с небольшими устойчивыми каблучками.

— Пробуй, — велела она мне, ставя на пол обувку.

Я ступила вперед, немного приподняв подол. Туфли охватили ступни подобно второй коже.

— То, что надо, — решила Инесса. — Дело сделано.

— А оценить работу не нужно? — спросила я. — В зеркальце глянуть так и не дашь?

— Ой, да насмотришься еще, — заюлила Инесса, давая знак девицам.

Я прислушалась к себе. Ощущения скорее приятные, будто всю жизнь в эдаких шелках

по двору расхаживала. Тем временем суетливые подмастерья собрали пожитки и, щебеча, вылетели из горницы, подобно стайке сероперых воробушков. Их командирша замыкала процессию. Я с хрустом потянулась, раздумывая, успею ли перекемарить еще часок-другой в ожидании. Бочком присела на край лежанки, уже примериваясь повалиться всласть.

— Куда? Куафюру помнешь! — остановил меня окрик от двери. — Теперь до праздника только сидеть.

— Я устала, — тихонько заныла я. — Что ж теперь, все время ходить, будто оглоблю проглотила?

— Потерпишь, — сказала, как отрезала. — Красота жертв требует.

Вот на все у бабы готовый ответ припасен! Жизнь-то у нее какая легкая! Думать ни о чем не надо — на все готовое решение: красота — оружие, благолепие требует жертв, баба должна быть пригожей. Все. На большее Инессиной мудрости не хватит, но ей и того в избытке.

Мучительница стояла у двери подбоченясь. Мне ничего не оставалось, как вытянуться в струнку и ожидать, пока она наконец-то покинет помещение. А там поглядим, как время коротать.

А потом в горнице я осталась совсем одна и с удивлением поняла, что спать совсем не хочется. А хочется посмотреть на себя и самой составить мнение о новом обличе. Я ринулась в смежную горенку, где, как я помнила, было зеркало. Точно — было, я же еще утром на себя любовалась. На свои синяки подглазные да губы заветренные.

Утром... А кажись, с десяток лет с того времени пролетело, столько всего случилось...

Только вот сейчас глухая стена была пуста. Лишь чуть более темный тон покрытия указывал место, где раньше висело зеркало. Ёжкин кот, что ж у меня ничего как надо не получается?! Я топнула ногой в расстройстве и замерла. А интересно, стены-то в тереме княжеском из чего делают? На какой такой материал все эти штукатурки пестроцветные прилаживают? Небось прямо на дранку. А то как еще объяснить, почему это в убиральне звукозащиты никакой нет? За стеной явно шла какая-то беседа, отголоски которой доносились сюда. Я приложила ухо к стене. Слышимость была просто великолепной. Ленивые интонации одного из собеседников заставили мое сердце тревожно биться. В двух шагах от меня, в соседней комнате, находился Влад. А второй был женским. Я вся обратилась в слух. Беседа велась на современном франкском наречии, которое я понимать понимала, но сказать что-нибудь не решилась бы. Иравари говорила, что у меня для этого говорения речевой аппарат не приспособлен. Ну вроде мягкости ротовой недостает. Собеседница Влада, видно, этой мягкостью обладала в избытке. Любо-дорого было вслушиваться в гортанные переливы чужого языка. Слова лились потоком, вот только в выражениях барыня ни капельки не стеснялась.

— И вы предпочли мне какую-то уличную моську! — донеслось до меня.

— Эта бродяжка обладает тем несомненным достоинством, коего вы, мадемуазель, лишены, — процедил господарь. — Адюльтер графа Воронова с вами...

— Вы подослали шпионов, — ахнула барынька, — рылись в грязном белье, подсматривали в моем будуаре!

— О, для меня это было бы слишком сложно, — хмыкнул Влад. — Я всего лишь заплатил вашему возлюбленному.

— Этого не может быть! — донесся до меня растерянный лепет. — Граф — благороднейший человек. Он предложил мне руку и сердце.

— Ну с сердцем вы разберетесь сами. А рука достопочтенного вельможи находится в распоряжении его супруги.

— Вы подлец! — завизжала женщина.

— А вы, мадемуазель, шлюха, — припечатал князь. — Теперь, когда я полностью уверен,

что вы не сможете пересечь границу Заповедной пуши, наш договор теряет силу. Вы свободны, сударыня.

— Без меня вы никогда не найдете путь!

— О, не преувеличивайте свою незаменимость, мадемуазель. Дюжина моих теней обшаривает территорию в поисках входа, так что нахождение одного всего лишь вопрос времени.

И тут их милая беседа неожиданно для меня прервалась — в соседнюю горенку вошел еще кто-то.

— Все готово, Инесса? — перешел князь на рутенский. — Ты все исполнила в точности?

Инесса была тиха и немногословна. О чем она поведала Владу, осталось для меня загадкой. Но звон монет и угодливое бормотание, донесшееся до меня, указывало на то, что кудесница получила плату и вознаграждением осталась довольна.

— Прощайте, мадемуазель, — повысил голос Влад. — Надеюсь, больше не увидимся. Михай обеспечит вас лошадьми, так что и вы, и ваша свита ни в чем не будете нуждаться.

Князь покинул комнату, через стену я слышала плач и стенания несчастной горемыки. Франкскую бабу мне было жалко прямо до слез. Чего она там с этим графом накрутила — ее дело, да только не по-людски это — любовью попрекать. Я часто дышала и до боли закусывала губы, пытаясь не разреветься. Голос валашского господаря вернул меня к действительности:

— Выходи, не прячься, птица-синица.

Ёжкин кот! Я лихорадочно попыталась расправить складки своего нового облачения. Зернистые гарусинки, которыми неизвестная швея украсила пояс тесного платья, нещадно обдирали пальцы. Я зашипела от боли, и в этот момент в убиральню вошел Влад.

— Помочь? — спросил глумливо. — Сама-то небось с застежками не справляешься?

Я вздернула подбородок:

— Стучать надобно, когда в такие места заходишь. А то увидел бы чего лишнее.

Я попыталась обойти препятствие, семена и путаясь в многослойном подоле платья.

— Может, я и хотел увидеть, — отступил князь, пропуская меня в горницу.

Его оценивающий взгляд жег мою спину. Я устроилась на ажурном табурете, расправив юбку и сложив руки на коленях.

— Посмотрел? Доволен, как меня обрядили?

— Да, — просто кивнул господарь, — тебе к лицу.

— А зеркало куда подевалось? Я тоже поглядеть хочу.

— Зеркало? — хохотнул князь. — Я через него тебя на постоялом дворе отыскал. Теперь от него одни осколочки и остались.

— Никогда не слыхала, чтоб таким манером перемещались, — заинтересовалась я. — Твой ход — это что-то вроде тропы лешачьей?

— Нет, — устроился Влад на другом табурете и опустил локти на столешницу. — Это называется «лабиринт отражений». Для адептов воды — вполне естественный способ путешествий.

— А в Элорию ты так сможешь тропку перекинуть? — решила я уточнить на всякий случай.

— К сожалению, нет, — погрузнел князь. — В тамошнем Квадрилиуме я персона нон грата, а мне нужно, чтоб с той стороны был кто-то, чья личная вещь у меня есть.

— Так вот, значит, для чего ты ленту мою умыкнул, — прозрела я. — Значит, стащил, когда косу мне расчесывал, а потом на меня свой зеркальный путь проложил!

— Каюсь, — в притворном смущении потряхнул волосами злыдень. — Но ведь здорово получилось? Ты удивилась?

— И не только я. — Мой голос предательски дрогнул.

— Михай рассказал мне о том, что произошло с Кляйнерманном, — сочувственно проговорил Влад. — Можешь не верить, но мне очень жаль.

Я шмыгнула носом.

— Ты только не плачь, — предостерегающе поднял руку собеседник. — Не могу женские слезы переносить.

— Я и не собиралась, — всхлинула я. — Еще чего не хватало...

Князь неожиданно вскочил на ноги.

— Знаю, чем тебя отвлечь!

Молниеносно подскочив к шкапчику, он выхватил из его темного нутра толстостенную бутылку с каким-то вином, ладонью выбил пробку и плеснул рубиновую жидкость прямо на пол, нисколько не озаботившись сохранностью ковра. Пряный ежевичный дух щекотнул мои ноздри. Я зачарованно наблюдала за чужой волшбой, действительно позабыв реветь. Вино, вопреки моим опасениям, и не думало проливаться. Распределившись в воздухе тонкой пленкой, напомнившей мне бочок мыльного пузыря, оно твердело, будто бы от мороза, приобретая ледяную гладкость. И вот уже прямо посреди горницы выросло громадное круглое зеркало, в котором четко отражались и предметы мебелировки, и уголок пестротканого покрывала, и складки драпировочных тканей...

Я вскочила на ноги и подошла поближе.

— Ну как? — выглянул князь из-за зеркальной перегородки.

— Сильное колдовство! — восхитилась я, постучав костяшками пальцев по поверхности. — А чего ж при таких талантах ты настоящее зеркало расколотил?

— Гораздо проще готовым воспользоваться, чем водяное делать, — ответил маг, кажется смутившись. — На себя-то смотреть будешь?

Ёжкин кот, как же мне было страшно! Я боялась увидеть в отражении нелепую расфуфыренную фигуру, похожую на переодетую барынькой макаку, которую водили заезжие скоморохи на ярмарке. Помнится, вся Мохнатовка потешалась над забавными ужимками бестии, над начерненными бровями и жирными карминными губищами. Кажется, только я одна во всей деревне заметила тогда, что глаза несчастной животины были полны боли и грусти...

Эх, была не была! И я, расправив плечи, смело взглянула на свое отражение.

Время замедлило свой ход, сердце забилося с перебоями, противно заныло в животе. Это была не я. То есть именно такой мне хотелось бы стать, если б вся моя жизнь сложилась немного иначе — праздно и беспечально. Как меня назвал Зигфрид когда-то давно, в прошлой жизни? Снегурочка? Из зазеркалья на меня смотрела снежная королева. Права, права была Инесса-кудесница. Белый и голубой. Это морозное сочетание подчеркнуло все, что было в моей внешности яркого, нездешнего. У этой новой меня были черные как ночь волосы, уложенные в гладкую прическу. Локоны, изящно спадавшие по сторонам лица, подчеркивали треугольную форму подбородка и белизну кожи, тронутой на скулах нежным румянцем. Карие глаза сияли, голубизна белка соперничала яркостью с цветом платья, а розовые, четко очерченные губы подрагивали, будто готовясь сложиться лукавой улыбкой. Платье, отделанное речным жемчугом по

подолу и поясу, при любом движении переливалось в неровном свете свечей. Я была ослеплена и очарована. Видимо, примерно такие же чувства владели и князем, который возвышался за моим левым плечом. Его темный камзол смотрелся противоположностью моему светлому легкому наряду. Коршун и голубка, свет и тьма... Наши отражения встретились взглядами, его лицо озарила властная улыбка.

— Хороша, — прошептал Влад.

— Чудо как хороша, — ответила я, поддаваясь очарованию момента.

И волшебство закончилось. С мелодичным звоном зеркальная линза лопнула, осыпавшись на пол мириадами тончайших осколков. Я вздрогнула в испуге и отшатнулась, наткнувшись спиной на его грудь. Мое сердце забилось часто-часто, будто пойманная в силки птица. Его руки вдруг оказались на моих плечах, я на минутку прикрыла глаза, отдаваясь ощущению чужого тепла и незнакомой силы... А потом в моем сознании всплыла хлесткая фраза, брошенная с ленивой, высокомерной интонацией: «А вы, мадемуазель...»

Ёжкин кот! Я отскочила от злыдня как ошпаренная.

— Каков план действий? — приступила я к делу, пытаюсь привести в порядок мысли. — Кого мне придется изображать?

Синие глаза были холодны и безразличны.

— Франкскую девицу Марианну Алансон, — кривовато усмехнулся князь, усаживаясь за столик. — Предсказательницу, ворожею и просто красавицу.

— А ничего, что я по-франкски не говорю? — устроилась я напротив.

Только шаховых фигурок между нами не хватало, чтоб представить себе, что вчерашняя наша баталия продолжается и поныне.

— В вашем славном граде уличить тебя некому, — презрительно скривил губы господарь. — Так что можешь не опасаться.

— А куда настоящая гадалка девалась? — решила я немного прояснить ситуацию.

— О, — склонил голову злыдень. — Непреодолимые семейные обстоятельства призывают мадемуазель Марианну вернуться в родные края. Сейчас она, скорее всего, подгоняет лошадей где-то в районе Козятина.

Я прикинула расстояние и решила, что Влад на коней для ворожеи не поскупился.

— Ну и с чего наш князь допустит нас в Заповедную пущу? — решила я не думать о чужих проблемах, а вплотную заняться своими.

— Славислав сам не знает, как в нее попасть. У вашего правящего дома с единорогами очень непростые отношения. Индрики являются, когда считают нужным, требуют, что им необходимо, получают желаемое, затем исчезают. И никто не может отказать волшебным тварям. Я пообещал, что ты с помощью гадания определишь, где вход...

Влад на минуту задумался.

— И чего? — поторопила я собеседника.

— Надо подождать пару дней. Я обязательно отыщу.

— Ну хорошо, попаду я в эту рощу заповедную... — начала я. — Как мне у живого индрика рог-то открутить?

Князь иронично приподнял брови:

— Ты надеешься победить единорога в рукопашной?

— Я знаю, что на них действует только серебро, — разозлилась я. — И нечего меня тут дурочкой выставлять!

— Серебро не пронесешь, — с сожалением посмотрел на меня господарь. — Серебро они от границы учуют. Идти надо с голыми руками и чистыми помыслами.

Надеюсь, про чистоту помыслов он просто для красного словца завернул. Ибо в противном случае мои шансы выжить стремительно тают.

— А убивать тебе никого не придется, — решил вдруг успокоить меня наниматель. — Единороги свои отростки время от времени меняют. Ну примерно как у людей молочные зубы выпадают, а на их месте вырастают постоянные. Вот это капище, в котором индрики свои «молочные» рога складывают, ты и разыщешь.

Уф! От сердца отлегло! Во-первых, обогреть руки кровью живого, мыслящего существа мне не хотелось, плотоядное там оно или не очень. Я вон тоже мясо ем, когда предлагают. И если бы кто-то меня за это прибить решил, очень возражала бы. А во-вторых, если про кумирню князь не брешет, можно же будет рогов этих набрать столько, сколько унести смогу.

— А обратно как? — вернулась я на землю, отогнав видение себя, тянущей по проселочной дороге телегу, доверху нагруженную индриковыми рогами.

— Да так же, — лениво ответил господарь. — Зайдешь тихонько, поплутаешь легонько и по той же тропке, след в след... Может, ни одного живого индрика и не встретишь.

Предстоящее приключение мне начинало нравиться.

— Ну что, мы все обсудили? — поднялся с табурета Влад.

— Да, — кивнула я.

— Тогда пошли, познакомлю тебя с вашим Славиславом. Ты только молчи больше.

— Не очень-то и хотелось языком трепать, — пробурчала я про себя, принимая протянутую руку князя.

Вот так вот — в полном согласии, плечом к плечу мы и вошли в тронный зал.

ГЛАВА 10

О главном женском оружии, мужском коварстве и танцах

Не кидается девица на цветное платье, кидается девица на ясного сокола.

Я ступила из мрака ночи в море жидкого огня, очерченного лицами гостей. Народу-то сколько, ёжкин кот! Локоть Влада, за который я уцепилась, как утопающий за соломинку, был тверд. Валашский господарь едва кивал знакомым в толпе лицам, проводя меня через разряженную, благоухающую, любопытствующую толпу. Тронная зала представляла собой огромное помещение, уходившее сводчатым золоченым потолком под самые небеса. Пол из плотно подогнанных полированных плашек заморской древесины блестел, как сельская катанка, и был таким же скользким. Я помянула про себя добрым словом Инессу. Каблучки слюдяных туфелек держали меня твердо, не давая упасть.

С любопытством оглядывалась я по сторонам, пытаюсь ничего не упустить. Когда еще представится возможность побывать в таком месте. Смешение стилей — наших исконных рутенских обычаев с иноземными новомодными веяниями — могло вызвать улыбку у более искусственного человека. Я же была ошеломлена. Высокие боярские шапки соседствовали с напудренными париками, барсучьи шубы — с золочеными кафтанами, окладистые бороды, с длинными усами галльских паладинов. Дамы щеголяли высокими прическами и соревновались в обнаженности плеч. Мой наряд, еще недавно представлявшийся мне верхом распушенности, смотрелся на фоне других довольно скромно.

Князя всех ртов я вычислила сразу. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб догадаться, что на массивном деревянном троне в самой глубине залы именно он и сидит. Захотелось вытащить монетку, чтоб сличить, так сказать, с оригиналом. Я мысленно ударила себя по рукам. Допрыгаюсь тут еще, шутница. Видный мужик, лет этак пятидесяти; на тронутых сединой русых волосах не монаршая шапка, а легкий золотой обруч, украшенный пластиночками гагата. А не прост наш властитель. Либо за супругой рано ушедшей страдает, либо балуется черным колдовством. Гагат — камень сильный, для всяких потусторонних деяний предназначенный.

Влад подвел меня вплотную к трону, сжал до боли запястье. Я удивленно взглянула на спутника и, повинувшись едва заметному движению губ, присела в реверансе. Ай, молодец же бабуля, что куртуазным премудростям меня в свое время выучила!

— Это и есть знаменитая ворожея? — устало спросил Славислав, вперяя в меня взгляд выцветших голубых глаз.

Я свои скромно опустила долу, не выдавая охватившей растерянности.

— Позвольте представить вам, государь, франкскую девицу Алансон, — наклонил голову Влад, да так, что было непонятно, то ли кланяется сопредельному владыке, то ли на полу что-то любопытное высматривает.

— Добро пожаловать, мадемуазель, — серьезно проговорил князь. — Надеюсь, после приема вы продемонстрируете мне свое искусство.

— Увии, — пискнула я полупридушенной свиньей. А потом, подумав всего лишь мгновение, добавила: — Монсеньор...

Влад совсем уж невежливо фыркнул и чуть не волоком отконвоировал меня к плотной группке романской аристократии. Те смиренно ждали своего господина, прихлебывая разноцветные напитки, которые разносили в толпе ряженые подавальщики. В одном из благородных кавалеров я с удивлением узнала Михая. Богатый камзол с гербовым шитьем был малорослику очень к лицу. Михай мне широко улыбнулся, у меня на сердце потеплело.

— Твой франкский великолепен, — протянул мне тонкостенный бокал господарь.

Я отрицательно покачала головой. Только с утра зарок давала к хмельному не притрагиваться. Пару дней-то потерпеть можно.

— Скажи спасибо, что хоть два слова вспомнила.

— Могла не трудиться, — скривился Влад. — Я хотел тебя глухонемой представить, так сказать, для облегчения общения.

— Так предупреждать надо, — не на шутку разозлилась я. — Мне эти твои тайны и загадки уже поперек горла стоят. Выдаешь в год по горсточке, а я майся...

— Тогда и ты меня сразу во все свои таланты посвяти, — неожиданно предложил злыдень. — А то — сюрприз за сюрпризом, не знаешь, чего от тебя и ожидать.

— Какие такие таланты? — чуть смутилась я. — Ничего особенного...

— Ну да, — не поверил Влад. — Деревенская ведьма, которая балуется призывом демонов тонкого мира и путешествует в Элорию в компании стихийного огневика и мифических персонажей... Конечно, ничего особенного.

— Так они в дороге прибились, — залепетала я. — А Зигфрида я вообще случайно встретила...

— Эх, не время и не место... — с сожалением проговорил князь. — Надо было ночью не на тебя спящую любоваться, а допрос по всей форме исполнить.

Я жарко покраснела, вспомнив про свои прошлые чудачества.

Влад тем временем высмотрел кого-то в толпе и, на прощанье прикоснувшись к моему плечу, молвил:

— Держись Михая, он защитит, если что...

И исчез в гуще народа, скрывшись за чужими спинами, будто в омут нырнул.

Начались развлечения. Поначалу в центре зала княжьи скоморохи потешили гостей зрелищем. Парный танец представлял собою аллегорию — борьбу весны с зимой. Партию зимы исполнял ладный молодец, одетый в белые облегающие одежды, а весны — девица в салатного цвета платье, чьи изящные движения рук и легкие прыжки заставили меня завистливо вздохнуть. Действо сопровождали не привычные дудочки, а скрипачи, наигрывающие завораживающую мелодию. Я поискала глазами и обнаружила стайку музыкантов наверху, в подклеточном пространстве, почти у самого потолка. Хоры нависали галереей над тронным залом, огибая его по спирали на манер улиточного домика. Очень захотелось познакомиться с неизвестным мастером, которому удалось придумать и воплотить в жизнь этакую красоту. Потом распорядитель объявил общие танцы. Пары, располагаясь в центре залы, готовились выполнить сложные фигуры менуэта.

— Может, перекусишь чего? — кашлянул Михай, до сего времени безмолвно любовавшийся представлением, а теперь остановивший прислужника с подносом.

— Меня так затащили в корсет, что ни крошки не поместится, — с сожалением отказалась я.

— Зато теперь тебя можно двумя ладонями в пояс обхватить, — утешил меня малорослик, отправляя в рот кусочек чего-то аппетитного.

Еще один ценитель пригожести отыскался, ёжкин кот! Я только слюну сглотнула, провожая взглядом подавальщика.

— Рада, что тебе понравилось.

— Ты мне и раньше...

Михай закашлялся, подавившись. Видно, не в то горло закуска пошла. Так ему, обжоре, и надо!

— Барышня позволит ангажировать ее на танец?

Голос, раздавшийся у моего плеча, мог бы быть вкрадчивым, если б его владелец не

переборщил, подпуская в него эту самую вкрадчивость. Я резко обернулась. Передо мной стоял огненноволосый кавалер в длиннополом, обшитом позументом камзоле. Ну, или примерно так он сам про себя думал. Я же наблюдала рябого рыжего хлопца, курносого и широколицего, раздувшегося от собственной важности, будто болотная жаба. Стайка таких же недорослей неподалеку внимательно наблюдала за его действиями.

— Извольте отрекомендоваться, сударь, — сказала я жеманно, попытавшись слегка исковеркать рутенскую речь.

— Кавалер Сандро, к услугам прекрасной дамы, — склонился парень в низком поклоне.

Ой, Сандро! Держите меня семеро! Это какой такой стольноградский купец умудрился бы так чадо любимое обозвать? Алексашка он, ежу понятно.

— К сожалению, вынуждена отказаться, — скромно улыбнулась я только уголками губ. — Зарок, данный мною на родине, запрещает мне принимать участие в народных гуляниях.

Рыжие вообще забавно краснеют. Щеки купеческого сынка налились свекольным цветом, подбородок и подглазья по контрасту приобрели нездоровую синюшную белизну. Пробормотав что-то невразумительное и отвесив очередной поклон, мой несостоявшийся партнер по танцам покинул нас, присоединившись к своим приятелям. Судя по бодрому хихиканью, донесшемуся с той стороны, рутенского Сандро со свету сживут насмешками.

— Что, бабушка не позволяет ногами дрыгать? — спросил пронизательный малорослик.

— Скоморошить не хочу, — отрезала я. — Он же на спор подошел, друзья его подбили. А сам небось в танцах — ни ухом ни рылом. Я ему, можно сказать, репутацию спасла, да и ноги свои от надругательства — тоже.

Я смерила Михая оценивающим взглядом.

— Нет, — испуганно замахал руками тот. — На ногоблудие ты меня не уговоришь и не проси. Я не умею.

— Ну так ведь это попроще, чем шахи, — подколола я, наслаждаясь смущением собеседника.

— Так Влад подойдет, с ним и спляшешь — он у нас в этом мастер.

— Каких разнообразных дарований человечиче! — притворно восхитилась я. — А есть хоть что-нибудь, в чем он не силен?

— Его больше интересует, есть ли такое, в чем не сильна ты, — серьезно проговорил перевертыш.

— В танцах, — повинулась я.

— Врешь! — со смехом выдохнул Михай.

— Честно. Бабушка по своей хромоте обучить меня не смогла достойно... Так что...

— Скоморошить она не хочет, — усмехнулся собеседник. — Вот ведь проказница!

Я улыбнулась в ответ.

У князьего трона тем временем сменялось посольство за посольством. Глазеть на это было утомительно. Подход, поклон, быстрый обмен приветствиями, ретирада. Одинаково угодливое мельтешение гостей, одинаково ленивые ответы Славислава. В сон клонит почище чем пересчет овец.

— Как развлекаться будем?

— Только песен не надо! Пожалей ни в чем не повинных людей! — в притворном ужасе всплеснул руками перевертыш. — На все остальное я согласен.

Я прислушалась к себе. Есть хотелось просто до дрожи. А тут еще запахи, доносящиеся от закусок...

— Прогуляемся? — предложила я руку недорослику.

— Ну давай, — чинно согласился Михай и увлек меня прочь из толпы.

Выходить обратно, чтоб плутать по полутемным коридорам княжьего терема, показалось нам не слишком интересным, поэтому, пройдя вдоль стены за спинами зрителей, мы отыскали неприметную зеркальную дверцу. Открывалась она от простого толчка, явив нашим взорам буйные заросли, освещенные настенными светильниками.

— Знаменитый зимний сад, — прошептал благоговейно Михай и юркнул туда первым, презрев все законы куртуазности.

Я поспешила следом, обернувшись на пороге. Никто не заметил нашего маневра. Только показалось мне, что чей-то тяжелый взгляд мазанул меня по спине, когда я притворяла дверь. Я стряхнула наваждение и осмотрелась.

Так вот откуда травки-муравки съедобные на княжьем столе посреди зимы появляются! Накрытые колпаками из дорогого тонкого стекла, аккуратные грядки смарагдово переливались, выделяясь на более темном фоне остальной растительности. Узорчатая тропинка, ограниченная с двух сторон стриженными самшитовыми кустами примерно в человеческий рост высотой, прихотливо изгибалась, уходя куда-то за пределы видимости. Судя по всему, специально для прогулок место это и задумывалось. Было жарко, пахло влажной землей. И еще — довольно светло. Будто и не поздний вечер на дворе. У низких притолок просматривалась сложная система зеркал. Их отраженный рассеянный свет создавал благоприятную обстановку для произрастания здешних автохоров.

Несколько шагов по дорожке, и вот уже даже не видать, откуда мы пришли.

— Что будешь делать, если твой хозяин на Красаве женится? — начала я беседу, прислушиваясь к отдаляющемуся шуму праздника.

— Очень ему эта квашня с ушами нужна, — отбрил меня перевертыш. — Просто повод до индрикков добраться хороший придумал.

— А чего это ты обзываешься? — обиделась я за нашу княжну. — Можно подумать, на твоём господаре королевшины горстями висят. А хотя бы и висели! Уважение-то поимей!

— По какому поводу кипятишься? — не понял Михай. — Что тебе до монарших обетниц?

— Мне с этого ни тепло ни холодно! — фыркнула я. — Только девица, может, надежды какие-то возлагает... А вы, тьфу, за лошадьми в Рутению приперлись.

— Да в вашем княжестве, почитай, ничего больше и нет!

Я набрала в грудь воздуха, чтоб хлесткой речью поставить наглеца на место. Княжество ему наше не нравится! Можно подумать, у них в Валахии молочные реки с кисельными берегами текут! Ага! И пряничные избушки за каждым поворотом. Видала я их Валахию на карте...

— Тсс... — Спутник подобрался, как для прыжка. — Впереди кто-то есть.

Я наострила ушки. Ноздри Михая раздувались: видно, перевертыш пытался что-то учуять. На его сосредоточенном лице явственно проступало недоумение. Я уже и сама слышала приближающиеся шаги и рокот неспешной беседы. Я похолодела. Навстречу нам по самшитовому лабиринту шел Влад и разводил тары-бары на, ёжкин кот, франкском наречии. Собеседники были от нас буквально в двух шагах, за поворотом. Нас разделяла только плотная стена живой изгороди. Бежать! Драконья мать, ну чего ж мне так не везет? Через мгновение мы столкнемся нос к носу...

— Ты все еще не оставил своих попыток, мой мальчик? — Свистящий шепот, казалось, проник в меня до самой печени. — Глупое баловство с единорогами забирает столько энергии... Достаточно одного твоего слова...

— Мое слово — «нет», и вам это прекрасно известно, монсеньор.

Князь отвечал, как обычно, с ленивой интонацией, но мне послышалось тщательно скрываемое напряжение в его голосе.

Я обернулась к Михаю и даже успела рассмотреть кончик серого хвоста, мелькнувшего в сплетении веток. Я гордо вздернула подбородок. Не хватало еще и мне труса отпраздновать. Не дождетесь!

Надо было видеть лицо валашского господаря, когда он заметил меня, испуганную и дрожащую, на тропинке зимнего сада! Собольи брови поползли вверх, рот приоткрылся в удивлении, глаза полыхнули злым, холодным огнем. Его спутник, закутанный в черный вещунский балахон, был неподвижен как статуя. Я попыталась улыбнуться. Пауза затягивалась. Молниеносно приблизившись, князь властно обнял меня, одной рукой до боли сжав плечи, а другой придержав затылок. Его губы приблизились к моему лицу... Мне хотелось визжать и отбиваться ногами, но внезапно нахлынувшая слабость заставила меня безвольно обмякнуть. Поэтому, когда Влад накрыл мой рот поцелуем, сопротивления он не встретил. Меня опалил жар, когда я ощутила его дыхание, время остановилось... Тук, тук, тук... Невыносимо медленно бьется мое сердце, перекачивая кровь, которая стала вязкой, как летняя сосновая смола. Тук, тук... Неведомая доселе истома разливается по моим жилам, болезненно истончается кожа, почти пробудившаяся сила щекоткой наполняет гортань... Еще чуть-чуть, и воспарю я надо всеми, вздернутая порывами знакомого ветра. То ли стон, то ли всхлип срывается с моих губ. Тук... И попытка закончилась — я почувствовала, что свободна и могу дышать. Влад стоял рядом с видом легкого смущения.

— Какая приятная неожиданность, — промурлыкал злыдень. — Как вы разыскали меня, моя дорогая?

Мои мысли пустились в плясовую, обгоняя друг друга, соревнуясь в важности и неотложности. Мне предлагают игру, очередное представление. Вот только кого я должна изображать по замыслу распорядителя? Времени не хватает! Ну хоть минуточку бы подумать! Я почти слышала шорох песка, высыпавшегося из опущенных мне часов жизни. Чего говорить-то, ёжкин кот? Как там меня учила бабушка? Не знаешь, о чем сказать, говори о погоде.

— Однако... Сегодня невероятно жарко... — выдавила я, с немалым изумлением отмечая, что лепечу-то на самом что ни на есть франкском, а если быть до конца точной, то на благородном лангедокском диалекте.

Последняя пластинка мозаики заняла свое место. Дракон в очередной раз удивил меня силой своего колдовства, вдохнув вместе с поцелуем необходимые знания. Значит...

— Вы покинули свою Марианну, сударь, — жеманно искривила я рот. — Мне ничего не оставалось, как отправиться на поиски...

Влад хищно улыбнулся. Я поняла, что угадала правила игры.

— Ты представишь меня своей очаровательной подруге? — прошелестело из-под капюшона.

— О, прошу простить меня, монсеньор, — склонил голову князь. — Девушка Алансон любезно согласилась мне помочь в одном предприятии.

Влад, ухватив мою дрожащую от возбуждения и едва сдерживаемого страха руку, нежно поцеловал запястье.

— А это, любовь моя, — Трисветлый Ив, неожиданно вернувшийся в столицу из дальних странствий.

Ив! Мне очень хотелось вульгарно присвистнуть и всплеснуть руками на деревенский манер. Да это же самый главный рутенский вещун! И он, получается, франк? Вот так новость! А господарь и не знал, что с ним повстречается, иначе так уверенно не говорил бы о том, что нашу небольшую аферу с подменными ворожками раскрыть некому будет. Язык мой тем временем молот абсолютно без участия головы:

— О, ваше светлейшество, как приятно встретить соотечественника вдали от родины...

Я усиленно хлопала ресницами, пытаюсь одновременно заглянуть в лицо собеседнику. Если честно, я еще ни одного вещуна без маски и не видела. Можно сказать, в этот момент я могла получить ответ на мучающий меня вопрос: люди они или нет. Даже страх временно отступил, проигрывая неравную борьбу с любопытством.

— Можешь звать меня Ганиэль, дитя мое.

И изящные руки с длинными пальцами откинули капюшон. Я на мгновение утонула в фиалковом свете огромных глаз. «Где это у нас такие иноземцы обитают? — А не знаю, так, привиделся кто-то... Может, ты его когда встретишь, может, я...» — в моем сознании далеким эхом зазвучали отголоски моей прежней жизни. Да, монсеньор Ив был точно таким, как изобразил его лешак в тот памятный день на Идоловой поляне, — гордый разворот плеч, молочно-белые волосы, высокий лоб, уши... Вот только уши были обычными, человеческими, а в коротких мочках поблескивали подвески из черного жемчуга. Видно, Ляксею что-то напутал тогда со своими предсказаниями.

Бледное лицо Ива было почти неподвижным, только губы слегка шевелились, когда он задал мне вопрос:

— Ты умеешь работать с арканами, девочка? — Вещуний шепот, казалось, заползал под кожу мириадами мелких букашек.

А то как же, ёжкин кот! Вот, помнится, придешь с косьбы артельной, кислых щей похлебаешь, рукавом утрешься и понеслась — арканом направо, арканом налево... Знать бы еще, что это такое...

Я скромно опустила глаза. При большом желании мою небольшую пантомиму можно было принять за утвердительный ответ.

— Посмотри. — Из широкого рукава балахона на свет появилась колода карт из какого-то плотного материала, слегка затертых по краям. От стопки исходило мягкое голубоватое свечение, запахло грозой.

Я послушно протянула руку.

— Нет, — остановил меня Влад. — Марианна предпочитает работать со своими принадлежностями.

— О да, — пискнула я. — Тонкие грануляции моего дара...

Я не успела договорить, когда колода исчезла так же внезапно, как и появилась. Прочесть что-то в лице вещуна не представлялось возможным. Его глаза смотрели на меня все с той же отеческой добротой, от которой хотелось забиться в угол и тихонько отдать концы.

— Ну что ж, — наконец заговорил Ив, — надеюсь, после приема ты позволишь мне насладиться своим даром в полной мере.

— О да! — восторженно ответила я. — Ваш очаровательный князь тоже высказал мне подобное пожелание. Я так рада, так рада, что мое искусство смогло заинтересовать двух таких могущественных кавалеров!

— Ты показал свою... ворожею Славиславу?

Дракон утвердительно кивнул.

— Тогда, мои дорогие дети, позвольте откланяться. — Ив натянул капюшон и спрятал руки в рукава балахона. — Государственные заботы требуют моего незамедлительного участия.

Я присела в самом глубоком реверансе, который смогла изобразить.

— Не мучай девочку, Влад, — прошелестел вещун на прощание, — к нашей встрече она должна быть полна сил.

И удалился в сторону, откуда мы с Михаем пришли.

Я, подбоченясь, обернулась к своему работодателю. Тот недобро усмехнулся и привлек меня к себе:

— Марианна, свет очей моих, давай проведем отпущенное нам время с пользой.

Я только успела заехать каблуком туфли по голени узурпатора, когда его руки сомкнулись за моей спиной.

— Тихо, — едва слышно шепнул он мне на ухо. — Нас могут подслушивать. Михай здесь?

— Он перекинулся, — тоже шепотом ответила я, уклоняясь от жадных губ, намеревающихся прикоснуться к моей мочке.

— Надо бы подсобить соратнику, — оставил злыдень свои попытки и прислушался.

Вот так — неподвижно слившись в объятиях, мы простояли некоторое время. Со стороны нас запросто можно было бы принять за парочку влюбленных.

У меня начала затекать спина и засвербело в носу. Не удержавшись, я оглушительно чихнула. Влад отлетел от меня как ужаленный. А чего — хороший способ кавалеров отгонять. Надо принять на вооружение.

— Будь здорова, — вежливо сказал князь на рутенском.

— Благодарствуйте, — достала я носовичок из-за поясного отворота.

Вот Ванюшина тряпица снова и пригодилась. Не рукавом же, в самом деле, обтираться. Господарь проводил вышитых петухов удивленным взглядом, но ничего не сказал.

— Надолго твоего поцелуйного колдовства хватить должно?

— К утру развеется, — хитро прищурился злыдень. — Может, подновим?

— Держи карман шире, — запрятала я лоскут на его законное место. — Братчик-то твой неустрашимый когда появится?

— Михай, выходи! — громко проговорил князь.

Из сплетения веток на дорожку выбрался огромный серебристо-серый волк. В пасти животина держала расшитый камзол и другие предметы облачения. Однако какой опытный в бегах вовкудлак оказался! Чтоб потом голышом по саду не скакать, сохранностью одежды заранее озаботился. Волк опустил тряпье на землю и уставился на меня с ожиданием, тихонько поскуливая.

— Лутона, — укоризненно проговорил Влад. — Отвернись. Или хочешь на обнаженную натуру полюбоваться?

Я покраснела и развернулась на каблуках. За спиной раздавалось кряхтение и шелест одежды.

— А вот как бы мне до полуночи научиться арканами размахивать? — проговорила я в пространство.

— Не тревожься, — раздалось у самого уха. — Я придумаю, как нам проверки твоих дарований избежать.

Я заполошно дернулась. Злыдень неслышно подобрался ко мне неподобающе близко. Затрещину ему отвесить, что ли? Да боюсь не дотянуться. Не при нашем, так сказать, росте. Поэтому я просто зашипела рассерженной кошкой, вызвав очередную глумливую усмешку.

— Все. Можно смотреть. — Михай слегка притопнул, чтоб сапог лучше сел.

— А с волосами что случилось? — спросила я, мельком глянув на предателя.

— Не зубы, отрастут, — провел тот ладонью по затылку. — После перекидывания всегда так.

Теперь малорослик щеголял короткой прической, навевающей воспоминания о трехдневной щетине мохнатовского старосты Платона Силыча. Точно такая длина и оттенок у него иногда пробивается, только на подбородке. Так перевертыш выглядел еще моложе.

— Не могу его видеть, — повинился Михай хозяину. — Думал, вцеплюсь поганой твари в глотку, а там будь что будет.

— Я тебя понимаю, — успокоил Влад побратима. — Только сам знаешь, тебе против Ива не выстоять. Одним щелчком пришибет.

— И откуда такая ненависть? — полюбопытствовала я.

Михай уж было открыл рот для пояснений, но господарь его бесцеремонно перебил:

— Потом за чарочкой воспоминаниями поделитесь. Сперва о деле надо подумать.

— Это о каком? — вспылила я. — Мне-то только по терему князьему бродить остается, пока ты вход в Заповедную пущу отыщешь.

— Вот и ходи, — согласился Влад. — Да так, чтоб тебя люди видели, чтоб пообвыкли к твоему присутствию.

— А князь, а вещун Трисветлый, а карты волшебные?

— Я же тебе объясняю... — начал Дракон. — Погоди, а с чего ты взяла, что они непростые?

— Во-первых, — загнула я палец, — свечение от той колоды шло; во-вторых, если б все просто было, ты б не озаботился меня останавливать; в-третьих...

Я замолкла, переводя дух.

— Продолжай, — подбодрил меня Влад.

— Запах такой пошел в воздухе, вроде как ливень перунный близко...

— И что?

— А то, что видала я похожие предметы.

— Может, ты и о действии тех предметов осведомлена? — свысока спросил князь.

Этакого пренебрежения я снести не могла.

— Да! — почти крикнула я сердито. — Они заставляют забывать!

Господарь обменялся с Михаем многозначительными взглядами.

— И что из этого арсенала есть у тебя? — вкрадчиво спросил злыдень.

Но я уже прикусила язык, коря себя за неосторожность. Братчикам достаточно мою сумицу с пожитками перетряхнуть, чтоб наложить лапу на имущество. А она где осталась? Правильно, в горенке у злыдня, под шаховым столиком примостилась. Не могла же я при франкском облачении холщовую суму при себе держать. А там — и блюдце демонское, и гребень, и записи всякие, для дела необходимые. А больше-то у меня и нет ничего. Только еще подвеска покойной магички. Моя-то при мне — на шее, скрытая новомодным эршапом. А синенькая, чужая — там, где-нибудь на самом доньшке лежит.

— Откуда у деревенской ведьмы этикие редкости сыщутся? — на всякий случай проговорила я. — Сам посудите...

Влад сделал вид, что поверил. А я решила для себя побыстрее хозяйство перепрятать.

Только надо придумать, как от валахов отвязаться.

— Дело превыше всего, — решительно сказала я, направляясь к выходу. — Надо же и на людей посмотреть, и себя показать.

У стеклянных рядок мы оказались довольно быстро. Влад галантно распахнул передо мной дверь, потянув за ручку в виде львиной лапы, и я опять окунулась в шум праздника.

За время нашего отсутствия градус веселья слегка повысился. Некоторые гости уже нетвердо стояли на ногах, слышался громкий смех, количество танцующих увеличилось. Княжеский трон пустовал: видно, официальные церемонии подошли к концу. Растреклятый господарь следовал за мной, будто телок на веревке, не отпуская дальше чем на шаг. Он явно скучал, равнодушно задерживаясь взглядом лишь на хорошеньких дамских личиках. Кстати, честно говоря, успехом у барышень он пользовался преизрядным. Казалось, каждая считала своим долгом наградить валашского Дракона томным взглядом очей и чарующей улыбкой. Пригласил бы какую прелестницу, честное слово. А то ведь по правилам даме инициативу проявлять не положено. Менуэт, чай, не котильон... И тут меня озарило. Мимо проходил подавальщик с напитками. По центру подноса среди бокалов стояла в вазочке махровая алая роза. Я ухватила колючий стебель. Эх, расцеловала бы свою демоницу за то, что показывала мне разные балы иноземные. И за то, что про игру в фанты рассказать не преминула!

Почти подбежав к ближайшей паре, я сунула раскрасневшейся от танца даме цветок и протянула руку кавалеру. Они поняли замысел без слов, и барышня отправилась на поиски партнера для следующего танца. Надо ли говорить, что им оказался Влад, иронично округливший брови, но послушно последовавший за кокеткой. Дама, которой господарь не достался, вертела в руках розу, высматривая добычу в толпе мужчин. Игра началась! Сейчас всем станет еще веселее. За считанные минуты фант обойдет всех танцующих и пустится по второму кругу. Одному — партнер для танцев, другому — возможность выбора. Пары будут тасоваться, как карты в невиданной вещунской колоде, и всем будет не до меня.

— А как же зарок? — раздался робкий голос моего кавалера.

К слову, им оказался давешний рыжеволосый приставала.

— Времени сколько? — спросила я у Сандро с интонациями строгого наставника.

— Полночь, — испуганно ответил недоросль. — Только что куранты пробили.

— Вот как раз с двенадцатым ударом срок обетницы и истек, — пояснила я, увлекая парня в вихрь танца.

Очень быстро я убедилась, что котильон — это моя стихия. Никто особо не наблюдает, исполняешь ты фигуры в точности или мухлюешь через раз. В этом танце смысл-то другой, фривольный, отнюдь к пластическим искусствам отношения не имеющий. Котильон — это такая себе рыбацкая уха, куда чего наловят, то и бросают. Да и столько, бывает, накидывают при хорошем клеве, что ложка в котле стоит. Я могла хоть вприсядку по кругу идти, ни у кого бы это удивления не вызывало. «Раз-два, три-четыре», — бормотала я под нос, чтоб со счета не сбиться. А тело, казалось, само выполняло все подскоки, поклоны и приседания, входящие в объявленную позицию. Распорядитель уже охрип, выкрикивая из центра зала франкские названия танцевальных фигур.

— Ваша божественная грация... — прохрипел партнер, когда мы на мгновение оказались лицом к лицу.

Следующим движением был резкий поворот, и договорить свой дивный комплимент недоросль не успел.

— Дыхание побереги, — посоветовала я, когда в следующий раз распаренное рябое лицо оказалось в пределах видимости. — Тебе меня еще до выхода из залы дотанцевать надо.

Видимо, молниеносное превращение жеманной франкской девы в вежливую и сосредоточенную меня что-то подкосило в жизненных устоях моего кавалера. А может,

просто бешеный ритм танца успел его утомить. Скрипачи наяривали от души, все убыстря и убыстря мелодию.

Я мельком поглядывала на массивную двустворчатую дверь, возле которой мне хотелось оказаться как можно быстрее. Эх, далека дороженька — почитай, еще полкруга проскакать придется. А партнер мой тем временем совсем скис — с ритма сбивается, в ногах путается, вот-вот растянется на полу на потеху разгоряченной публики.

— Соберись! Ты же мужик! — подбодрила я недоросля. — Немного осталось.

Видно, маменька у моего кавалера — женщина очень властная. Чем же еще объяснить, что после окрика парень весь подобрался и вполне достойно продолжил движение?

И опять меня посетило гаденькое ощущение чужого взгляда — тяжелого, злобного. Уголком глаза я заметила оживление на хорах, как раз напротив того места, где расположились музыканты. Прищурившись, я во всех подробностях успела рассмотреть юркого господина в оливковом камзоле, который, заметив мое любопытство, мгновенно исчез. Смуглый и темноглазый, с большим кривым носом и шапкой мелкозавитых кудрей. То ли парик, то ли свои волосы на букли накручивает. А вообще — на барана похож, если бывают они такой яркой вороной масти.

— Бабочки! — объявил распорядитель.

— Выход, — прохрипел Сандро.

Я до поры выбросила из головы мысли о загадочном незнакомце и присела перед недорослем в глубоком реверансе. Тот, вспомнив о правилах куртуазности, лепетал что-то о бесконечном счастье и нескончаемом удовольствии. Да только время поджимало. Хаос галопирующих пар вот-вот сменится четкими построениями променадов.

И я просто вышла за дверь.

ГЛАВА 11

О вероломном похищении, кровавом жертвоприношении и подлом обмане

Спечь 10 яблок, протереть их сквозь сито, добавить 1 горсть муки, размешать, положить в форму и поставить в печь, пока не подрумянится. Подавать с медом.

Я бежала по переходу, придерживая юбки и отбивая четкую дробь каблучками туфельек. Быстрее, быстрее... Нещадно колело в боку, пот застил глаза, воздух просто разрывал легкие. Тот, кто преследовал меня в переплетении коридоров, свое дело знал — он загонял меня с азартом и осторожностью опытного охотника. Я же в полной мере ощутила себя в роли беспомощной жертвы, из последних сил пытаюсь убежать, спастись, спрятаться.

Кто ж знал, что моя попытка самой отыскать княжью горницу обернется таким чудовищным финалом? Ничто ж не предвещало, ёжкин кот!

Я быстро оставила позади двустворчатые двери зала для приемов. Поначалу мне еще попадались то одинокие скучающие стражники, лениво провожающие меня взглядами, то милующиеся в полутьме парочки, которым и дела ни до кого не было. Затем освещение стало менее ярким — светильники горели через один, и праздничный шум перестал быть слышен. Я вздохнула с облегчением — стало быть, не догонят меня теперь валахи. Я шла уверенно, так сказать, держа нос по ветру. Все повороты я помнила, подумаешь, эка невидаль. В лесу и не так плутать приходилось. Бывало, бредешь себе по тропиночке, бурчишь что-нибудь под нос да вешки примечаешь... И тут до моего слуха донесся звук осторожных шагов. Я остановилась. Преследователь тоже. Я пошла быстрее. Тот, кто шел за мной, тоже возобновил движение. Я ощутила тревогу, но, преодолевая внезапно нахлынувший липкий страх, обернулась и двинулась навстречу неведомой угрозе.

Его глаза были странно выпячены и совершенно безумны. Дыхание вырывалось из глотки с шипением. Через подбородок стекала пенная дорожка слюны, марая оливковую ткань камзола. Бешеный баран! Обхохочешься. Только вот чего-то было не до смеха.

— Ай-ай-ай. — Косматая голова качнулась из стороны в сторону. — Такая хорошенькая мадемуазель и без кавалера...

Я сглотнула и попятилась, не отрывая взгляда от тонкого трехгранного лезвия, которое покачивалось на уровне моего лица. Вот так же люди себя ведут, если случайно разворошат осиное гнездо. Ни одного лишнего движения, чтоб ядовитое жало не оказалось в твоём теле. Преследователь наступал, сжимая кинжал в левой руке.

— Тебе нравится моя маленькая игрушка? Конечно, девочкам нравится все изящное...

Я молчала.

— Это называется дага. — Он еще на шаг сократил разделяющее нас расстояние. — Швабы знают толк в холодном оружии. Правда, красиво?

Я кивнула. Преследователь довольно осклабился, видимо оценив мою покладистость.

— А теперь — сюрприз!

Раздался сухой щелчок, лезвий стало три. И я побежала не разбирая дороги. Охота началась.

Если вам снится побег — это считается неблагоприятным знаком. Значит, предприятие, которое вы затеяли, обернется неудачей. Ёжкин кот, лучше бы это был сон! Я из последних сил толкала вперед непослушное тело, с ужасом понимая, что еще чуть-чуть — и все, не смогу, сломаюсь, сдамся на милость победителя.

По захламленной винтовой лесенке, оказавшейся на моем пути, я скатилась чуть не кубарем. Темно. Ну да это не беда — ночное зрение меня еще не подводило. Через пару мгновений можно было уже рассмотреть очертания окружающих меня предметов. Я заполошно заозиралась, отыскивая местечко поукромнее. Судя по густым занавесям

паутины и вековой пыли в углах, в этой части терема давно никто не жил. Или вообще никто и никогда. Толстые бревенчатые подпорки, низкий потолок, ни одного окошка, голые стены... В своих метаниях я оказалась под княжьем теремом, так сказать, в подвале. Из глубины помещения медленно выдвинулась неясная белая фигура. Приблизилась, шурша многослойными юбками.

— Доброй ночи, — пролепетала я, всматриваясь в резкие черты лица загадочной дамы.

Темные локоны обрамляли округлое лицо с пухлыми бледными губами и тяжелыми веками усталых глаз. Неизвестная особа была не так уж и молода. Заметив небольшие морщинки, сбегающие вниз от крыльев крючковатого носа, я решила, что дама давно разменяла четвертый десяток. Незнакомка широко улыбнулась:

— Наконец-то ты привел ее, Джозеф...

Теперь я ее узнала. Именно этот томный голосок слышала я за стеной княжьей горницы. Девица Марианна Алансон — предсказательница, ворожка и просто красавица. Моей последней мыслью, перед тем как я провалилась в беспамятство, была: «А Козятин-то гораздо ближе, чем кажется...»

Дин-дон! Бренчат далекие колокольцы. Дин-дон, проснись, красавица! Не время сейчас спать... Звенят, тренькают, теребят:

Frere Jacques, Frere Jacques, Dormez-vous? Dormez-vous? Sonnez les matines, sonnez les matines Ding ding dong, ding ding dong.

А мне, как и мальчишке из песни, хочется еще чуток понежиться под стеганым одеялом.

Братец Яков, братец Яков! Спишь ли ты? Спишь ли ты? Колокол на башне, колокол на башне: Дин-дин-дон! Дин-дин-дон!

Вот сейчас попрошу бабулю, чтоб не будила, чтоб позволила соснуть еще пару минуток. Дела подождут, когда так сладко дремать, прижавшись к теплому печному боку, когда так вкусно пахнет каша, томящаяся в казанке в ожидании, когда в нее плеснут свежего молочка.

— Рассвет скоро, — говорит бабушка раздумчиво. — Указанное время и место.

«Знаю, знаю, — хочу ответить я. — Рассвет тоже подождет...» Только не шевелятся мои губы, видно, им тоже не хочется просыпаться.

— Ты уверена, что с помощью этой зубочистки сможешь открыть вход? — шутейно вопрошает Яга мужским голосом.

Ах, как я люблю, когда бабушка лицедеит да на разные голоса сказки рассказывает. У нее это отменно получается. Только обычно она меня так перед сном балует, а не поутру...

— Не сомневайся, любимый, карты не врут. Кровь невинной девы в рассветный час...

— Мне немного жаль малышку — она просто случайно оказалась у нас на пути.

— Плевать! — Гневные слезы слышатся в голосе бабули. — А меня кто пожалеет?! О Джозеф, валах говорил мне страшные вещи. Он оскорбил меня!

— Ты отомстишь ему, моя воительница?

— О да! Ублюдок поймет, с кем связался, когда будет собирать ошметки своей подружки по всей округе...

Ублюдок? Уж таких-то слов у бабушки отродясь не было.

Я распахнула глаза. Сверху нависали голые ветви деревьев, расчерчивая серое предрассветное небо. Мне показалось, что это шевелятся лапы огромных пауков. Сдержав рвущийся из горла крик, я выровняла дыхание. Нечего сразу на рожон лезть — оглядеться надо, прислушаться. Авось лиходеи что полезное для меня сболтнут, или

случай удобный для побега представится. Осторожный осмотр из-под век уверенности мне не добавил. Место совсем незнакомое — какая-то поляна в лесу. Всего-то и примет, что не ельник, а полупрозрачная березовая роща. Охохонюшки... И пить хочется просто зверски, и морозец уже пробирается под одежду. Представляю, в какие живописные лохмотья превратилось богатое франкское платье. Тьфу, нашла о чем думать! Тут уж чего бы поважнее не лишиться...

Похитители продолжали беседу, абсолютно не обращая на меня внимания. Судя по доносящимся до моего слуха щелчкам, Джозеф баловался со своим хитрым кинжалом.

— Воронов не очень-то хотел расставаться с семейной реликвией... — Марианна щебетала, будто не в глухом лесу находится, а дома гостя дорогого приветчает.

— Зачем дикарю дуэльное оружие? Леворукий кинжал, да еще с шарнирными клинками, — поддержал игру Джозеф. — И это в стране, где отношения выясняются чуть ли не на кулаках.

— Его отец привез эту дагу откуда-то с Востока. И никто в семье графа даже не догадывался, что костяные пластины, которыми инкрустирована рукоятка, из рога единорога. Кто-то постарался замаскировать жертвенный нож под безделушку.

— Но тебе пришлось спать с этим мужланом...

— Брось! Дело того стоило.

— Может, ты получала удовольствие?

— Не ревнуй, дурачок. Ты же знаешь, я люблю только тебя.

— Иногда я в этом сомневаюсь.

— О-о-о...

Страстные вздохи явно указывали на то, что девица вознамерилась доказать свое благорасположение прямо здесь и сейчас. Я изо всех сил сдерживалась, чтоб не рассмеяться. Вот ведь потеха! И зачем только люди такими глупостями занимаются? Да еще и на морозе... Брр... Нет, мне этого никогда не понять.

Отброшенный впопыхах кинжал, описав широкую дугу, упал в снег буквально в двух вершках. Вот он — случай!

Я резко села, подминая подстеленную холстинку, и схватила оружие.

— Посмотри, Джозеф, наша маленькая овечка пришла в себя.

Похитительница легко вскочила, запахивая светлую шубку.

— Очнулась? — Подельщик просто повернулся в мою сторону. — Я уж было подумал, что проломил тебе череп.

— У меня крепкая голова, — сказала я по-франкски, с трудом поднимаясь на ноги и поудобнее перехватывая дагу. — Чем обязана приятности нашей встречи?

Язык не слушался — то ли холод был тому виной, то ли предрассветное ослабление господарева колдовства. Поэтому вопрос получился довольно резким.

— Можешь поблагодарить Дракона, — фыркнула Марианна. — Мне нет дела до рутенских наложниц.

Еще и обзывается, злыдня!

— Чего ж так? — выверилась я. — Научила бы каким хитростям с высоты, так сказать, прожитых лет. У тебя ж опыт большой...

— Мерзавка! — завизжала ворожка и ринулась ко мне.

— Назад! — выставила я перед собой оружие.

Дева замерла.

— Брось перышко, малышка, — вкрадчиво начал Джозеф. — Ты все равно не умеешь им пользоваться.

Он поднялся легко. Вскочил на ноги единым плавным движением. Такая сноровка, в моем понимании, достигается долгими тренировками. Супротив вояки мне даже и с ножичком не выстоять. Чего ж делать-то?

— Ну, поломать-то его я завсегда смогу! — крикнула я в отчаянии.

— Ты не посмеешь... — неуверенно сказала ворожка.

— А вы попробуйте отнимите, — хорохорилась я. — А там поглядим.

Отскочив на пару шагов, я взялась свободной ладонью за острие. Похитители стояли неподвижно, только перебрасываясь быстрыми, осторожными взглядами. Все помолчали. Мне придумывалось только два варианта развития событий. В первом, желанном, я поворачивалась спиной к странной парочке и бежала так, что пятки сверкали. Ага. Только далеко ли я по снегу в легких туфельках доковыляю, прежде чем догонят меня лиходеи? А другая вариация подразумевала попытку договориться. С кем? С двумя безумцами, притащившими меня в лес для свершения какого-то черного дела? Хотя не на своем горбу же они меня волокли. Где-то неподалеку должны быть лошади. Эх, узнать бы еще, в какой стороне. Я напрягла слух в надежде уловить хоть отголосок ржания. Тщетно.

— Чего ты хочешь, малышка? — Джозеф сам решил начать прелиминарии. — Мы можем все спокойно обсудить.

Я щелкнула ногтем по лезвию, вызвав высокую звенящую ноту. Лицо Марианны напряглось. Понятно! Залог для переговоров выбран верный — ножичком они, в отличие от моей жизни, дорожат.

— Я хочу вернуться в Стольный град, желательно — целой и невредимой, — сделала я первый разведочный ход. — И побыстрее.

— Быстро не получится, — честно ответил франк. — Ты откроешь нам путь в Заповедную пушу и можешь быть свободна.

Да уж, как по нотам представляет. Мне очень хотелось поверить, что дело именно так просто и сделается. Значит, в поисках заветного места Марианна опередила моего работодателя. Сильна бестия, ничего не скажешь!

— А как я его отворю? Вы же меня до смерти запырять намерились?

— Да нет, — отмахнулся Джозеф. — Хватит нескольких капель субстанции. Ты сама себе палец наколешь, когда время придет.

— Скоро? — наморщила я лоб.

— На заре, — ответила Марианна. — Недолго ждать осталось.

Складно получается. Они, значит, отправятся индрикеры рога добывать, а я к своему... валаху несолоно похлебавши вернусь. По уму — это неплохое решение. Место-то я теперь знаю, так что и в другой раз ход отворить смогу.

— Вы оставите мне нож, — решила я.

— Конечно, конечно, — согласился франк.

— Только он тебе больше не пригодится, — фыркнула Алансон.

— Чего это?

Но девица уже прикусила язык, остановленная тычком поделника. Я широко улыбнулась и перегнула лезвие.

— Только один раз — одно место, одно время, один артефакт, — зачатила Марианна испуганно. — Высшие арканы четко указали направление. Колесница солнца — лунная ладья, счастье — несчастье, радость — печаль...

Глаза гадалки побелели, губы дрожали, она выкрикивала слова со скоростью долбящей вертишейки. Интересно, как часто ее кроет? Это ж никакого здоровья не хватит — так пророчить.

Ворожка опустилась прямо на землю и, обхватив себя руками, продолжала всхлипывать:

— ...свет и тень, холод и тепло, добро и зло, любовь и ненависть...

— Все вместе в пушу пойдём, — прервала я почти затихшее камлание.

— Могу я поинтересоваться... — Джозеф помог подняться любовнице. — Зачем тебе это нужно?

— У меня свой интерес, — вздернула я подбородок. — Предлагаю временное перемирие.

— Согласен, — протянул руку лиходей.

Я отшатнулась:

— Держись от меня подальше. А не то...

Угроза в который раз сработала. Франки, не делая больше попыток приблизиться, расселись около небольшого костерка, который Джозеф ловко разложил тут же на поляне. Я, нахохлившись, устроилась напротив, до боли сжимая трехгранное лезвие. Мы стали ждать.

Марианна положила голову на плечо своего милого друга. Тот нежно обнял ее, укачивая, как ребенка. Ну просто идиллия среди зимнего леса! Я уставилась на огонь. Сыроватые ветки искрили, будто знакомый стихийник готовился плести свою волшбу. Как он там сейчас? Все ли с ним в порядке? Здоров ли? Эх, побыстрее бы с ингредиентами вернуться... Но власть помечтать чего-то не получалось — назойливый колокольный звон все не отпускал. Видать, мое заявление про крепость головы было слегка преувеличенным. Знатно меня похититель по темечку приложил. Вот сейчас и аукается.

— Тебя настолько очаровал Дракон? — ласково спросила Марианна.

— Еще чего, — отмахнулась я, вступая в разговор, просто чтобы отвлечься. — Он меня за деньги нанял.

— Ну да, — лукаво подмигнула ворожка. — Я сделаю вид, что поверила.

— Мне твоя вера без надобности, — отрезала я. — Нечего было про девичество врать. Тогда, может, и сама...

Я запнулась, кляня свою неосторожность и излишнюю бойкость языка.

— Значит, и у стен есть уши? — Ответа собеседница и не ждала. — Можно я не буду перед тобой оправдываться?

— Речи свои повинные для него вон побереги.

Джозеф оскалился. Он явно получал удовольствие от нашей перепалки.

— Ах ты, маленькая злюка, — погрозила Марианна пальчиком. — Того ты не скажешь, про другое слушать не будешь... Как же нам скоротать время? Тогда уж сама выбирай тему для беседы.

Мне хотелось узнать о разных разностях: о том, как она познакомилась с Владом, насколько часто ее посещают видения, что связывает девицу со странноватым и опасным Джозефом, зачем ей я и, наконец, что такое арканы... Но вместо всего этого у меня вырвался простой вопрос:

— Как ты стала ворожкой?

— О, это забавная история, — невесело улыбнулась франкская дева. — Тебе понравится...

Марианна Клошард была талантливой предсказательницей. С самого детства, сколько она себя помнила, ей мерещилось таинственное и загадочное. То привидится сияние вокруг чьей-то головы, то полупрозрачная фигура за чьим-то плечом... А иногда она видела, как тени людей — знакомых или просто случайных прохожих, будто бы расслаивались, растекались в разные стороны, намечая возможные направления. Очень быстро она научилась определять состояние человека по яркости и цвету ореола, а варианты развития событий — по неясным теням. Ее родители — забытые крестьяне из предместья небольшого городка Алансон — не рады были способностям дочурки. Тайком скручивая пальцами обережные знаки, вспоминали, что родилась малютка вовсе даже и не в срок и слишком быстро проклюнулся у младенца первый зубик. «А еще, помните, на свет появилась уже с волосиками — длинными и черными как смоль». И даже то, что цвет шевелюры с возрастом слегка поблек, стал каштановым, не утешало родителей. Соседские дети юную Марианну сторонились, взрослые тоже не привечали, хотя послушно платили за предсказания указанную цену. Так что неудивительно, что уже в двенадцать лет будущая девица Алансон оказалась одна-одинешенька на дороге, с котомкой в одной руке, посохом в другой и с медяками, зашитыми в подол плаща. Она шла в столицу самой большой франкской провинции — предложить свои услуги правителю сеньору дю Беллю. Жизнь казалась простой и приятной, а будущее — блистательным. Действительность оказалась гораздо жестче. Когда девочка наконец добралась до Каора, в замке ее просто никто не стал слушать. И сколько ни твердила она стражникам о своей исключительности и великой судьбе, к сеньору ее так и не допустили. Еще и гнусно подшутили, отобрав бесценный плащ, да отвесили с пяток тумачков, чтоб не отвлекала от несения службы. Вот так нищая, оборванная и голодная Марианна начала новую самостоятельную жизнь.

— А ты заранее не просчитала, что так будет? — заинтересованно спросила я Марианну.

— О, если б это было так просто... — грустно ответила ворожка, рассеянно глядя на огонь. — Я тогда не умела составлять предсказания для себя. Да и кто я была? Невежественная крестьянка, наглая девчонка, требующая к себе особого отношения...

Джозеф подбросил в костер еще веток. Удушающий дым повалил в мою сторону, но я продолжала сидеть как влитая, все так же сжимая двумя руками жертвенный нож. Край неба наливался алым.

— И ты вернулась к родителям?

— Я хотела... но тут вмешалась судьба.

Судьба носила имя мэтра Альмютели, личного астролога правящего дома. Он подобрал замарашку буквально у стен замка, привлеченный неясным ароматом дара, витавшим вокруг худенькой фигурки. Альмютели согрел, накормил, одел девочку, сделал ее своей помощницей. Младшей, ибо место правой руки было занято обстоятельным и вдумчивым юношей по имени Джозеф Буланже. Альмютели научил Марианну соотносить свои предсказания с движением звезд на небосклоне и специально для нее разработал колоду магических карт, фокусирующих ее таланты наилучшим образом. Он с гордостью демонстрировал свою ученицу сильным мира сего. Так пришла к девице Алансон известность. Имя Клошард осталось в прошлом — вместе с неласковыми родителями и злосчастным крестьянским бытом.

Голова кружилась, карусельно проносились перед моими глазами лица похитителей, дымящийся костерок, ветви деревьев, рассветное солнышко, показавшее круглую макушку из-за горизонта.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я.

— Чтоб отвлечь тебя, моя дорогая жертвенная овца, — победно улыбнулась ворожка. — Как же еще было заставить тебя вдыхать дурманнный дым? Джозеф недаром подсыпал в костер магический порошок.

— Кстати, это мое изобретение, — кичливо проговорил франк. — Я ведь недурственный алхимик, малышка.

«А интересно, обычные люди в этом мире существуют? Которые не перекидываются в волков, не сплетают нити судьбы, не призывают стихии, не вещуют? — лениво подумалось мне. — Или это у меня судьба такая — водиться только с магами да колдунами?»

Говорить я уже не могла. Хотелось встряхнуться, раскрыть пошире глаза, но отяжелевшее тело не слушалось. Ветер! Где мой ветер, когда он так нужен? Чтоб налетел порывами, разогнал морок. Нет его. Только набатный колокольный звон забивает уши, мешает собраться с силами. И с каждым вдохом впускаю я в себя очередную порцию отравы.

— Твой великолепный Влад на самом деле наивен, как новорожденный теленок, — входила в раж Марианна. — Я просто ушам своим не поверила, когда валашский господарь предложил мне отправиться в Рутению. О боги! Заповедная страна единорогов! Да это же золотая жила, рог изобилия, мечта...

— Время, — поторопил подругу Джозеф.

— Я знаю, — ответила та, не отводя от меня взгляда.

Мириады серых мушек кружились между нами в воздухе.

— Змея! — вдруг истошно завизжала ворожка. — У тебя в руках змея!

Я отбросила извивающееся шипящее тельце за мгновение до того, как отравленные зубы гадины должны были вцепиться в мое запястье. С металлическим звоном отскочив от тупоносого Джозефова ботфорта, кинжал упал в снег.

— С магическими артефактами надо быть очень осторожными, — пояснила Марианна, поднимая оружие. — Их невозможно отобрать силой или украсть. Только получить в подарок или найти потерянное.

Я равнодушно смотрела на трехгранное лезвие, сожалея, что так и не разобралась, где расположена хитрая пружина, откидывающая в стороны боковые клинки.

— Ты слышишь? — вдруг сказал Джозеф.

— Что? — остановилась на мгновение Марианна.

— Колокол. Звонит колокол.

Значит, мне не померещилось и звук самый что ни на есть настоящий.

— Сейчас, — просто сказала гадалка Марианна Алансон и вонзила мне в грудь великолепную швабскую дагу.

Боль привела меня в чувство. Мушиный рой развеялся как по волшебству. Я заорала, пытаюсь зажать рану. Кровь выходила толчками, марая мое чудесное платье и притоптанный снежок. Она просачивалась между моими пальцами, и я четко понимала, что вместе с этой ярко окрашенной субстанцией утекает моя жизнь.

— Кто тут идет-пробирается? За какой такой надобностью?

Мои убийцы удивленно озирались, пытаюсь определить, откуда доносится голос. А тот, казалось, звучал со всех сторон, переплетаясь со звуками набата.

Раздвигая напозающую из леса хмарь, приблизилась фигура. И едва я заметила ее, колокольный звон прекратился.

Она была стара, как этот мир, старше этого леса, старше этого неба. Бабушкой ее просто язык не поворачивался назвать. Бабушка — это что-то родное и привычное: ватрушки с расстегайчиками, подзатыльник за баловство, кружка душистого взвара и сказка на ночь. Эта же старуха была величественна и равнодушна. Двигалась она с грацией и легкостью, которой могла бы позавидовать любая молодка. Абсолютно седые, ничем не стянутые волосы укутывали ее, будто диковинный плащ. Коричневое лицо было изборождено глубокими морщинами, казалось, что на дне каждой из них беловато поблескивает кость. Глаза выцвели до такого светлого оттенка, какой бывает только у неба в яркий солнечный день, и смотреть в них было так же больно. И одета она была очень для меня непривычно — в узкие кожаные порты, подпоясанную рубашу и высокие сапоги. Примерно в таких же нарядах щеголяли Елисеевы дружинники, когда на привале снимали с себя доспехи. И это противоположение старушечьего лица с молодым, налитым силой телом вызывало оторопь, почти животный страх.

— Чего тут с тобой? — сказала старуха, приближаясь ко мне на расстояние вытянутой руки. — По доброй ли воле кровью за проход платишь?

— Нет! — почти прохрипела я.

Старуха ухватила за рукоять кинжала, марая ладони, и легко вытащила из меня лезвие. Поднесла свою добычу к лицу. Ноздри затрепетали, губы расплзлись в хищной улыбке, обнажив белые крупные зубы.

— Хороша жертва...

— Мы не посягаем на границы твоих владений, Мейера, — угодливо проговорила Марианна. — Повешенный у трех дорог рассказал, что здесь дают хорошую цену за наш товар.

— Значит, не зря висит, — ответила хрычовка. — Беру.

Перекинув из-за спины кожаный мешок, она протянула его ворожке. Джозефа, который отошел подальше от места свершения сделки, она будто бы и не замечала. Марианна благоговейно приняла суму, прижав ее к груди.

— Можно ли будет нам продолжить благотворное сотрудничество? — лепетала гадалка, заливаясь румянцем. — Не соизволит ли мудрейшая указать время и место?

Старуха сплюнула под ноги. Я проводила взглядом комок зеленоватой слюны.

— Нас осталось так мало, а девственниц в вашем мире так много... Десять лет проход будет закрыт. Я сказала.

И дага, брошенная ловкой рукой, вонзилась в снег по самую рукоятку.

Старуха, обернувшись ко мне, приказала:

— Пошли.

Я бы, может, и рада была исполнить повеление, но при первом же шаге пошатнулась и свалилась на землю.

— Э как тебя неаккуратно-то пырнули, — проговорила Мейера.

Мельком взглянув на рану, она поплевала себе на ладони и приложила их к моей груди. Меня обожгло огнем, я закричала.

— Норовистая какая, — усилила нажим колдунья. — Но-но, не балуй... Погоди еще немножко. Все!

Боль медленно отступила, забрав с собой даже дымовую одурь. Голова стала ясной, а тело налилось силой. Я легко поднялась, оцупывая место пореза. Там, где вошел кинжал, платье было разодрано, открывая поверхность глянцевого розового кожи. Примерно так выглядят обычные шрамы через много лет после заживления.

— Благодарствую, — вежливо проговорила я. — Это у тебя, бабушка, слюна такая

волшебная?

— Это пуца у меня волшебная, — хитро улыбнулась старуха.

— А где она? — подняла я брови.

— Да вот, — широко развела руки собеседница. — Это она и есть.

Я огляделась. Густая трава отливала всеми оттенками зелени, в кронах берез щебетали птицы, и через все небо коромыслом перекинулась многоцветная радуга.

— А франки куда подевались?

— Они здесь, — пояснила старуха. — Просто за гранью остались. Да ты сама можешь увидеть, если поднатужишься.

Я прищурилась, пытаюсь поймать то ли тень, то ли морок, мелькающий где-то за пределами видимости. Вот они, голубчики. Будто за мутной стеклянной стеной. Суегливо разбирают содержимое кожаной котомки, переговариваются. Марианна восхищенно всплескивает руками, Джозеф хохочет, по-лошадиному закидывая косматую голову. А за порогом-то все так и осталось — утопанный сероватый снег, дымный костерок, смятая холстинка... Вот из-за голых стволов деревьев выскочили фигуры. А много-то как! Десятка два, не меньше. Франки встрепенулись, попытались бежать, но их догнали и скрутили в два счета. Интересно, что за дела творятся в пределе, который я оставила? И лишь рассмотрев высокую фигуру в черном, выступившую последней на сцену побоища, я догадалась, в чем дело. Исполнили «тени» господарев наказ, отыскали заветный переход. Да поздно. Дракон сосредоточенно озирался; высмотрев место, где меня закололи, подбежал, опустился на колени, ощупывая руками кровавые следы. Губы его шевелились. Да только вот не расслышать мне отсюда, из пуци Заповедной, о чем говорит валашский князь. А ему и того больше — не увидеть меня, бедовую.

— Влад! — прошептала я, сама не веря в удачу. — Я здесь...

На мгновение, перед тем как стерлась призрачная грань, мне показалось, что мы с Драконом встретились взглядами. Он покачал головой, и все исчезло.

Краски стали еще ярче, залиvistее распелись пичуги, легкий ветерок одарил густым ароматом цветущей вишни. У меня на глазах выступили слезы.

— Налюбовалась? — строго спросила Мейера.

Я обреченно кивнула.

— Тогда пошли. — Старуха взяла меня за руку и повела по тропинке.

ГЛАВА 12

Об основных задачах коневодства

Волк и овца сватьями не станут, а если и станут, овца не обрадуется.

Сколько слов существует для определения зеленого цвета? И малахитовый, и буро-зеленый, и салатный, и горчичный... Ой, да мало ли их — для каждого оттенка. Здесь же, в Заповедной пуще, можно обойтись и одним. Только я такого слова не знаю. Как можно назвать яркий, очень яркий, такой яркий, что глазам больно, зеленый? Зеленющий? Ну может, и так... Здесь вообще всех красок было в избытке, но только каких-то лубочных, без переходов и полутонов. Если цветок, то солнечно-желтый с медово сочащейся нектаром сердцевинкой; если белка, то рыжая, как язычки пламени; даже надкрылья жуков были такой черноты, что самая глухая ночь в сравнении не темнее сумерек покажется. И запахи густые, хоть ложкой ешь, и звуки...

— Мир наш по устройству похож на лоскутное одеяло, — рассказывала Мейера, проводя меня по едва заметной тропке, петляющей в весеннем лесу. — Много народностей, много языков, каждый люд на своем шматке живет-поживает. А в некоторых местах ветошка-то и расходится. Вот так и мы — индры. Когда-то в незапамятные времена близко к вам жили — плечом к плечу встречали опасности, вместе невзгоды преодолевали. А потом рассорились — из-за вашей людской жадности и подлости. И решили мы оторвать наш лоскуток, чтоб не ходили к нам захватчики, не разоряли наши рощи да не убивали нас смертью лютой. И только несколько тонких волоконце соединяет теперь ваше поднебесье с нашим. И у каждого перехода бдит мудрейшая, оберегая путь...

— Бабушка, а когда ты в лошадку перекинешься? — спросила я, едва поспевая за пружинящим шагом проводницы.

— Не время для вопросов, — отрезала та, еще ускоряя движение.

Стена деревьев неожиданно раздвинулась, выпуская нас на небольшую полянку, со всех сторон окруженную густым лиственным лесом.

— Садись. — Мейера указала мне на мшистый чурбачок, выросший в землю у стены хибары.

Избушка ее была земляной, только с одного бока прикрытой бревенчатым срубом. Если с другой стороны полянки глянуть — так только холмик и увидишь. И хозяйства никакого не наблюдается: ни козьего загона, ни курятника, ни грядки какой с овощами. Я послушно уюстилась. Колени мои оказались при этом чуть не у подбородка. А неустойчивость и небольшой размер посадочного места заставляли все время балансировать, чтоб не упасть.

Старуха вошла в жилище, пошарудела там чем-то и вынесла стопку чистой одежды.

— На вот. Примерь.

Я с облегчением вскочила.

— А теперь-то вопросы задавать можно? — осторожно начала я разговор, натягивая узкие порты и длинную домотканую рубаху, сестрицу той, в которой щеголяла хозяйка.

— Умные можно, — кивнула та. — А за глупые — накажу.

Ага. Тогда первый же вопрос будет: «Как накажешь?» А его-то и я сама с лету сочту глупым и к делу не относящимся. Как там любит ворчать Иравари? «Не умножай сущности, Лутона. Спрашивай то, без чего в эту минуту не можешь обойтись. Все остальное — лишнее».

— Зачем я тебе понадобилась?

Я аккуратно сложила на буклешку лохмотья, которые некогда были великолепным бальным платьем, и поставила сверху туфельки. Другую обувь мне хозяйка не

предложила, но это ничего. Мы и босиком привычные.

— Не слишком ли гонору для жертвы? — хитро прищурилась старуха.

— В самый раз, — не согласилась я. — Жертва-то не добровольная была...

— А чего тогда пошла за мной послушно?

— А воспитания я строгого. Старость уважаю.

— И где же это у вас таких скромных дев учат?

— Там, бабушка, где вопросом на вопрос отвечать не принято.

— А... — Тут Мейера осеклась. — Вот егоза... Ну так сама подумай, для чего девчонки вроде тебя нужны.

— Может, для какой помощи по хозяйству? — раздумчиво начала я.

— Обойдусь!

— Тогда сама поведай. У меня с гаданиями не очень ладится.

— Заметно, — хмыкнула старуха. — Иначе бы с франками в лес-то и не сунулась.

— Много они меня спрашивали, — махнула я рукой. — По темечку приложили — и все дела.

— Вишь как его разобрало... — задумчиво пожевала губами Мейера. — Эй, ты это куда?!

Гневный окрик остановил меня у двери хибары. А чего такого? Интересно же, как лесная колдунья живет-поживает. Да есть ли у нее тайная комната на манер бабулиной?

— Тебе, кружилка, туда ходу нет, — оттащила меня в сторону ведьма. — До поры до времени.

Значит, внутрь меня не пригласят... Не очень-то и хотелось!

— Ты про кого мне толкуешь? — вырвала я руку. — Кого разобрало-то?

— Ну этого, который на овцу похож.

Старуха протянула ладонь, и возле ее ног послушно вспыхнул костерок. Кострища в этом месте я не заметила, как и заранее припасенных дров. Да и вообще, огонек выглядел очень непростым. Присев на корточки, я обнаружила, что горит он, не касаясь земли, на полвершка паря над примятой травкой-муравкой. Следующим пассом Мейера сотворила рядышком вышитую скатерть, на которой тут же появились долбленные площадки со снедью. В животе приветственно заурчало. И все ж мое любимое: и козий сыр, и рассыпная ячменка, приправленная здоровенным кусом масла, и пахнущий мятой густой медок, и даже дымящийся взвар в глиняной посуде.

Повинуясь жесту хозяйки, я уселась прямо на траву и предалась обжорству. Старуха устроилась напротив и уставилась на меня с материнской гордостью. Видно, не ожидала, что в меня столько харчей сразу поместиться может.

— А чего в том мешке было? — спросила я, сыто отдуваясь и примериваясь, как бы половчее отхлебнуть взвару, чтоб губы не обжечь. — Ну, который ты Марианне передала...

— А, — махнула рукой старуха. — Пыльца — бешеное зелье. Мы завсегда им с людьми торгуем.

Я отставила кружку.

— Чего ж не пьешь?

— Расхотелось...

Значит, вот какими путями алхимики вроде Джозефа себе порошки для опытов добывают.

— Попробуй, это вкусно, — не отставала старуха.

— Да пахнет уж больно знакомо, бабушка, — отвечала я. — Примерно как тот дурман, которым меня франки отравить пытались.

— Не бойся, — серьезно сказала Мейера. — То зелье особых приготовлений требует, а это — так, для здоровья и общей веселости потребляют. Тебе-то сейчас самое то...

Я чуточку подумала. По уму, мне кочевряжиться не стоит. Если бы старуха хотела сотворить со мной дурное — давно бы сделала. Да она просто могла дать мне истечь кровью. Там уже немного до смертушки оставалось. А раз лечит, кормит, одевает, то и травить ей меня сейчас не с руки.

Решительно отхлебнув напиток, я замычала от удовольствия. Вкуснее ничего в жизни мне пробовать не приходилось. Питье было сладкое и одновременно слегка горчило, тепло наполняло рот и прохладным ручейком сбегало по гортани. Будто крошечные воздушные пузырьки резвились на языке.

Видя мое восхищение, Мейера довольно ухмыльнулась. И чего это она мне показалась поначалу такой холодной и равнодушной? Нормальная старушка, даже чем-то на бабушку мою похожа. Только что не хромает и словами заковыристыми не бросается. Я широко улыбнулась в ответ и отхлебнула еще.

— Как распускается в Заповедной пуще папоротник, мы все на сбор пыльцы выходим. Цветет-то он всего ничего, за одну только ночь управляться приходится...

— Знаю, — кивнула я. — Мы тоже завсегда на Купалу всей деревней цвет папоротника искали.

— И чего, нашли? — заинтересовалась старуха.

— Не. — Я отпивала взвар крошечными глоточками, растягивая удовольствие. — Мне один раз показалось, будто что-то увидела, да то леший надо мной шутики шутил.

Эх, как я потом костерил Ляксея, выбираясь из буреломов, куда меня завел блуждающий лесной огонек...

— И какие у той пыльцы свойства?

— Разнообразные. — Мейера говорила с воодушевлением. Было видно, что тема ей интересна. — Малой толикой — оздоровление да увеселение, а большой... Можно видения всякие вызывать или вгонять себя в глубокий сон. Люди очень быстро к нему приохочиваются. И пьют, и воскуряют, и даже нюхают. А потом все больше и больше надо, ибо без него и не жизнь кажется вовсе, а так... прозябание в ожидании следующей порции пыли.

— Ой, — не на шутку разволновалась я. — Что ж, теперь мне без этого дурмана никак?

— Не бойся, — успокоила меня старуха. — Я меру знаю, не в пример твоему жертвователю.

— Джозеф! — всплеснула я руками.

— Ну да, видала, какие у него глаза вылупленные? Первейший признак, что уже и тело меняться начало.

— А полюбовница его тоже потребляет?

— Я не почуяла, — шевельнула ноздрями собеседница. — Скорее всего, ради милого друга старается. Корежит-то его небось без дурманного порошка.

Многое в поведении похитителей стало мне понятно.

— Бабушка, а франк мне говорил, что потраву для меня сам готовил. Врал?

— Может, и врал... А скорее, намешал чего в основу, так сказать, для пушшего результата.

Я допила и поставила посудку на скатерть.

— Благодарствуйте, — кивнула хозяйке вежливо. — Теперь скажешь, для какой надобности тебе рутенская дева пригодится?

— Отчего ж не сказать. — Мейера хлопнула в ладоши, прибирая следы трапезы. — Я тебя за своих сыновей засватаю.

Если б я уже не сидела, то точно опустилась бы на землю. И уж точно не оттого, что скатерка исчезла, а над костром завис в воздухе крутобокий медный котелок.

Джозефа колотил озноб, холодный пот стекал по спине липкими ручейками, острая резь в животе не позволяла вздохнуть полной грудью. Он слегка изменил положение, перевернулся на бок, подтянув колени, но это не помогло. Он знал это состояние. Два дня без новой дозы — и вот результат. Эх, не нужно было слушать Марианну. Обошлись бы и кровью молоденькой горничной, которая за пару серебряных монет согласилась служить пропуском в благодать. Голубые глаза девушки загорелись такой алчностью, когда Джозеф предложил ей участие в предприятии, что он уверился в успехе. Но его любовнице хотелось мести... «О, друг мой, так приятно натянуть нос высокомерному Дракону. Это будет забавной игрой...» И к чему оно привело? Дурочка находится в соседней камере, погруженная в летаргический сон. А он... Даже уснуть у него не получится. Даже это последнее утешение у него отняли. Глаза невыносимо чесались. Джозеф шмыгнул носом и утерся рукавом камзола. Тюремщики не сочли нужным его связать. Зачем? Сейчас он беспомощнее выброшенной на берег рыбешки. А ведь когда-то он чувствовал себя сильным, почти всемогущим. Когда его услуги алхимика были востребованы почти у всех владык континента, когда золото текло рекой... А потом в его жизни появился дурманный порошок.

— Кавалер Буланже в патовой ситуации. — Дракон появился в камере незаметно для ее обитателя. — А я — счастливый владелец полфунта чистейшей бешеной пылицы. Правда, здорово?

Джозеф заскрипел зубами с такой силой, что почувствовал во рту отвратительный вкус костяной крошки.

— Его высочество решил поглумиться над пленником?

— Над вами, месье, достаточно поглумилась судьба. — Князь приблизился и опустился на корточки рядом с сотрясающимся в корчах телом.

Неяркий свет, проникающий через зарешеченное оконце, подчеркнул подглазные синяки и заострившиеся скулы валашского господаря. Было заметно, что прошедшая ночь далась ему нелегко.

— Что вам... — Договорить Джозеф не смог, неожиданно холод его тела сменился нестерпимым жаром, заставившим горло спазматически сжаться.

— Ближе к делу, — сказал князь. — Мне нужна магическая колода вашей подопечной.

— Она не отдаст.

— Вот для этого вы, кавалер, и нужны мне. Уговорите. В вашем распоряжении все средства убеждения.

— А взамен?

— Взамен я верну вам жизнь, вашу никудышную жизнь, — криво ухмыльнулся валах. — Все полфунта...

— А свобода? Вы вернете мне свободу?

— Вам? Безусловно. — Князь резко поднялся. — К сожалению, вы больше не нужны мне ни в каком качестве. Нате вот, приведите себя в порядок.

На земляной пол упал небольшой пергаментный сверток, источающий до боли знакомый Джозефу аромат. Пленник моментально схватил добычу, срывая обертку зубами. Пыль просыпалась на пол, но Джозеф лихорадочно собирал ее пальцами, немедленно втирая себе в десны такую сладостную отраву.

Князь наблюдал за этим небольшим представлением с брезгливостью.

— Вас переведут в камеру к вашей подруге. Кстати, чья это была идея: растрезвонить на всех углах о чистоте и невинности предсказательницы? Ваша или ее?

Возбуждение, овладевшее Джозефом сразу после применения «лекарства», заставило его вскочить на ноги.

— Мэтра Альмютели, — хихикнул пленник. — Он считал, что астромифологические предсказания даются только чистым телом и духом.

— Интересная теория, — задумчиво проговорил князь. — Я не встречал ее в трудах вашего достопочтенного учителя. Какая досада, Джозеф, что вы его отравили. Я бы с большим удовольствием имел дело с ним, чем с двумя недоучками.

— Но он... сам... подозрительное вино...

— Бросьте оправдываться. — Валах направился к выходу. — Меня сейчас абсолютно не волнует, как и почему. Исполняйте задание. И побыстрее, больше порошка вы не получите до самого финала. Адью.

— Я сожалею, что мы использовали для ритуала вашу малышку, — зачем-то сказал Джозеф в удаляющуюся спину князя.

Дракон резко обернулся.

— Не стоит так сокрушаться, месье. Моя девочка не даст себя в обиду, — прошипел господарь. — Пожалейте лучше себя, кавалер Буланже...

И узник опять остался в одиночестве. И пока невыносимо медленно текли минуты ожидания, он размышлял над тем, как странно его тюремщик выделил интонацией слово «моя».

Больше всего мне в эту минуту хотелось пожевать чего-нибудь. Ну бывает со мной: когда мандражировать начинаю. Поэтому, оторвав зеленющий травяной стебель, я захрустела добычей. Рот наполнился горечью, вязкий сок перебил послевкусие колдовского взвара.

— И много у тебя, бабушка, сыновей? — спросила я, отплевываясь.

— Тебе хватит, — усмехнулась старуха. — Двое.

— И чего ж, оба свататься будут?

— Такой у нас обычай.

И все. И закрыт вопросец-то. Кто я такая, чтоб на чужие традиции бочку катить?

— Мне как-то совсем не до замужества. Учиться хочу, да и дел у меня в нашем мире просто уйма...

Вишь, удумали — за живого человека долю выбирать! Не позволю!

— Десять лет можешь этим не маяться, — отрезала Мейера. — До того времени проход закрыт.

— Это получается... Столько воды утечет, пока ты меня на волюпустишь?

Глаза сами собой стали наполняться слезами.

— Не плачь, милая, — успокоила меня колдунья. — Время-то в наших мирах по-разному

бежит. У вас только годок и пройдет всего. А ты тем временем внучат мне нарожаешь. Может, и сама потом уходить не захочешь.

Внучат?! Я заревела пуще прежнего.

— Всегда так было, — продолжала старуха. И каждое ее слово будто гвоздем заколачивало для меня дверь в мир, который я покинула. — Спокон веку люди отдавали своих дев для наших воинов. Самых лучших, самых чистых, самых невинных. Ибо только такая дева достойна вынашивать потомство индриково.

— А своих баб у вас нет? — всхлипнула я, неожиданно заинтересовавшись.

Белесые старушечьи глаза виновато забегали.

— Я тебе погода все обскажу...

— Ну уж нет, — вскочила я и уперла руки в бока. — Надоели проволоочки да недомолвки. Я вам не дитя неразумное, чтоб в неведении оставаться!

— Тпру, шальная, погоду, — фыркнула Мейера. — Никто тебя втемную использовать не собирается, по крайней мере, я точно не буду...

— Ты проверила, у твоей кобылки при себе серебра нет? — донесся из-за избушки напевный голос.

И на поляну, перебирая золочеными копытами, ступил индрик. Локтей пяти в холке, не меньше. С угольно-черной шкурой и самой длинной гривой, которую я могла бы себе представить.

Мейера пожала плечами.

— Как тебя зовут, дитя? — обратился зверь ко мне, приблизив лобастую голову.

Губы индрика не шевелились.

— Лутоня, — неглубоко поклонилась я в лучших деревенских традициях, не отводя взгляда от длинного витого рога, украшавшего лоб волшебного существа.

— Можешь звать меня Сикис, на нашем языке это означает — друг. Мы же с тобой подружимся, правда, милая? — Индрик игриво тряхнул челкой.

— Всенепременно, — согласилась я, отшатываясь.

Ёжкин кот! Костяное острие просвистело у моей щеки. Интересно, они все такие шепутные или только мой новый знакомец? Я обернулась к хозяйке. Мейера стояла неподвижно. По лицу ее ничего невозможно было прочесть. Но я видела, что старуха до хруста сжала кулаки. Сикис принюхивался, шевеля ноздрями, затем всхрапнул, резко выдохнув через нос.

— У тебя есть серебро, Лутоня?

— Нет, — развела я руками.

— Почему же... — Индрик поглядел на мудрейшую, будто ожидая подсказки.

— Ее только на рассвете заклали, — с долей высокомерия поясняла Мейера. — Жертвенным ножом. Мне ли тебе говорить, чем их усиливают?

— Ты хочешь сказать, — так же спесиво уточнил индрик, — что в крови этой девы остались частички серебра?

— Именно это я имела в виду, мой господин. — Белая голова склонилась в поклоне.

Господин? Я думала, лесная колдунья у них за главную...

— И поэтому ты не повела ее ко мне сразу же, как получила, а решила приютить в своей колдовской избушке? — глумливо вопрошал вороной жеребец. — Или, может, решила

приберечь для своих сыновей?

Сикис подошел к чурбачку, поворошил мордой мою одежду. Мейера безмолвствовала.

— А чего во мне такого особенного? — решила я оживить разговор.

Мои собеседники посмотрели на меня, как на тяжелобольную.

— Ты же природная ведьма? — Старушечьи белесые брови вопросительно изогнулись.

— А то, — не спорила я. — Только не очень сильная.

— Скромность деву украшает, — изрек индрик, всхрапнув. — А стихию ты в себе чувствуешь?

— Какую такую стихию? — решила я чуток схитрить.

— Неважно, — отрезала Мейера, зыркнув на своего господина с предостережением. — А важно, что твоя ведьмина кровь достойна течь в жилах сынов индриковых.

— А если девочка получится? — играла я в дурочку. — Тоже достойна?

Сикис ржал уже в полный голос:

— Пусть у тебя сначала хоть кто-то получится, а там про достоинства и поговорим.

— Бабушка, — никак не отставала я, — а что, вы по запаху можете эти... добродетели определять?

— Мы много чего можем, — устало ответила старуха. — По цвету, аромату и даже на вкус...

— А я смогу научиться?

— Любознательная дева — не меньшая редкость, — напевно сказал Сикис.

Мне от его лести уже чесаться хотелось. И пытлива я, и скромна, и необычна... И чего это я при таких талантах чувствую себя запеченным поросенком на праздничном застолье? Только что яблока во рту нет. И лошадь эта разглядывает меня с каким-то кухарским интересом.

— Готовь невесту, мудрейшая, — вдруг изрек жеребец, поводя глазами так, что черная радужка сдвинулась, обнажая белок.

— Когда? — спросила Мейера, опять склонив голову.

— Завтра на рассвете, — поставил точку в разговоре Сикис и одним бесконечно длинным прыжком покинул поляну.

Я отдернулась, но недостаточно скоро — черный лошадиный хвост успел хлестнуть меня по лицу.

— Кто это был? — Я потеряла саднящую щеку.

— Вождь, — просто ответила старуха, думая о чем-то своем. — Вишь, как все неладно сложилось. Эх...

Она махнула рукой, будто потеряв ко мне всякий интерес, и направилась к своей избушке.

— А котел-то зачем? — встрепелась я.

— Да уже и незачем...

Скупой пасс рукой, и котелок исчез вместе с костром, над которым он зависал все время беседы.

— Ну уж нет! — заступила я путь хозяйке. — На вопросы ответить обещалась? Так

исполняй.

— Чего тебе непонятно, неугомонница?

— Сейчас, бабушка. — Я потеряла виски. — Будем обстоятельно идти — от вешки к вешке.

Мейера опустила на траву, скрестив ноги. Я поняла, что удостоюсь долгого разговора.

Да, у племени индр не было своих женщин. Совсем. Только мужчины, только воины, только единороги. Как так получилось, какой недальновидный бог создал их народ и с какими целями? Может, белоснежная звездная кобылица, что наливает на небе млечные ручейки, не терпела рядом соперниц? Может, ее супруг, скачущий ей навстречу по бесконечному простору, забрал всех кобыл в свой звездный табун? Кто ж теперь упомянет... Да только было как было. И новые индрики появлялись только от союза с обычными смертными женщинами. Невинные, с горящими от предвкушения глазами девы вступали в Страну Семи Радуг, чтоб соединиться с избранными супругами и в назначенный срок дать потомство. Некоторые, исполнив предназначение, возвращались в родные края с богатыми дарами и необычными рассказами о колдовском народе. И с удовольствием использовали люди золоченые индриковы рога, и чародейную пыльцу, и прозрачную воду волшебных источников. Так было до Исхода, пока не рассорились наши народы и не решили единороги покинуть негостеприимный человеческий мир...

— Страна Семи Радуг... — проговорила я, пробуя на вкус незнакомые слова. — Красиво.

— Она была так же прекрасна. — В голосе старухи звучала грусть. — Теперь-то от бывшего величия только пуши и остались.

— Так получается, бабушка, ты тоже человек, как и я?

Колдунья кивнула:

— Я в миру младшей дочерью сарматского князя Маркку была.

Я прикинула навскидку, сколько лет должно быть сейчас моей собеседнице, и ахнула про себя. Даже если считать год за десять, получается, что Мейера годится в бабушки моей бабушке. Маркку-то у них теперича навроде нашего царя Гороха — князь из легенд.

— А сыновья у меня справные, настоящие индрики, — продолжала меж тем колдунья.

— А чего ж ты им одну бабу на двоих сватаешь?

— Обычай такой, — буркнула старуха. — Думаешь, легко в ваших краях подходящих дев отыскать? Жижеет-то кровь человечья, не каждая молодка теперь может выносить да родить здоровых жеребят.

— А я...

— Ты сможешь. У тебя кровь сильная, аж искрится.

Я покопалась в себе. Очень хотелось обидеться на колдунью да на весь единорожий род за то, что воспринимают меня не живым, мыслящим существом, а кем-то вроде стельной коровы. Да не получалось. Они ж не со зла — жизнь заставила. Другое дело, что я в увеличении их поголовья участия принимать не желаю. Ни с ее сынами достойными, ни с...

— А твой лошадиный князь... — встрепенулась я.

— Сикис тебя себе заберет, — с сожалением ответила Мейера. — Старый хрен, все ему мало! И главное, слова ему поперек не скажешь. Он так решил, значит, по его и будет.

Думала я очень быстро. Решала, что важнее для моей собеседницы — покорность своему господину или возможность щелкнуть его по черному носу. Мудрейшая — женщина сильная и властная. И в ее отношениях с вороным жеребцом явно не все гладко. Эх, была не была!

— А говорят, бабушка, что при помощи индрикова рога можно проходы в иные места

открывать.

— Правду говорят, — ответила та мне удивленным взором.

— А какие-то особые умения к тому еще нужны?

— Да вроде нет...

— То есть если кто-нибудь на побег из вашей пущи Заповедной решится, ему только такой вырост и понадобится?

Старуха широко улыбнулась и кивнула. Она прекрасно поняла мою мысль.

— Так, может, у тебя где-то завалялась парочка рогов для продажи?

— Хранится несколько штук под крыльцом. Только ты никому не сказывай, а то еще украдут.

— Да что ты! — замахала я руками. — Никому и никогда. Тем более что крадун и не прознает, как чародейной вещью пользоваться.

— И хорошо, что не прознает, — хихикнула Мейера. — Это же проще простого — на зорьке, утренней или вечерней, без разницы, воткнуть в землю поглубже да шепнуть: «Откройся!» Вот и вся премудрость.

— И куда волшебство ход отворит? — уточнила я. — В чьи земли?

— Оно открывает не «куда», а «откуда», — пояснила старуха. — Для точного переноса надо знаки многомудрые на земле выводить да слова заклинательные. А их не только неизвестный шельмец, я сама не ведаю.

Ёжкин кот! А если меня в восточные пределы занесет, что я делать буду? Ну, как говорит одна моя знакомица, лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал. Именно под таким девизом я и решилась бежать из Заповедной пущи.

— Ты на все вопросы ответы узнала? — спросила Мейера, поднимаясь на ноги. — Или еще пару десятков придумашь?

— Спасибо, бабушка, — вежливо поклонилась я старухе. — Мне бы теперь обдумать то, о чем ты поведала.

— Ах ты, разумница, — умилилась та. — Нечасто к нам такие девы попадают. Может, со временем мое место займешь.

Она это всерьез? Я закусила губу и вздернула подбородок:

— Только о том и мечтаю.

Мейера некоторое время смотрела на меня пытливо, будто наряд по фигуре прикидывала, потом, пожав плечами, проговорила:

— Как знаешь. Ты тут пока посиди, мне в избушке надо несколько вещиц для завтрашнего обряда прихватить. А как соберусь, и отправимся.

— Куда?

— В селение. Надо же тебя с будущими подданными познакомиться.

Ах, ну да... Вороной жеребец у них вроде князя, значит, остальные у него в подчинении. А может, ну его, мир человеческий, тут-то мне всяко привольнее будет?

Я улыбнулась своим глупым мыслишкам, внимательно следя, как хозяйка закрывает за собой дощатую дверь.

Рога оказались именно там, где указала Мейера. Я ухватила сразу два, потом, подумав, взяла еще и третий. Мало ли, я ж не спросила — может, их волшебство одноразовое. Попыталась пристроить краденое на теле под рубахой, сделала пробный шаг. Со звонким

костяным звуком добыча вывалилась на землю. Как же незаметно припрятать вещь чуть не в локоть длиной? Я сдернула рубашечную опояску, плотно обмотала рога и закутала их в свое старое платье. Может, до вечерней зорьки никто и не заметит, что рутенская дева в обнимку с тканым тючком расхаживает. А чего такого? Может, я из дома реликвии семейные прихватила; может, ни на минуту их выпустить не могу?

— Возьми. — Мейера с крыльца протягивала мне холщовую суму. — Одежку свою сложишь.

Я что-то благодарно лепетала, укладывая в мешок свои пожитки. Хозяйка улыбалась и делала вид, что не замечает характерного поклацывания. Я перекинула лямку через плечо и выпрямилась, ожидая дальнейших указаний. До вечера-то можно и потерпеть, и покорность поизображать. Да к тому же интересно хоть одним глазком на индриков уклад глянуть.

Старуха приладила на плечи здоровенный плетеный короб и молча пошла по тропинке. Я засемила следом, раздумывая, надо ли предлагать свою помощь пожилой женщине в переносе поклажи или пусть сама мается.

Мейера бурчала под нос какую-то дорожную песенку, всех слов которой я не могла разобрать, как ни пыталась. Чего-то про водных духов, которые заставляют ее радоваться и чувствовать себя еще более живой. А припев был понятный — хей, хей, хей, вдох — и опять — хей, хей, хей. Через некоторое время и я втянулась в четкий песенный ритм. Правой, левой, правой, левой... Хей!

Вот так мы шли и шли по вертлявым тропкам Заповедной пущи.

ГЛАВА 13

О бабочках, радугах и лошадях

Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница; никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красная девица.

Больше всего единорожья деревенька напоминала грибную полянку осенью. На пологом склоне у круглого озера ютилось с два десятка небольших приземистых домиков. Скаты крыш, покрытые пластами древесной коры, матово коричневели на солнце. От печных труб тянуло уютным свойским духом. Вот тут сразу видно — люди живут. И сараюшки при каждом хозяйстве, и узкие рабатки, окаймляющие каждое крыльцо. А уж цветов на тех посадках видимо-невидимо — синие, желтые, красные, на зеленеющих мясистых стеблях, и крупные полосатые пчелы домовито жужжат меж цветочных головок. Вот только поселян не видно.

— А люди-то где? — спросила я проводницу.

— Не бойсь, сейчас набегут, — ответила та и свалила поклажу у резного крылечка. — Привал.

Из окошка показалась встрепанная девчачья голова, которая сразу с ойком и исчезла.

— Пусть день приносит радость, матушка. — На двор выбежала беременная девка, одетая только в длинную нижнюю рубаху.

— И ты, Ерика, здорова будь.

— Матушка нам новую сестру привела? — оглядели меня веселые голубые глаза.

— А как же, — согласилась старуха. — Старшую. Наш господин ее себе берет.

— Ух ты! — ахнула девка. — Я уж и забыла, как он в человеческой ипостаси выглядит! Почитай, последний раз перекидывался, когда Зорянку в жены брал.

— Получается, я еще и не единственной женой у вашего вождя буду? — солидно вступила я в разговор.

— Четвертой, — дробно всхотнула Ерика.

— А чего мне тут рассказывали, что в бабах недостача, что одну на двоих сватают?

— Так то для простых воинов закон, — пояснила девка. — А для великих...

Ну, понятно. Стоит еще к власти стремиться, если не можешь сделать, как тебе любо. Вождем-то вообще быть здорово, как я погляжу.

— Зовут тебя как, новичка?

Я уже открыла рот, чтоб представиться, да меня опередила бабка:

— Ее будут звать Витэшна — дева по-нашему.

Я пожала плечами:

— А имя Ерика что означает?

— Полезная многим, — ответила девка с гордостью.

— Ты, девуля, новенькую-то приюти, пока твои мужики с охоты вернутся. Умой там, обогрей. Чтоб отдохнула она к вечернему празднику, — велела старуха.

— Эй, — не поняла я. — Вождь сказал, обряд на рассвете.

— Так то свадьба, — пояснила старуха. — А сегодня у тебя смотрины будут. Себя покажешь, на нас посмотришь...

— Пошли, — потащила меня в дом новая знакомая.

— А бабуля как же? — упиралась я изо всех сил.

Не хватало еще время до вечера на всякие глупости терять!

— Я тебя перед вечерней зорькой заберу, — успокоила Мейера. — Как раз через лес к общему сбору отправимся.

И старуха явственно мне подмигнула. Я сдалась.

Смотрины — это один из самых важных дней в жизни любой рутенской девушки. В этот день родители жениха приходят в дом нареченной, чтоб посмотреть, какая она хозяйка, что может, какие умения привнесет в новую семью. У индриков почти так же. Возносится к темнеющим небесам огромный костер, вокруг которого собирается все племя. А дева, желающая вступить в брак, отвечает на каверзные вопросы, заранее придуманные старейшинами, да соревнуется с молодыми бабами в воинских умениях.

Это все скороговоркой объясняла мне Ерика, усаживая за тесаный стол в горнице да накрывая угощение. Отказаться у меня просто язык не повернулся, уж больно хозяйка старалась. Поэтому я послушно преломила пресную лепешку и заработала челюстями. Изба в середине ничем не отличалась от тех, к которым я привыкла. Та же печь, деревянные лавки, спальные места за занавесочкой.

— Я тебе сейчас баньку истоплю да с веничками березовыми попарю...

— погоди, — остановила я хлопотунью. — Что ты там про состязания говорила?

— Да ничего такого. Из лука там постреляешь, наперегонки побегаешь... Вот я помню...

— Ты тоже все это проходила?

— Нет, — густо покраснела Ерика. — Я уже мужней женой в пущу пришла. Меня дозор подобрал у южных пределов, там тоже раньше ход был. Зима была, я заблудилась, пока цветы искала.

— Зимой? — удивилась я.

— Ну да, меня мачеха послала в лес за подснежниками. А тогда еще у нашей деревни волки лютовали. Я бреду, реву от страха. Да в медвежью берлогу и угодила. Хорошо еще, нора нежилая оказалась... Вот я в ней и сидела, пока меня Макхк не нашел.

— Это твой муж?

— Ага, первый, — зарделась девка пуще прежнего. — А второго Иси зовут. Они такие хорошие! И холят меня, и берегут. И подарками всякими радуют! Знаешь, как я их люблю?

«Еще бы. После такой-то „доброй“ мачехи», — подумалось мне.

— И кто из них отец наследника? — Я указала взглядом на круглый животик хозяйки.

— Это без разницы, — твердо ответила та. — Мы с мужьями одно целое — семья.

— А кого ты хочешь? Мальчика или девочку?

Ерика посмотрела на меня, как на слабоумную.

Ёжкин кот! Чем я думаю, когда дурацкие вопросы людям задаю? Ежу понятно, что там пацан. Мне ж Мейера втолковывала — не бывает у индриков дочерей. Чтоб скрыть смущение, я еще громче зачавкала.

— И часто твои мужья в людей превращаются?

— Почитай, каждую ночь после захода.

— А Сикис...

— Он очень стар, — пояснила девка. — Редко перекидывается. А при посторонних — почти никогда.

Понятно! Значит, если бежать мне сегодня не удастся, часто своими домогательствами супруг меня мучить не будет. Если только у них не принято в лошадином обличье...

На мой прямой вопрос Ерика возмущенно замахала руками:

— Ты чего это измыслила?! Срам-то какой!

Мне заметно полегчало. Я потянулась, разминая плечи, и зевнула.

— Ой, а банька-то, — пискнула хозяйка, выбегая во двор. — Я тебе потом на лежанке постелю.

Душистый березовый веник исполнял на моей спине плясовую, выбивая все тревоги и заботы. Ерика хлестала меня от души, с оттяжкой. А я, распластавшись на полке, только что не мурчала от удовольствия. Последний раз я по-черному парилась — прямо в печке. Бабуля, помнится, из меня хворь выбивала да приговаривала: «Баня парит, баня правит, баня все поправит...»

Мне показалось, что омовение длилось всего ничего. Но когда я опять оказалась в горнице, замотанная в льняной руб и с кружкой взвара в руках, в окошко всюду шпарило полуденное солнце.

— Хозяйство у тебя большое? — спросила я Ерику для поддержания разговора.

— Ну это с чем сравнивать, — ответила та обстоятельно. — Дом, да огородец, да коза в загоне стельная... Хлопochу помаленьку. А так у нас все общее — общественное, так сказать.

— И пашня артельная имеется?

— Нам от внешнего мира зависеть никак нельзя, все свое. — В голосе собеседницы слышалась гордость.

— А пусто у вас в деревеньке чего? В полях все?

— Ну да, — кивнула хозяйка. — Девки на посадках работают, а мужики на охоту в северные пределы ускакали.

— А ты чего не пошла?

— Так я же на сносях. — Белесые брови поднялись в удивлении. — Мне не положено.

Я согласно кивнула, мимоходом припомнив, как мохнатовские бабы до самого срока суетились. Бывало, прямо под копной какая разродится, дитенку мякиш в тряпице ткнет и опять за работу.

— А ребятишек бабы с собой забрали? — Я отставила кружку и мысленно ударила себя по рукам, чтоб не ухватить еще одну желтоватую лепешку.

— Да нет, малышня где-то здесь бегают, — рассеянно ответила хозяйка, убирая со стола.

Со двора донеслось ржание и звуки борьбы.

— Ну вот и прискакали, непоседы, — ласково улыбнулась Ерика. — Ты одевайся пока, а я мальчикам молочка вынесу.

И, обхватив за горлышко увесистый жбан, моя собеседница вышла наружу. Я, быстро натянув одежду и встряхивая волосами, чтоб просохли поскорее, выскочила следом. А там уже дым коромыслом, будто не трое ребятишек с индрами пожаловали, а целый скомороший балаган.

— К нам Ерика пришла, молочка принесла, — тонкими голосками вопила парочка близнецов с выбеленными солнцем макушками. Навскидку я дала им лет по восемь, не больше.

— Дай, дай, дай! — притопывал толстыми пяточками годовасик с огромными васильковыми глазами в пол-лица.

И звонко ржали два тонконогих изящных индрика со снежно-белыми гривами и полупрозрачными острыми рожками.

Хозяйка протянула подношение одному из старших. Затем, вернувшись в дом, вынесла берестяную тарель, до краев наполненную тем же самым молоком. Из этой посуды, отталкивая друг друга мордами, пили индрики.

— Это все наши дети, — пояснила хозяйка, перебивая шумное разноголосье. — Вот я двойняшек рожу...

Я еще раз оглядела разношерстную компанию. В деревеньке десятка два дворов, а детей всего пятеро? Негусто.

— Это новая мамка к нам пожаловала? — Один из близнецов хитро оглядел меня, вытирая рукавом рубашонки молочные усы. — И чьих будешь?

— Своих собственных, — отбрила я наглеца.

Подумала: «Дать, что ли, подзатыльник для большего эффекту», — да решила с воспитанием погодить.

— Меня зовут Яс, — протянул мне малец тонкопалую руку.

— А меня...

— Ее будут звать Витэшна, — недовольно вступила Ерика.

Потом пояснила специально для меня:

— Мирское имя тут без надобности.

— И с чего такие правила? — пробурчала я, обиженная повелительным тоном девки.

— Мудрые люди говорят, что каждое произнесение старого имени истончает нить, что связывает нас с миром людей, — явно с чужих слов повторила хозяйка. — И чем меньше времени прошло после прихода к нам, тем опаснее.

Я недоверчиво хмыкнула.

— Не веришь? — завелась Ерика не на шутку. — Ну смотри!

Она картинно подбоченилась и, широко открывая рот, проговорила:

— Акули-ина!

Далекое эхо ответило ей:

— Акулина... кулина... лина... а...

Высоко в небе сгустились тучи, раздался пронзительный визжащий звук, будто лопнула туго натянутая струна, и порыв ледяного ветра хлестнул меня по лицу.

— Поняла? — победно усмехнулась девка, заметив мою растерянность. — А я-то почитай уже с десятков лет тут проживаю.

— А не сходится, — уперто проговорила я.

— Чего это?

— И Мейера, и вождь ваш меня по имени называли. — Я развела руками. — И как видишь...

— Так при них-то можно, они, почитай, вдвоем весь груз на себе и держат.

Я чуть подумала. Складно выходит. Мудрейшая — магичка не из последних, да и Сикис,

видимо, в этом деле задних не пасет. Хотя... Нет, даже и пробовать не буду.

— А что будет, если все нитки пообрываются? — уважительно спросила я хозяйку.

— Уже ничего, — серьезно ответила та. — Мейера сказывала, тогда конец нашей пуще придет.

— Матушка любит невинных дев стращать. — Белогривые индрики не шевелили губами, но я знала, что заговорил со мной более рослый, с серой звездочкой на лбу. — Я Арэнк, а моего брата зовут Кел.

— Арэнк значит «звезда»?

Единорог кивнул:

— Мама обещала нам умную жену.

Ой! Меня поначалу сбило с толку, что Мейеру все кому не лень кличут «матушка». А это, значит, ее сыны многославные и есть? Только вот мудрейшая забыла меня предупредить, что они еще дети.

— Лет-то вам с братом сколько? — спросила я.

— По-вашему или по-нашему? — шутливо переспросил индрик.

— По-честному, — улыбнулась я.

— Шестнадцать!

— На двоих?

— Дура девка! — обиделся Арэнк. — Каждому...

— Ты, Витэшна, наверное, не знаешь, что дети не могут перекидываться, — пришел на помощь брату Кел.

— Раз вы такие взрослые, чего на охоту с мужчинами не отправились? — мстя за «дуру», спросила я.

Братья переглянулись.

— Их отец наказал. — Яс вскарабкался на спину Арэнка и обнял того за шею. — Теперь они до вечера наши!

В зеленых глазах мальчика читалось незамутненное счастье. Интересно, что жеребчики натворили, раз родитель так на них осерчал?

— А потому что не надо за чужими бабами подглядывать! — развеял мое недоумение пока безымянный брат Яса. — Надо свою дожидаться.

Балабол свысока кивнул в мою сторону.

— Не умничай, Шила, — хихикнула хозяйка. — Тоже мне детовод выискался...

Все рассмеялись только им понятной шутке. Шила краснел, сопел, но ни слова не промолвил в свою защиту.

— А это у нас кто? — подняла я на руки самого маленького.

Тот доверчиво прильнул и, уткнувшись носом в волосы, прошептал:

— Ветер... Вэрэн...

У меня внутри все сжалось, затрепетало от нахлынувшей любви.

— Чего ж тебя мамка одного гулять отпускает?

— Опасностей здесь нет, — сухо пояснила Ерика. — Дети под присмотром старших.

— Вот и славно, — перехватила я поудобнее увесистого Ветерка. — Возьмете в компанию?

Мальчишки утвердительно залопотали. Ерика чутко поломалась для порядка. Но я так умильно сложила брови домиком и так жарко клянчила: «Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» — что хозяйка быстро сдалась.

— К обеду чтоб вернулись, — наказала строго.

— Непременно, — проорала я, усаживая Вэрэна себе на плечи и едва поспевая за быстроногой компанией.

Я рассуждала здраво. Отоспаться я и в миру успею. Когда-нибудь. Наверное. Скорее всего. А сейчас хочется побольше разузнать да обсмотреть. Когда еще случай представится? Тем более что никакой особой опасности я не ощущала. Верное средство для побега спрятано под лавкой в горнице Ерики, солнце в зените, времени вдосталь. А новые знания еще никому не вредили. Мне-то уж подавно пригодятся. За рассказы о Заповедной пуще мне Иравари сама будет еще сидру подливать, успевай только отхлебывать.

Лиственный лес сменился хвойным. Уходящие в небеса верхушки голубых елей едва заметно подрагивали, будто пытались рассмотреть нас с высоты. Густой смоляной дух вкусно щекотал в носу. Коричневые палые иголки шелестели под босыми ногами.

— Куда движемся? — нагнала я Шилу, с независимым видом шагавшего по тропинке.

— На Серебряное озеро, — ответил тот. — Будем индр наших купать.

— Они чего, грязные? — спросила я, пытаюсь отодрать шаловливые ручки Ветерка от своих волос.

Малец так самозабвенно вил на моей макушке воронье гнездо, что я даже боялась себе представить, как все эти колтуны потом распутывать буду.

— Перед обрядом положено, — обернул лобастую голову Арэнк. — У вас не так?

Ох! Надо бы как-то остудить отроков, что ли... Они там себе уже небось взрослую женатую жизнь планируют. А я им в этом не помощник.

— Ну так можешь теломытие отложить, — сказала я твердо. — Тебе с братом мамка в следующий раз жену приведет.

Оба индрика замерли. Нерасторопный Яс кубарем скатился с единорожьей спины.

— Поясни. — Арэнк даже не глянул на приятеля, копошащегося в кустах.

— Во-первых, я замуж совсем не хочу, — подбоченилась я.

Хотя принять подобающую позу с лишним грузом на плечах было ох как непросто.

— Кто тебя спрашивать будет... — процедил Шила. — За волосы да...

Он закончил тираду неприличным жестом. Я не сочла нужным ему отвечать. Какой все-таки вредный пацан! Вот всыпать бы ему по мягкому месту. Розги в рассоле вымочить, да от души, со всей силушки...

— А во-вторых? — рассудительно спросил Кел. — Если было во-первых, должно быть и во-вторых.

— А? — оторвалась я от воспитательных мечтаний. — Так ваш вождь меня хочет себе забрать.

— Понятно, — кивнул звездный индрик. — Значит, просто так купаться будем, без повода.

И, звонко заржав, устремился дальше по тропинке.

— Хотели жену, а получили новую мамку, — хихикнул Яс, потирая отбитую спину. — И так и так ладно выходит.

У меня рот сам собой раскрылся в удивлении. Значит, Сикис — отец жеребчиков? А Мейера, значит, мать? А он себе четвертую жену брать хочет? А она... А я... Ёжкин кот! Да чего у них за отношения такие?

— Купаться! — скомандовал Ветерок, потянув меня за прядки волос над ушами. — Но-о-о!

И я, послушная воле «всадника», двинулась за провожатыми.

Когда мы вышли к Серебряному озеру, я уже чувствовала себя вусмерть загнанной кобылой. Только что пена изо рта не шла. Озеро было прекрасно. Заключенная в смарагдовую оправу берега, вода казалась абсолютно непрозрачной, будто расплавленный металл или полированная поверхность драгоценной безделушки.

Я опустила брыкающуюся ношу на землю и обессиленно упала рядом. Вэрэн, скинув рубашонку, немедленно ускакал плескаться на мелководье. Мальчишки побежали собирать хворост для костра.

— Холодная! — фыркнул Кел, обмакнув в воду только копыта. — Я лучше на солнышке посижу.

Он изящно опустил на траву подле меня, подогнув колени, и доверчиво пододвинул голову:

— За ушком почешешь, мачеха?

— А чего это тебя? — подошел с другой стороны Арэнк. — Я тоже хочу.

— Я первый попросил.

— А я старший.

— На две минуты! Нашел о чем вспоминать!

— Сейчас как дам!

— Отдача замучает!

Предотвратить ссору можно было только одним способом. Я вытянула руки, да так, что в плечах что-то хрустнуло, и принялась чесать обоих. Индрики млели, прикрыв глаза и всхрапывая от удовольствия.

— А чего вы сейчас в лошадином обличье? — не прерывая ласки, спросила я. — Своими-то руками сподручнее.

— Ты думаешь, мы выбираем, когда перекидываться? — скосил на меня черный глаз Кел. — Как солнышко зайдет, так ипостась и сменим.

— И знаешь, чем первым делом займемся? — всхотнул его брат. — Будем чесаться до посинения!

— А ведь неладно получается, — размышляла я вслух. — Мне ваша матушка говорила, что миряне ценили индриков как великих воинов. Большие боевые жеребцы, колющие рогами, бьющие копытами, — это я понимаю...

— Больно, — вскрикнул Кел, когда я случайно задела его рог запястьем. — Он же не затвердел еще!

— Прости, малыш, — рассеянно извинилась я, погладив пострадавший отросток кончиками пальцев. — Так какой толк в единорожьем воинстве, если надо только ночи подождать, чтоб повязать вас тепленькими?

— Матушка говорит — все дело в проклятии, — серьезно пояснил звездный жеребчик. — Серебро лишает нас сил...

Лунный металл. Я припомнила, что в старинных книгах серебро изображали в виде прекрасного юноши с полумесяцем в волосах. Тогда, если плясать от утверждения, что лошадиная ипостась — это сила и благословение, а человечья — слабость, получается противопоставление солнца и луны. Прямо как в древней легенде.

— Кто вас проклял?

— Одна природная ведьма, — ответил Арэнк. — Из-за нее нам пришлось уйти из мира, потому что не место там слабым народам.

— И что, только солнышко заходит, вас сразу перекидывает?

— Ну не сразу. Если быть до конца честными, мы можем противостоять превращению. Правда, недолго и не все.

— Тяжко это, — поддержал брата Кел. — Будто чих в себе держишь, а тебя изнутри распирает.

— Бедненькие, — протянула я, встряхивая уставшими руками. — Сильная небось ведьма вам дорожку перешла?

— Моргана Грайская, — зло выдавил Арэнк. — Слыхала про нее?

— Отчего ж не слышать. Только померла ваша обидчица.

— Давно? — недоверчиво переспросил жеребчик.

— Лет сто как, — вспоминала я читанные еще дома фолианты. — Во время второй мажьей войны ее в горных известняках стихийники прикопали.

— Жаль, — переглянулся с братом Кел. — А мы-то сами хотели ее умертвить.

Я их расстройство ни капельки не разделяла. Это они по малолетству думают, что им любая баталия по плечу. А на самом деле... Помнится, Моргана та положила войска без счета, и отряд боевых магов две седмицы прочесывал Грайские горы, пока смог ее поймать и упокоить.

А вот интересно — почему проклятие еще в силе? По уму, со смертью колдуньи оно должно было развеяться. Ну со временем-то точно. Может, дело в том, что в наших мирах оно, время, по-разному течет?

Истошный детский крик хлестанул по ушам. Мы вскочили. Вэрэн, не переставая визжать, пятился от воды. А перед ним, перекрывая солнечный свет и покачиваясь из стороны в сторону, раскинула куколь огромная змея. Зубы твари, нависающие над раздвоенным языком, сочились ядом, блестящие равнодушные глаза смотрели на жертву не мигая.

«Не успеть», — подумала я, бросаясь вперед. «Никак не успеть», — билась в голове трусливая мыслишка, пока я хватала Ветерка и изо всех невеликих сил отшвыривала его подальше от воды. Поскользнувшись на илестом песке, я упала на бок, подставляя незащищенную спину чудовищу. «Ну вот и все, мамочка...»

И тут я увидела индрика в деле. Арэнк чуть наклонил голову, будто собака, берущая верхний след. Его передние копыта с четким металлическим клацаньем впечатались в землю. И одновременно со звуком с кончика витого рога сорвалась... Не знаю, какими словами можно было бы это описать. Молния? Луч? Сулица? Больше всего это было похоже на стрелу. Только не видимую, а ощутимую. Ну, вроде сотканную из ветра или из прозрачного вешнего льда. Или из силы. Да! Овеществленный поток силы, в один миг перелетев через поляну, вонзился в чешуйчатую шею змеи. Голова твари подломилась, будто истаявший свечной огарок. Фонтан крови поднялся к небесам. Костяной хвост уже дохлой змеи колотил по воде, вздымая тучи брызг. Ледяной водопад обрушился на меня. Я почувствовала, как поток тянет меня с берега. Туда, где могли притаиться такие же чудовища. Я в ужасе вскрикнула, бестолково замолотила руками, пытаюсь выбраться, выцарапать у судьбы еще немного времени. Перед глазами мелькнул белый лошадиный хвост, за который я ухватилась в порыве отчаяния. Кел мощным рывком попытался вытащить меня на берег. Задние копыта жеребчика черкнули по воде. Моя мокрая рука

соскользнула, и я свалилась, больно ударившись спиной о гладкий лед озера.

Небеса над головой вращались, будто перекаталась я на быстрой ярмарочной карусели. А вокруг — крик, гам, топот босых ног.

— Быстрее вытаскивайте. Сейчас лед таять начнет, — вопил кому-то Арэнк. — Под руки перехватывай!

Крошечные пацаны толкались, стучались головами, тянули меня за конечности. Да куда уж им...

— Стоп, — твердо скомандовала я. — Сама справлюсь.

Недоверчивые взгляды светлых глаз. Кривая ухмылка Яса, зареванная мордаха Ветерка.

— Э-эх! — С трудом перевернувшись, на четвереньках я поползла к берегу. — Левой-правой, левой-правой... Хэй!

Под коленями и кистями набухали влагой ледяные дорожки. Жарко! Еще чуть-чуть, и провалюсь под ломкую корочку.

Пацаны подбадривали с берега, как умели:

— Давай, давай, давай!

Арэнк продолжал свою волшбу. Не меняя стойки, он безостановочно посылал невидимые стрелы в сторону озера. Очень хотелось обернуться, хоть одним глазком глянуть, сколько еще змей скалит хищные пасти позади меня. Но, подавив неуместное любопытство, я ползла и ползла, из последних сил толкая вперед непослушное тело.

— Красиво идешь, Витэшна, — иноходью, — зачем-то проорал Шила, всплеснув руками.

Я хихикнула, почувствовав под собой землю.

— Иноходью, говоришь? — Распластавшись на крутом бережке, я засмеялась.

Парни поддержали меня нестройным ржанием.

Над ледяной поверхностью озера клубился пар, скрывая с наших глаз кровавые лужи и ошметки некогда опасных чудовищ. Арэнк подогнул колени, изящно опускаясь в траву.

— Все, — прошептал благоговейно Яс. — Всех перебил.

— Силен! — Кел прилег рядом с братом, пристроив голову тому на спину. — Лучше всех...

Потом, когда мы уже просто валялись на поляне и наблюдали за схождением льда, я спросила индриков:

— Что это вообще было?

— Змеи озерные, — отвечал Яс. — Видно, где-то здесь гнездо у них с яйцами, вот и ринулись...

— Да нет, — мотнула я головой в нетерпении. — Я про магию.

— Ну тебя же боевые умения интересовали. — Арэнк оживал просто на глазах. — Вот тебе и ответы.

— Значит, вы рогами можете силу пулять? — Мне хотелось выяснить все досконально. — Только ты или все единороги?

— Все, — присоединился к беседе Кел. — Только у меня еще не очень получается.

— А морозное заклятие?

— Да какое заклятие, — отмахнулся индрик. — Всем известно: если задними копытами ударить противника по-особому, то он и заледенеет. Жаль, что в людской ипостаси так

не получается.

— Выходит, к вам и спереди и сзади подходить опасно, — пошутила я. — А какие еще способности у вашего народа имеются?

— Тебе мало? — обиженно встрепенулся Шила.

— В самый раз, — успокоила я мальчишку. — Так спрашиваю, чтоб при случае впросак не попасть.

— Тогда забудь о ведьмовстве, — не отставал вредный пацан. — Не сработает.

Я недоверчиво подняла брови:

— Магию глушите?

— Не магию, а ведьмовство, — отрезал малец. — И не мы, а пуца наша Заповедная.

Я прислушалась к себе: все вроде как обычно. Да я и ведьма-то не из сильных, если честно. Поднатужившись, попыталась накинуть на себя морок. Ну хоть какой заваливающий — из прозрачных лоскутков тумана да солнечных зайчиков... Нет! Не слушается меня мое невеликое умение.

— Поняла! — вскричала я. — Место защищает вас от той ведьмы, от которой вы из мира-то бежали...

— Не бежали, а ушли, — насупился Шила еще больше. Казалось, еще чуть, и лопнет, как переполненный воздухом бычий пузырь.

— Сдуйся, касатик, — ткнула я пальцем злюку. — Выдыхай!

Тот фыркнул в ответ и отодвинулся на пару локтей.

А ведь как интересно у них, индриков, получилось. Уединились от опасности, казалось — живи да радуйся, а вышло, что спокойствие это — палка о двух концах. Уже через пару поколений вырождаться начали в своем маленьком мирке. Да и проклятие все равно настигло. Хотя при их-то хитрых способностях... Была б я на месте какого-то князя, ну Славислава, к примеру, многое бы отдала за таких союзников. А чего? Десяток единорогов в бою сотни копейщиков стоят, или лучников, или даже боевых магов. А то, что ночью они в беспомощных людей перекидываются, так я бы уж нашла способ проклятие снять... Эх, жаль — не судьба мне погосударить!

— А ведь уходить надо, — прервал Арэнк мои размышления. — Еще заметят, что мы тут...

— Кто заметит? — Мне хотелось еще чуть-чуть помечтать.

— Взрослые, — смущенно пояснил жеребчик. — Нам же одним сюда нельзя.

Уф! Снова-здорово!

— Знаешь, как нас с Шилой отцы накажут? — поднял ко мне конопатую мордочку Яс. — Выпорют и на праздник не допустят.

— Место тайное? — спросила я тоном строгой наставницы.

— Первооснова, — донесся в ответ виноватый шепот. — Все существо Заповедной пуши здесь обретается.

Я еще раз оглядела Серебряное озеро. В этот раз — с уважением. И теперь заметила на другом берегу и выжженный круг кострища, и огромный тесаный столб, возвышающийся над поляной у самой границы перелеска. Значит, обряды здесь и проходят? Небось невесты у того бревна умения свои показывают. Ну я-то об этом не узнаю. Вон солнышко уже через половину неба перевалило. Поспешать надо — в деревеньку возвращаться, ингредиенты свои из-под лавки вырывать.

— Ну так пошли, — вскочила я на ноги, подхватывая разомлевшего на солнцепеке Ветерка.

— Хочу на лошадку-у-у, — раскапризничался бутуз.

«Тоже не отказалась бы», — подумала я, усадив малыша на широкую спину Арэнка. Голова отяжелела, тело едва слушалось. Этак я за своими проводниками не угонюсь.

— Я мигом, — сообщила я ребятам и бегом спустилась к воде.

Страх не было вовсе. От озера веяло уютом и безопасностью. Его кристальные воды ничем не напоминали о нашествии змей. Придонные течения утащили с глаз долой чудовищные останки, и растворилась без следа поганая кровь в серебристой воде. Брр! Холодно! При одном взгляде на воду сводило зубы. Я мужественно зашла по колено, наклонилась и, набирая горстями, стала умываться. Щеки пылали, а в висках будто постукивали ледяные молоточки.

— Тебе рано еще молодиться, — раздался со спины вкрадчивый голос, — моя юная невеста.

Я резко обернулась. На берегу стоял Сикис, пританцовывая и потряхивая вороной гривой. А моих провожатых и след простыл. Только послышалось мне, что вдали хрустнула сухая еловая шишка под чьим-то копытом. У-у-у! Трусилки малолетние.

Я убрала с лица намокшие прядки волос:

— Так и не собиралась вроде, все года при мне.

Аккуратно перебирая ногами, жеребец подошел поближе:

— У Серебряного озера есть такое свойство — возвращать телесную молодость.

Лошадиные глаза косили в мою сторону. Я невольно ощутила, что тонкая рубаха, намокнув, плотно облепила грудь. Пора заканчивать представление.

— Ну так можно водицу молодильную по бутылкам разливать да в миру приторговывать, — поддержала я ничего не значащий разговор, бочком семена на мелководье. — Любая баба рада будет мощной тряхнуть за такую штуку.

Крюк у меня получался знатный — сажени две, не меньше. Я пыталась выйти из воды так, чтоб не столкнуться нос к носу с собеседником. Честно говоря, от его вкрадчивости у меня мурашки по спине бегали просто табунами. В сей момент я предпочла бы встретиться с дюжиной озерных змей, чем с одним очень нежеланным... женихом. Небось прискакал омовение совершать, тоже к обряду готовится.

— А мысль-то какая занятная, — обрадовался Сикис. — Как только в такой хорошенькой головке столько мудрости вмещается?

Я глянула по сторонам в поисках той самой «вместительной головки», никого не обнаружила и с опозданием поняла, что вся эта патока для моих ушей предназначена. Точно — вон опять чесаться захотелось! Верная примета.

— И стеклодувно надо бы ставить, и мастеров швабских из мира выписывать, — продолжила я движение. — Они же наискуснейшие стеклодувы... швабы то есть...

Я выбалтывала все, что приходило на ум, в каком-то нервическом возбуждении. С перепугу, не иначе, вразнос пошла. Нога зацепилась за донную корягу, и я плашмя ухнула в воду, поднимая тучи брызг.

— А пузырьки надо выдувать не абы какие, а фигурные да разноцветные, — орала я, поднимаясь. — Потому как если в обычных бутылках, то выторг совсем другой будет.

— Ты что, купеческая дочь? — материализовалась лошадиная морда в паре вершков от моего лица.

Я отшатнулась, поскользнулась и опять села в воду.

— Про это точно не скажу, — честно ответила я вождю, отползая задом. — Про отца мне не ведомо. Помню его смутно; может, и купец был. Кто ж теперь скажет...

— Ты меня боишься, малышка? — вдруг прозрел индрик.

— Ни капельки, — замотала я головой. — Ты только, дяденька, отойди шагов на десять... Я на берег выбраться хочу.

— Может, помочь? — лукаво спросил вождь.

— Конечно, всенепременно, — пробормотала я. — В следующий раз как-нибудь обязательно поможешь...

Сикис послушно попятился, не отводя взгляда от моей груди. А мне вдруг тоже приспичило кое-куда взглянуть. Повернувшись к вождю спиной, я отлепила мокрый подол рубахи, задрав ее чуть не до подбородка. От кинжального шрама не осталось даже следа. Хороша водица молодильная — работает. Теперь-то понятно стало, отчего это у Мейеры такое тело — налитое да ладное.

Я отжала рубаху прямо на себе, расправила складки и, повернувшись, вышла из воды. Вождь нетерпеливо сопел, раздувая влажные ноздри.

— А я с твоими сыновьями познакомилась, — твердо встретила я взгляд черных глаз. — Хорошие ребята.

— Да? Тебе понравились мои молокососы? — недоверчиво протянул жеребец. — Жаль только, что ни один из них не станет вождем после меня.

— А чего так? Арэнк — храбрый и сильный. Кел — вдумчивый и осторожный. Неужели ни у одного из них нет необходимых качеств?

— Их двое, — непонятно объяснил Сикис. — А должен быть один...

— Погоди. — Мысли мои разбегались, минуточку бы подумать да в кучу их согнать. — Вы рождаетесь парами?

Индрик кивнул.

Арэнк, выпускающий волшебные стрелы, Кел, единым прикосновением заморозивший целое озеро... Веселый, порывистый Яс, осторожный и хитрый Шила... И Ветерок, у которого брата отродясь не было...

— И в помете каждый в чем-то дополняет другого, навроде они единое целое?

— Ах ты моя разумница, — умилился вождь.

Я уже привычно почесала бок.

— Править народом Семи Радуг может только такой, как я, — единственный, родившийся цельным.

— Вэрэн? — выдохнула я, начиная потихоньку понимать положение вещей. — Он — единое целое. Значит, и ему после тебя вождем быть?

Лошадиная морда скривилась, будто Сикис в один присест заглотнул меру зеленого крыжовника.

Я широко улыбнулась — люблю заковыристые задачки разгадывать.

— Ты мне родишь наследника. Настоящего, — вдруг проговорил вождь. — У тебя сильная кровь. Ты сможешь.

И такой твердой силой повеяло от его слов, что мне захотелось согласно кивнуть.

Тпру-у-у-у, Лутоня, еще чего не хватало! Надо побыстрее — руки в ноги и в деревню, а там — как повезет. У меня на остаток жизни совсем другие планы. А Сикис? Может, следующая девица с «сильной кровью» ему поможет. Может, попадется такая — не слишком переборчивая. А мне спешить надо. Багряный шарик солнца уже почти коснулся горизонта. Не успею, ёжкин кот!

— Какие замечательные слова. И главное — какие знакомые.

Мейеру, неслышно появившуюся из леса, ни я, ни мой собеседник не заметили, пока она не заговорила.

— Помнится, ты и мне что-то похожее обещал, когда замуж звал.

— Ты не оправдала моих надежд, — равнодушно ответил Сикис.

— Ну вот и славно, что ты нашел, кто виноват, — согласилась Мейера и обратилась ко мне строго: — Я где меня ждать велела?

— В деревне, — пролепетала я, будто колдунье требовался ответ. — Только очень хотелось посмотреть... Место силы все-таки.

— Держи, — протянула мне старуха холщовую сумицу.

У меня от сердца отлегло — не забыла мудрейшая про молчаливый уговор — поможет мне из-под венца бежать.

Я радостно ухватила свое имущество. Часто-часто забилося сердце в предвкушении. Мейера мягко взяла меня за руку:

— Мы с тобой, Витэшна, по берегу озеро обойдем. У вождя еще дело неотложное имеется.

Сикис проводил мою сумку задумчивым взглядом, но промолчал. Следуя за старухой, я обернулась через плечо. Огромный вороной жеребец на полном скаку вбегал в озеро. От широкой груди пенными валами расходились волны.

Я попыталась молчком юркнуть в кусты, но была остановлена провожатой:

— Погоди, еще не время. Я скажу, когда...

Сикис мощными гребками преодолел уже больше половины озера, когда Мейера соизволила меня отпустить:

— Беги, девочка.

Я скоро спрыгнула с тропинки в густой перелесок и, пригибаясь, побежала в глубь леса. На ходу пошарив в сумке, я вытащила один из украденных рогов и крепко сжала его ладонью. Подумаешь, премудрость — воткнуть в землю поглубже да словечко заветное шепнуть. Справлюсь! Выбежав на небольшую полянку, я опустилась на колени в изножии огромной сосны и приготовилась творить волшебство.

Тюк! Смолянистая еловая шишка упала в верхушке от меня. Я подняла голову. Из-за древесных стволов, заполошно озираясь, появлялись мои приятели. Вся компания — широко ухмыляющийся Яс, радостный Ветерок и пара белоснежных индриков, на чьих мордах без труда читалось любопытство.

— Ты чего это, мачеха, бежать удумала? — деловито спросил Кел.

— Не пробуйте меня остановить! — крикнула я отчаянно, вонзая рог в почву. — Откройся! Откройся, ёжкин кот!

— Мы и не собирались, — обиженно взвизгнул Яс, перекрикивая все усиливающийся гул.

Парни остановились. Вытягивая шеи, с удивлением наблюдали, как воронкой расходится от колотой ранки песок. Витой стержень вибрировал, крутился веретеном, вовлекая в свой колдовской танец мелкий сор, тучи палых иголок, пластинчатые чешуйки коры... Мне казалось, что реальность истончается, скидывает покров за покровом и за самым последним из них уже проглядывает обычный сумеречный лес моего мира.

И вдруг все кончилось. Будто прихлопнули все действие огромной мухобойкой. С сухим костяным щелчком рог распался на две неровные части. Воцарилась тишина.

Смолянисто-черный жеребец выступил на поляну. На его лоснящейся шкуре подсыхали

капельки воды. За крупом вождя гордо вышагивал Шила.

— А я думал, мы подружимся, — протянул Сикис глумливо.

— Индюк тоже думал, — вздернула я подбородок. — Да в суп попал.

— Отец... — начал растерянно Арэнк. — Она не хочет здесь оставаться...

— Прочь! — вскричал раздраженно вождь. — Пошли все вон, когда я разговариваю со своей женщиной!

Дети брызнули в разные стороны. Только вредный Шила поглядывал на меня с превосходством и не спешил покидать поляну. Видно, для предателей тут особая награда предусмотрена.

— Сикис, отпусти меня, — жалобно попросила я. — Ведь не сможешь меня заставить делать то, что не люблю...

Мы смотрели друг на друга очень долго. Молча смотрели. Я считала удары своего сердца и, сцепив зубы, держала взгляд. Не отвести, не дрогнуть. Только так. Первым не выдержал вождь — моргнул. По щеке серебристой дорожкой пробежала слеза. Я наконец вдохнула.

— Я могу тебя заставить делать все, что хочется мне, — злобно раздул ноздри индрик. — Я могу заставить тебя ползать на коленях и умолять о близости. Я...

— За волосы ее, нахалку, и... — вякнул Шила, о котором я уже и забыть успела.

Резкий удар копыт, отчаянный вскрик. Правая кисть огольца безвольно болтается, по плечо заключенная в ледяной панцирь. Еще один удар. Мелкими осколками опадает на землю то, что еще мгновение назад было рукой, и безобразная культя толчками выбрасывает фонтан крови.

Я отмерла, сдернула опояску и, подбежав к мальчишке, скользким узлом перетянула обрубок. Даже не надеясь, что подействует, зашептала деревенский заговор на остановку кровотечения, просто по привычке.

— Озеро, — побелевшими губами выдавил Шила. — Сам не дойду.

Я перехватила парня под мышки и потащила за собой. Хорошо еще, в своих метаниях от берега далеко отбежать не успела. Иначе бы он по дороге концы от потери крови и отдал. Вождь стоял неподвижно, будто все происходящее вовсе его не касалось. Хотелось прокричать в морду Сикису, что он негодайт, мерзавец, что клейма на нем негде ставить, что ни в жизнь я за него не пойду, даже если меня вот так же заморозит и будет по кусочкам отколачивать; что не таких жизнь обламывала и что отольются еще ему детские слезы. Нелюдь! Да только ничего этого я не сказала — бормотала заговор.

В воду Шила нырнул солдатиком. Я подтащила его на мелководе и просто столкнула в глубь. Серебристая жидкость вспенилась, соприкоснувшись с кровью. Пацан вынырнул, молотя по поверхности здоровой рукой. Я подплыла поближе, поддержала его худые плечики. Он жадно пил, острый кадык ходуном ходил на цыплячьей шейке.

Первооснова Заповедной пуши дело свое знала — видно, не впервой ей было конечности-то отращивать. Сначала из плеча появилась кость, раздвигая ошметки плоти, будто какой невиданный побег тянется к солнышку из земли. Межкостные хрящики вспухали пузырями, чтоб через мгновение застыть, закрепиться на положенном месте. Затем мышцы, сухожилия, сырое влажное мясо, кожа с прозрачными редкими шерстинками, глянцево-пластинчатые ногти... Я глядела во все глаза, проникаясь еще большим уважением к сущности этого места. И вот уже новая рука во всей красе, и только неровно обкромсанный рукав рубахи напоминает о былом членовредительстве.

Шила прикрыл глаза, расслабленное тело колыхалось в воде на манер огромной звезды. Видно, сомлел пацан. Я, переступая по дну, стала подталкивать его к берегу. «Подожди... — прошелестело в голове. — Еще не все поправилось». Я послушно застыла, только следя, чтоб лицо ребенка все время оставалось над поверхностью. Грудь его ровно вздымалась, глаза под полупрозрачными веками ритмично двигались туда-сюда.

Спит он, что ли?

— Так надо, — успокоил бесплотный голос. — Он сейчас со мной.

— Спасибо, — прошептала я в пространство. — Спасибо, что спас.

— Ты слышишь меня?

— Да. — Я прикрыла глаза.

И сонм разноцветных картинок ворвался в мое сознание. Мелькали, сменяя друг друга, лица, лошадиные морды, витые индриковы рога, булькало варево в волшебных котлах и собиралось у общего костра огромное племя Семи Радуг.

— Тебе грустно? — зачем-то спросила я, уже не пытаюсь разобрать, что показывает мне могучий здешний Дух.

— Мне одиноко, — прошелестело в ответ. — Ты pomoжешь мне?

— Как?

Постижение нахлынуло за мгновение до того, как Шила пришел в себя.

— Все исполню, — проговорила я в удивленные глаза парня. — Все в точности.

ГЛАВА 14

О браках, разводах, перекидываниях и лечебных свойствах заповедных мест

On ne fait pas d'omelette sans casser les ceufs.[2]

Кто украл яйцо, украдет и курицу.

Шила выходил из воды самостоятельно, осторожно нащупывая ногами почву перед собой. Я семенила следом. Что я ощущала? Интересный вопрос. Удовольствие от того, что с пацаном все обошлось; глухую ненависть к Сикису, ожидавшему нас на берегу с видом победителя; и крошечное, едва уловимое злорадство...

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, на Заповедную пуцу напоздали сумерки. Величественно так напоздали, по-хозяйски. Будто чья-то невидимая рука набрасывала на окружающее великолепие полупрозрачную намитку. Глубокие тени очерчивали силуэты деревьев, поднимались из зарослей стайки светляков. Красиво! Жаль, мне сейчас совсем не до того.

— Сума холщовая под деревом осталась, — проговорила я громко, ни к кому конкретно не обращаясь.

Шелест кустов послужил мне достаточным ответом. Кто там в лесу подглядывает да подслушивает — не суть важно. Арэнк? или Кел, или еще кто. Главное, меня услышали, и имущество мое на земле валяться не оставят.

Вождь молчал, Шила разглядывал свои руки с таким видом, будто впервые этакое чудо видел. Я отжала волосы, встряхнула головой и проводила взглядом последний лучик солнца, нырнувший за кромку леса. Проворонила я возможность бежать. Вчистую. Но, как говорится, после драки кулаками не машут. Теперь у меня одна дорога — исполнить обещание. А там — как повезет.

На берегу появился незнакомый индрик. Сделал несколько шагов по направлению к Сикису, рухнул на колени, тихонько застонал. Передние ноги незнакомца утолщались, а шкура — съезживалась. Лошадиное тело подернулось рябью, будто расходились по водной глади круги от метко брошенного камня. Значит, вот именно так у них перекидывания происходят? Приятного мало. А скулит-то как жалобно! Михай-то вроде без стений обходился, насколько я помню.

Через несколько мгновений превращение завершилось. Больше всего меня удивило, что мужик, оказавшийся на месте коленопреклоненного индрика, был одет. Ну, по крайней мере, штаны на нем были. Узкие кожаные портки с неровно отрезанными у щиколоток краями на поясе удерживались сложной системой тонких ремешков. Обернувшийся дернул головой, откидывая с лица намокшие волосы и, покряхтывая, поднялся.

— Будет ли возноситься к небесам костер нынешней ночью? — обратился он к Сикису.

— Разводите, — кивнул предводитель. — Пусть луна увидит нашу радость.

На него, видно, ночное колдовство ни капельки не подействовало. Все так же поблескивал рог на лобастой голове и струилась чуть не до земли вороная грива.

Из лесу один за другим стали появляться люди. Кряжистые осанистые мужики поводили головами, рассматривая меня, кивали вождю и продолжали движение, направляясь к обрядовому столбу. Бабы останавливались на подольше, глядели с любопытством. Заговорить со мной никто не пытался. Только по доносящимся до меня шепоткам было понятно, что все племя уже осведомлено, кто я, зачем и кому предназначена. Сикис что-то втолковывал рослому темноволосому воину, чья обнаженная грудь пестрела странными письменами.

— Спасибо тебе, красавица, — вдруг степенно проговорил Шила, касаясь моего плеча заветренной ладонью. — Я пойду пройдусь...

Я кивнула, глядя в серебристые глаза огольца:

— Когда мальчишку обратно в его тело запустишь?

— Да скоро уже, — смутился озерный дух. — Пацан шепутной, еще чего в моей сущности порушит с испугу. Как проснется, я сразу назад.

— А как узнаешь, что он уже не спит?

— Почувствую, — знакомо насупились белесые брови. — Ты, ведьма, про уговор не забудь.

— Помню, — отмахнулась я. — Как обещала, так и сделаю. Мне бы сейчас со своими напастями разобратся, раз ты мне помочь не в силах.

Серебристые глаза озорно блеснули.

— Ну так скажи своему жениху, что, если он к тебе хоть пальцем прикоснется, у него ничего не получится — ни с кем и никогда.

— Чего не получится? Дети?

— Ну и дети тоже. — Веснушчатые щеки залил румянец. — Ты скажи, он поймет. Только не сейчас, а то еще спалит тебя под горячую руку за поруганное мужское достоинство. Завтра на рассвете и сообщи. И не забудь добавить, от кого пророчество исходит.

— А если он мне не поверит?

— А я ему знак подам... гм... недвусмысленный. Ну все, ведьма. Я — гулять.

Шила верткой змейкой скрылся из виду. Мне стало немножко завидно, что у самой так не получится — не в чужое тело влезть, а сбежать незаметно. Дернувшись следом, я уткнулась в широкую, замаранную письменами грудь.

— Куда? — спросили грозно.

Через мгновение мои запястья были плотно стянуты за спиной кожаными ремешками. Интересно, а войны эти родились такими разрисованными или потом их кто пунктирами обвел?

Сикис подошел в сопровождении другого расписного близнеца.

— Ночь ты проведешь у столба, — почти извиняясь, провозгласил вождь. — Свои умения ты нам уже продемонстрировала, как и душевную широту и доброту.

— Может, тебе еще другую сторону медали показать? — сварливо начала я. — К примеру, сколько хулильных слов за раз я могу про тебя изобрести; или как далеко я до тебя доплюну; или...

— Не кричи, девочка, — спокойно сказал темноволосый воин, подталкивая меня в спину. — Быть женой вождя — это огромная честь, просто подарок судьбы. И мы проследим, чтобы ты этот подарок приняла если не с благодарностью, то с достоинством.

Я почти не сопротивлялась. Ну так, по мелочи — приволакивала ногу, чтоб замедлить передвижение, да обзывала охранника супостатом, вслух делилась идеями, что на нем такого поганого понаписано. На месте церемонии меня прикрутили к столбу так крепко, что не получалось даже сесть. Приходилось стоять на цыпочках, до хруста вывернув плечевые суставы. Воин, закончив свою работу, исчез. Мейера, хмурая и сосредоточенная, с пучком сухой травы в руках, ходила кругами, то приближаясь ко мне, то отдаляясь. На меня мудрейшая не обращала внимания, только бормотала под нос какие-то слова. В том, что мне не удалось бежать, вины ее не было, поэтому смотрела я на старуху без обиды, даже с интересом. Ощутимо похолодало. Моя мокрая одежда липла к телу. Может, сразу на костер попроситься? Пусть помру, зато согреюсь...

— Есть! — громко проговорила Мейера, указывая на землю в пяти-шести локтях от меня. — Ворота здесь ставить надо.

Мгновенно подскочившие мужики установили в положенном месте пару гибких палок. Изогнули, соединили сверху, обмотали лентами древесной коры. Между главным

столбом и берегом озера появилась арка. Я прикинула направление по памяти — обрядовые ворота смотрели точно на восток. Дело знакомое, у многих народов есть похожие традиции. Значит, на рассвете невеста переходит к солнцу, из своей старой привольной жизни в жизнь мужнюю и детную.

Костер горел чуть в стороне. Вокруг чинно сидели пожилые индрики, переговариваясь и передавая друг другу ложки с каким-то напитком. Остальной народ суетился, мельтеша на поляне с истовостью рабочих муравьев. Вот подтащили поближе к костру плетеные корзины. Судя по доносящимся до меня ароматам, там была снедь. Сейчас бы похрустеть чем-нибудь вкусненьким не помешало бы.

— Тебе до утра есть не положено, — неприветливо сказала Мейера, увидев мои терзания.

Я сглотнула слюну:

— Не очень-то и хотелось.

— Сикис сказал, дух озера исцелил мальчишку.

— А он тебе сказал, почему исцеление понадобилось? — едко ответила я вопросом на вопрос. — Рассказал, кто ребенка покалечил?

— Сикис очень горяч...

— Это не оправдание.

— Вождь добр к своим женам.

— Эх, жаль, я об этом не узнаю.

— У тебя нет выхода.

— Выход есть всегда, просто не всегда он хорош, — вздернула я подбородок.

— И чего ты удумала? Теперь бежать не получится.

— Да я лучше руки на себя наложу!

— Эх, — покачала старуха головой. — Я точь-в-точь как ты была, такая же сильная да гордая. А жизнь вишь как распорядилась.

Я внимательно посмотрела на старуху, на ее изможденное лицо, покрасневшие глаза.

— А ведь ты любишь своего мужа, мудрейшая...

— И что? — надменно проговорила Мейера. — Побежишь про то ему докладывать? Чтоб передумал, чтоб меня вместо тебя приблизил?

— Да он не стоит твоей любви, и жалости не стоит, и сочувствия, — горячо затарахтела я. — Он же просто напыщенный болван, вождь твой. Он не умеет держать себя в руках, не умеет сострадать...

— Для владыки это не главное. Была б ты поумнее, сама бы понимала.

— А что тогда главное?

— Способность управлять народом, заставить делать что нужно, от внешних опасностей свое племя уберечь.

— Он и того не может. Смотри, вы же вырождаетесь. Вы закрылись в своем крошечном мирке, отделились от большого мира. Да даже ваш дух-защитник уже устал в этой изоляции.

— Озеро говорило с тобой? — встрепенулась старуха.

— Да.

— Со мной оно тоже раньше беседовало. — Мейера улыбнулась своим воспоминаниям. —

Почитай, на каждой зорьке я к нему бегала — поболтать. А потом как отрезало.

Мне очень хотелось расспросить мудрейшую о том, просил ли ее дух о том же самом, что и меня, и что она на это ответила. Но на поляну под ритмичный барабанный бой вышел Сикис, и Мейера отступила в тень.

— Народ мой, — начал вождь негромко, но голос его, подобно грому, разнесся над толпой и заставил всех замереть в почтении.

Мне очень захотелось исполнить самую неприличную частушку из своего небогатого запаса, чтоб хоть как-то испортить величие момента. Но мое намерение показалось мне самой чересчур детским.

А жеребец между тем продолжал:

— Хороший повод собрал нас здесь сегодня...

— Витэшна, я сейчас веревки перережу, а ты беги, — раздался у плеча жаркий шепот.

Я скосила глаза. Больше всего парень был похож на созревший одуванчик. Такой прозрачно-белесой шевелюры мне в жизни видеть не приходилось. Ну разве что у Мейеры, только у этого волосы вились плотными кудельками, торчащими вокруг головы.

— Ты кто? Кел или Арэнк?

Я не боялась, что меня услышит кто-нибудь другой. Все племя как один человек внимало речи вождя. Отрок пятерней поднял со лба челку, продемонстрировав мне коричневатое родимое пятно:

— Кел на стреме стоит, если что — свистнет.

— Куда мне бежать? — грустно спросила я. — До рассвета проход не открыть, а в лесу у меня супротив твоих соплеменников шансов мало.

— Мы можем тебе чем-то помочь? — В голосе Арэнка сквозила растерянность.

— Завязку ослабь, а то я к рассвету без конечностей останусь, — подумав, решила я. — И еще: пожевать бы чего, хоть хлебную корочку.

— Сделаю, — встрепенулся пацан.

Я с удовлетворением ощутила, что путы мягко соскальзывают с запястий.

— Осади, хоть для виду чего оставь, — зашипела я.

— А как ты есть тогда будешь? — раздалось недоуменное с другой стороны.

Шила выглядывал из-за плеча Кела, держа в руках ноздреватую хлебную горбушку. Я клацнула зубами в верхке от ребячьих пальцев и стала жадно поглощать лакомство.

— Тебя легче убить, чем прокормить, — с родительской гордостью проговорил Шила.

Я всмотрелась в его глаза — обычные, человечьи, без следа серебристого блеска. Не обманул, стало быть, озерный дух, оставил мальцу его тело.

— Давно проснулся? — нечетко спросила я, продолжая жевать.

— Только что, — хохотнул вполголоса Яс, выныривая из сумрака. — Мы его недалеко от поляны под кустами обнаружили. Причем, как он там очутился, никто не знает.

Шила озадаченно почесал затылок.

— Витэшна, спасибо тебе, — умильно сложил бровки. — Если б не ты, быть бы мне до смерти калекой.

— Озеро благодари, — смутилась я. — Мое дело маленькое...

— Ай, с ним-то сочтемся, — просто ответил пацан.

— А Вэрэн где? — встрепенулась я, заметив, что компания не в полном составе.

— Дома спит, — улыбнулся Арэнк. — Он же у нас еще маленький...

— А на стреме, значит, никого не осталось, — подытожила я, доедая последний кусочек.

Пацаны переглянулись, напряглись, замерли и...

— Заговоры замышляете втайне от взрослых?

Ерика, по случаю праздника облаченная в расшитую широкую рубаху, стояла перед нами, грозно сдвинув брови. Усыпанная речным жемчугом головная повязка делала ее лицо старше и значительнее. В руках «полезная многим» держала жбан с молоком. Жидкость переливалась за край мерцающей дорожкой.

— Да мы тут, тетенька... — лепетал Арэнк, пятясь от девки.

— Попить дай, — скомандовала я, решив, что терять мне в общем-то нечего. — Уж больно у твоих коз молоко вкусное.

Ерика послушно поднесла к моим губам край посуды, и я сделала богатырский глоток.

— Уфф, благодарствую, — обтерла я губы, с трудом дотянувшись до своего плеча ртом. — Теперь и ночь коротать веселее будет.

— Бабы поговаривают, ты Сикиса не хочешь? — Ерика устроилась на корточках подле меня, поставив жбан себе на колени.

Я тоже сползла по столбу на землю. Сидеть было не в пример удобнее.

— А чего еще говорят? — равнодушно переспросила.

— Всякое. Еще слыхала, ты ребенка спасла. И бежать пробовала.

— Ну, вроде правда...

Я отвечала рассеянно: после еды меня нещадно клонило в сон. Тем временем вождь закончил свою речь. Нет, его-то я точно не слушала, просто теперь в центре поляны не черногривый жеребец гарцевал, а мельтешили двумя змейками ряды танцующих. В ритм барабанов вплетались визгливые голоса дудок. Ну как тут заснешь, при этакой какофонии? Да запросто!

— А еще что мужа моего последними словами поносила...

— Все-все правда... — уже сквозь сон бормотала я. — Что?! Так это твой муж был? В смысле — мужья...

Дрема слетела с меня в мгновение ока.

— А надписи что обозначают? А они у обоих одинаковые или различаются чем? А кто их так разрисовал затейливо? — выстреливала я вопросами в собеседницу.

— Они наперсники, — отвечала Ерика обстоятельно. — А рисунки — то охранные знаки, от чужого колдовства защита. Мейера их делала. Мудрейшая всегда при посвящении избранных клеймит.

— Наперсники вождя?

— Да, — кивнула девка. — Правая и левая рука — десница и шуйца.

— И кто какая?

— Это без разницы, — знакомо ответила Ерика.

Ну, понятно, раз оба ее мужа одно целое...

У меня громко забурчало в животе. Видать, не на пользу молочко пошло.

— Ты мне в питье что-то подмешала? — проговорила я, перехватив удовлетворенный взгляд собеседницы. — Наверде как в отместку?

Ерика гордо кивнула:

— Никто не смеет моих мужей оскорблять!

Я скривилась от острой, будто кто полоснул ножом, боли и застонала:

— Можешь потом мой труп попинать. Для полного удовлетворения.

— Думаешь, я тебя до смерти извести решила? Дурочка! Это просто сабур.

Я снова застонала, теперь от ужаса. Свойства сабурных порошков любой ведьме хорошо известны. Лекарственные такие свойства — слабительные. При других раскладах действия пришлось бы пару часов ждать. А с молоком...

Мое величественное рассветное самозаклание отменяется. Я помру гораздо раньше, и от стыда.

Ерика поднялась, картинно вылив мне под ноги остатки молока из жбана.

— Чтоб другим неповадно было, — припечатала напоследок, удаляясь в сторону костра.

По донесшимся смешкам я поняла, что племя о страшной мести осведомлено, по крайней мере — женская его половина, и поступок Ерики одобряет.

— Чтоб новички прежде думали...

— наших мужиков...

— У самой молоко на губах не обсохло...

— То-то же. Именно — молоко, и именно что не обсохло...

— Сейчас вся потеха и начнется...

С тревогой прислушиваясь к нарастающему бурлению в своих внутренностях, я думала о том, как права была бабушка, поучая меня незнакомцев не злословить. «Ты же не знаешь, что твой собеседник в ответ на хулу учудит — может, востру сабельку с пояса сдернет, может, колданет как...» Сама-то Яга себя в словах не ограничивала — рубила правду-матку. Но то она, а то я... Вот сейчас плоды и пожинаю. Позорище какое! Кричать, чтоб меня освободили, и бежать до ближайших кустов? А выхода другого я не вижу. Только зачем же кричать? Я пошарудела руками, сдвигая ремешки. Поддавалось плохо. На лбу от усилий выступила испарина, я часто задышала.

— Не суетись, Витэшна, — шепнул Шила. — Мы своих в беде не бросим.

В руке мальчишка держал крошечный берестяной черпачок.

— Пей.

Я послушно отхлебнула. Вода. Холодная чистая вода с отчетливым металлическим привкусом.

— Спасибо, — сказала я. — Всем...

«На здоровье, — явственно хихикнуло в голове. — Ты забавная девочка. Я уже давно так не веселился...»

— Полегчало?

Я мгновение подумала:

— Да. А вода ваша всегда лечебная или только по желанию сам знаешь кого?

— И так и эдак, — пожал плечами Шила. — Знаешь, я об этом как-то не думал... Спросить, наверное, надо.

— Ага, при случае обязательно спросим.

Благодаря неожиданно подоспевшей помощи я уже могла не опасаться позора. Сидела у своего лобного места, удобно привалившись к тесаному столбу, ногами шевелила да любовалась на чужой праздник. Мои друзья куда-то подевались. Народ, уверившийся, что продолжения моих смертных корчей им не светит, быстро потерял ко мне интерес. Общий танец сменился мужским, в котором суровые воины с неподвижными, будто вытесанными из камня лицами попытались без слов поведать зрителям об удачной охоте. Затем — задорный хоровод из баб да молодух, видно символизирующий ожидающую дома награду. Визжали дудки, брехали барабаны, ритмичный топот десятков ног поднимал клубы пыли...

Короче, я заснула.

И была я горошиной в стручке, и бусинкой в коробочке, и льняным семенем в детской погремушке. Чья-то огромная рука встряхивала меня с товарками, и от наших пересыпаний рождался монотонный шелестящий звук.

Тишина обрушилась на меня, подобно ушату ледяной воды. «Вставай, ведьма. Свадьбу свою проспичь...» Я широко зевнула, пошевелив стянутыми за спиной запястьями.

Рассвет. Раскаленный горизонт неохотно отодвигается, выпуская ярко-желтую солнечную горбушку. Серебряная поверхность озера разбегается солнечными зайчиками. И над Заповедной пущей перекидываются изогнутые коромысла многоцветных радуг.

От здешнего великолепия меня уже мутило. С трудом поднявшись, я сплюнула себе под ноги. Жемчужный сгусток слюны повис на смарагдовом травяном стебле. У-у-у... Ненавижу! И место это, и людей, и спину свою затекшую — все! Я гневно раздула ноздри и оглядела толпу. Солнечные лучи вонзались в нее подобно разящим стрелам. Сборище подернулось рябью. Взрослые мужчины противились превращению. Некоторые не справлялись. И вот уже среди людской массы то там, то здесь засверкали в утреннем свете витые рога. Все молчали, делая вид, что ничего не происходит. Это уже потом над слабачками будут подшучивать и тыкать пальцами в их согнутые стыдом спины. А сейчас... Сейчас у народа были дела поважнее.

Сикис величаво смотрелся на фоне разгорающейся зари. Я даже залюбовалась невольно. Его будто выточенная из оникса фигура ждала меня по другую сторону обрядовых врат.

И как мне теперь ему повеление духа передать? Орать через всю поляну: «Если ты хоть пальцем...»? Глупо получится.

Вороной индрик развернулся спиной и длинным змеиным движением сиганул в воду. Над толпой разнеслись приветственные крики, озеро пошло волнами, забурлило, будто затягивая вождя в пенный водоворот. Последний отчаянный всплеск — и вот уже на мелководье, горделиво расправив плечи, стоит Сикис в своей человеческой ипостаси. Бусинки воды стекают по вздутым мышцам плеч и длинным волосам, хитрые черные глаза смотрят в мою сторону с усмешкой. Ну что сказать... Мужик как мужик, из тех, кого я привыкла вежливо величать «дядюшками». Лошадью он мне больше нравился.

Вождь воздел руки к небу. Стало тихо.

Мейера, облаченная в широкую белую рубаху, неспешно подходила ко мне со стороны, поигрывая огромным ножом. Орлиные перья, украшающие ее головную повязку, мягко колыхались в такт шагам.

— Ну, вот и все, девочка, — проговорила старуха, занося оружие. — Пришло время.

Широкий взмах. Сдерживающие меня путы коричневыми червячками упали на землю.

Я потеряла запястья, почесала плечо, тряхнула волосами, еще почесалась. Эх, сейчас бы в баньку, ёжкин кот!

— Мне с женихом надо перемолвиться, — обратилась я к мудрейшей, пытаюсь дотянуться до зудящего места на лопатке.

Что это со мной такое? Никак за ночь муравьев в одежду понаползло?

— После обряда поговоришь, — ухватила меня за руку старуха. — У вас там как раз для бесед время выделено.

— Потом поздно будет, — упиралась я.

Судя по гневному лицу Мейеры, я явно делала что-то не то. Вдруг взгляд старухи потеплел, она выпустила мою руку и проговорила почти с лаской:

— Ну так иди к нему, слово молви.

И повела головой в сторону обрядовых врат. Я с облегчением сделала шаг... Э-э-э, нет... Кто-то кого-то на мякине провести старается.

— Тетенька, получается, только я сквозь арку пройду, обряд и свершится?

— Иди, непутевая, — зло ответила Мейера. — После умничать будешь.

— Нет! — топнула я ногой. — Не бывать этому!

Самое странное, что никто из окружающих старой колдунье на помощь приходит не спешил. Стояли и пялились, как на ярмарочный скомороший балаган. Только что петушков на палочках не облизывали. С Сикиса вообще в этот момент можно было ваять аллегорическую фигуру бесконечного терпения.

— Ах так! — Мейера одним быстрым движением заломила мне руку за спину и поволокла на восход.

Иравари сказала бы, что я проигрываю по очкам. Как ни упиралась я пятками, как ни скулила жалобно, сильнющая бабка неотвратимо приближала меня к своей цели. Я фыркала, задыхалась... и в какое-то мгновение — не знаю, то ли освещение изменилось, то ли солнце еще на пару вершков выползло из-за горизонта, но поверхность Серебряного озера приобрела такую зеркальную гладкость, что перед моими зареванными глазами очутилось как бы два небосвода. Пространство разрасталось в бесконечность, открывая мириады миров. И на самом краю колдовского зеркала неподвижно ждала меня судьба — нелюбимая, нежеланная, неотвратимая.

Мейера перехватила меня свободной рукой под подбородком и всем телом подтолкнула в спину:

— Иди!

Мы были настолько близко к вратам, что я видела каждую жилочку на мертвых ветках, каждый древесный волосок, выбивающийся из плотных лент коры. Еще один только шаг...

Горячие злые слезы бегут по щекам, кружится голова. Никак видения у меня начались? Вон и жених мой достославный двоиться начал. Я проморгалась. Темная мужская фигура за спиной вождя никуда не исчезла. Сикис, вздрогнув, как от укуса, развернулся и бросился на незнакомца. Захват, бросок, переворот... Я вытянула шею. Эх, да что там рассмотришь с моего места? Только силуэты. Крики разлетались над толпой, подобно морским чайкам. И глухие звуки ударов, которыми обменивались сражающиеся, вторили им от воды.

Мейера ослабила хватку.

— Почему вождю никто не поможет? — спросила я.

— Потому что закон не велит, — ответила мудрейшая. — Сам должен управиться.

— Ну так охолонь, руку мою отпусти, — осторожно начала я. — Что-то мне подсказывает, что сегодня свадьбы не будет.

— Ворота готовы, сквозь них должны пройти, — зашипела старуха, опять схватив меня за шею. — Тебе что тут, шутки шутить будут? Ты знаешь, сколько колдовских сил потрачено на этот обряд? Боги ждут, чтоб благословить входящую. И Небо ждет, и Солнце, и

Ветер...

Я резко повернула голову и вцепилась зубами в предплечье старухи, прокусив ткань рубахи. Солоноватый вкус крови заполнил рот. «Авось в упыриху не перекинусь», — думала я, изо всех сил пытаюсь не глотнуть.

Мейера вскрикнула, дернувшись всем телом. Я разжала челюсти, сгруппировалась и сильно боднула ее головой в живот. Колдунья спиной влетела в арку и распласталась на той стороне.

— Твои боги благословляют тебя, мудрейшая, — сказала я, сплевывая под ноги красноватую слюну. — Совет да любовь! И детишек побольше.

— Все воюешь, птица-синица? — Влад, вцепившись в иссиня-черные волосы вождя, вытаскивал того на берег. Глаза Сикиса были закрыты, он был без сознания.

Я обежала ворота по большому кругу:

— Приходится, если защитники не торопятся.

На валашского господаря было страшно смотреть. Вся левая сторона лица превратилась в один сплошной синяк, рассеченная бровь кровила... Местный озерный дух не желал излечивать пришельца.

Сикис застонал. Кадык дернулся под захлестнутой удавкой. Серебро?

— Вот пропажа и пригодилась, — с гордостью проговорил Влад, указывая на свой нагрудный знак, который теперь тянул к земле противника. — Вовремя мы с тобой встретились.

— У тебя, как я погляжу, все ко времени, — начала я обвинительную речь.

Договорить не удалось. Из-под ног полетели комья земли. Я отпрыгнула назад. Мазила! С поляны, набычившись и чуть пригнув передние ноги, готовился повторить выстрел рослый незнакомый индрик.

— Нас же сейчас в капусту посечет! — заорала я. — Ёжкин кот!

Казалось, именно мой истошный крик послужил сигналом к началу сражения. Из леса стаей вездесущей саранчи вылетели дружинники в черных доспехах. Завизжали бабы, схватили оружие мужики. Да куда там? Захватчики были неплохо подготовлены. Не обращая особого внимания на мельтешащих женщин, они вплотную занялись воинами. Мечей я не заметила, как и луков или какого-нибудь другого оружия. Глянцево поблескивающие сети в мгновение ока были накинуты на тех индриков, которые уже успели перекинуться.

— Сзади не подходи! — командовал своему отряду раскрасневшийся Михай. — Копыт опасайся.

Руки малорослика по локоть были будто покрыты инеем. Да уж, в такой рукопашной серебряные рукавицы — самое то. От малейшего тычка Михая противники разлетались в стороны, крича от боли. На обнаженных торсах вспухали ожоговые пузыри.

Через несколько мгновений все было кончено.

Вспокоенная стайка баб, согнанная дружинниками к столбу, осыпала захватчиков страшными проклятиями. Ножи и заточенные колья, которыми пытались оказать сопротивление мужчины, валялись прямо на земле вперемешку с осколками посуды, остатками еды и другим мусором. Мейеры нигде не было видно. Сикис, уже пришедший в себя, бешено вращал глазами, но подниматься не торопился.

— Ну вот и все, — просто сказал Влад. — Явление Дракона. Ты давай, птица-синица, к Михая пробирайся. У меня еще тут дела...

Я набрала в грудь побольше воздуха для гневной тирады, мельком глянула на господаря, на его очи пламенные, на плотно сжатые губы да на серебристые бусинки воды,

стекающие по обнаженной груди, и... послушно кивнула:

— Как прикажешь, князь.

А тот отвел от меня взгляд и, казалось, сразу же забыл о моем существовании.

— Народ Семи Радуг! — Голос Влада завораживал, заставлял застыть на месте и внимать его словам, широко раскрыв рот. — Я одержал победу в честном бою — один на один, как велит обычай. Я не желаю вам зла, я пришел с миром...

— А чего тогда войско на нас натравил? — Визгливый бабий голос вибрировал от негодования. — Мужиков переби-и-или!

Ерика каталась по земле, разрывая на себе одежду. Она что, ополоумела, на сносях такое вытворять? Я ринулась к девке, прижала к земле, заглянула в пустые безумные глаза:

— Не помер никто, я смотрела. Слышишь? Живы твои мужья расписные.

Я легонько хлопнула страдальцу по щеке, ухватила за подбородок, поворачивая голову. Оба ее мужика, спеленатые на манер младенчиков, находились буквально в двух шагах. Она увидела, легко вскочила, бросилась к ним, залопотала что-то, завохтала, дрожащими пальцами стала распутывать веревки. Ее никто не останавливал. Молоденький валашский дружинник даже попятился, чтоб не мешать воссоединению семьи.

— Это была вынужденная мера, — продолжал между тем Дракон. — Мои дружинники пришли сюда, чтоб никто не пострадал, чтоб проследить за соблюдением обычая...

Влад махнул рукой, и его люди стали снимать путы со всех поверженных противников. Я вообще перестала понимать, что вокруг происходит. Освобожденные спешили перекинуться в единорогов. Видно, в человеческой ипостаси они чувствовали себя слишком беззащитными.

— Пошли, — потянул меня в сторону Михай, уже успевший снять свои рукавицы. — Наше дело сделано. Они сейчас будут дарами обмениваться и взаимные обязательства уточнять.

— Чего? — выпучила я глаза. — Какие такие обязательства?

— Вассальные, — скривился малорослик. — Мне людей надо увести, пока Влад портал держит.

— Вот ведь человечество! — скрестила я руки на груди. — И портал держит, и зубы лошадям заговаривает... Может, попросим его еще сплясать для полного комплекта?

— Ай, — махнул рукой валах. — Егоза, стой здесь, я парней переправлю, за тобой приду.

Я только широко ухмыльнулась, отворачиваясь к озеру.

— У меня самые добрые намерения, — вещал злыдень как заведенный. — Сейчас мои люди покинут вашу территорию. Ни одного моего воина не останется в Заповедной пуще, на землях племени...

Я кожей чувствовала, как меняется настроение индриков. Душные волны ненависти сменялись спокойствием, даже какой-то симпатией. Дракон филигранно управлял толпой. Продемонстрировал свою силу, унизил, поставил на колени и... отпустил, поднял, приласкал. Сейчас он сам был центром Заповедной пущи, ее стержнем.

Михай вернулся очень быстро — соскучиться я не успела.

— Твой господин обещал, что все уйдете, — шепнула я ему.

— Значит, соврал, — быстро нашелся вовкудлак. — Я сперва перекинуться хотел — для маскировки, но что-то не получается.

— Пуща ведьминскую силу блокирует, — задумчиво проговорила я. — Значит, твоя

вторая ипостась вовсе и не магическая?

— А какая разница?

— Ну не знаю... — Вопрос неожиданно меня заинтересовал. — Маги обращаются к стихиям, нити силы используют, а ведьмы — природу, судьбу...

Стоп! Я неожиданно припомнила Макошь — прародительницу мира, которой поклонялась моя бабушка. Получается, ведьмину силу боги раздают?

— В кого веруешь? — задала я прямой вопрос. — Кто из древних покровительствует твоему народу?

Михай смешался:

— Я не могу об этом говорить. Не здесь, не сейчас...

Я тихонько усмехнулась правильной догадке:

— Ну скажи хоть, бог или богиня?

— Она, — выдохнул валах с почтением. — Она — неназываемая...

Меж тем на берегу что-то происходило. С десятков индриков образовали полукруг за спиной своего вождя. Сикис, единственный из них, оставшийся в людском облике, уже стоял ровно и о чем-то беседовал с Владом. Князь, видимо избавившись от необходимости держать портал, был расслаблен. А ведь ловкий злыдень, дракон его побори! Получается, сюда он зеркальными тропками пробрался — кажется, он сам называл это колдовство «лабиринтом отражений» (и можно только догадываться, кто ему путеводную ниточку с этой стороны держал), напал на вождя и одновременно умудрился открыть портал для своих дружинников. Чудеса, да и только! А чего стоят тонкоплетные серебряные сети, которыми он ратников снарядил, или блестящие рукавицы его братчика... Я невольно проникалась уважением к темному разуму Дракона.

— Пошли уже, — опять принялся за свое Михай. — Дальше ничего интересного не будет.

— Может, тебе и не любопытно, — уперлась я. — А в нашей деревне я чего-то прежде вассальных клятв не наблюдала.

Малорослик продолжал что-то бурчать себе под нос, но уже без особой настойчивости.

— Приступаем! — громогласно скомандовал Влад.

Я замерла, пытаясь ничего не пропустить из разворачивающегося перед моими глазами действия. Индрики попятились от берега, смешались с толпой, будто освобождая сцену только для двух ключевых актеров.

Сикис опустился на одно колено и протянул вперед сомкнутые ладони. По голой груди, там, где кожа соприкасалась с серебром, струилась кровь. Ни один мускул не дрогнул на лице вождя. Потухшие черные глаза смотрели прямо перед собой. Ровная спина, твердо сжатые губы.

Влад, чуть склонившись, принял его руки в свои. Над озером сгущалась незнакомая мне тяжелая сила. Шумело в ушах, иссушенный волшебной силой воздух с шипением врывался в легкие, не принося облегчения. Все молчали, подавленные величием момента. Я покачнулась, Михай придержал меня за плечи и уже не отпускал. Напряжение становилось почти невыносимым. И тут индрик заговорил:

— Я, Сикис, старший воин народа Семи Радуг, вождь детям своим, муж женам своим, признаю валашского господаря Влада по прозванию Дракон своим полновластным господином. Вверяю себя и народ свой под его покровительство. Клянусь служить ему верой и правдой, ни прямо, ни косвенно, ни добровольно, ни под принуждением не нарушать данного слова. Клянусь по первому зову являться пред очи его и исполнять повеления его в точности. Клянусь не злоумышлять против него, не покушаться на жизнь его, честь его, женщин его. Да не будет у меня и народа моего другого господина

отныне и довеку, пока господин не освободит меня. И если я осмелюсь нарушить клятву, смертью буду покаран я и народ мой. Я сказал.

Последние слова зарока эхом отдавались в моих ушах, когда заговорил Влад:

— Я, господарь Валахии, Влад по прозвищу Дракон, принимаю верность Сикиса, вождя племени Семи Радуг. Возлагаю на себя обязанности господина его и народа его. Клянусь в меру своих сил помогать ему и народу его, не причинять вреда ни ему, ни его делу, не покушаться на жизнь, честь и имущество его и народа его.

Индрик поднялся с колена, и Влад склонил голову к его лицу. Я раньше никогда не видела, чтоб двое мужиков целовались, поэтому фыркнула от неожиданности.

— Это обрядовое лобзание, — прошептал мне на ухо малорослик, сжав плечо.

— Ты с ним тоже? Того... Лобызался? — тихонько хихикнула я.

— Иначе никак, — серьезно ответил Михай. — Ритуал.

Я бы, может, и продолжала веселиться, выясняя у перевертыша, как ему понравилось свои сахарны уста братчику подставлять, да наткнулась на взгляд Влада. Он, оказывается, закончив скрепление клятвы, смотрел прямо на меня. И такое нечеловеческое удовлетворение прочла я в синих глазах валашского господаря, что слова застряли у меня в глотке и мириады быстроногих мурашек побежали по спине. Дракон был счастлив. Нет, не так — Дракон был сыт.

Народ, запрудивший полянку, отмер, послышались негромкие разговоры, даже смех. Я же почувствовала себя так, будто все мои внутренности выскребли досуха серебряной ложкой. Бессильной я себя ощутила, опустошенной. Без возражений позволила Михаю увести меня с поляны, даже особо не замечая, куда мы идем. А он тархтел без умолку, раскрывая передо мной тонкости вовсе мне не интересных романских интриг.

— Расскажи мне, с чего все началось, — жалобно попросила я, сбиваясь с быстрого шага. — Зачем и для чего весь этот балаган твоему хозяину понадобился?

Михай ответил мне грустным взглядом.

Иветта Лузитанская была прекрасна. Каскад золотистых волос обрамлял кукольное личико с влажно поблескивающими голубыми глазами, чуть вздернутым носиком и полуоткрытыми, будто в ожидании поцелуя, губами. А эта кремовая гладкая кожа, эта голубоватая жилка, четко различимая на длинной шее... Ах! Княгиня смотрела на свой юношеский портрет почти с ненавистью. Куда, куда все подевалось? И ведь всего два десятка лет прошло с того дня, как придворный художник Трикассо сдернул кисейное покрывало с оконченной картины и восторженный вздох разнесся над толпой придворных.

— Увы... — Княгиня откинулась на изогнутой кушетке. — Как несправедлива судьба!

Закинула руку за голову, привычно повернулась, чтоб поймать в зеркале отражение своей томной распластанной фигурки... Но взгляд ее уткнулся в безликую драпировку. Третьего дня княгиня велела слугам убрать все зеркала, украшавшие до того времени стены ее будуара.

Да-да! Будуара! Модное франкское нововведение пришлось как нельзя кстати к нервному настроению княгини. Будуар — комната, где можно сердиться. Разукрашенное дамское гнездышко, где хозяйка может принять поклонника, посплетничать с наперсницами и куда нет хода постылому, властному супругу.

В дверь поскреблись, и через мгновение в комнату серой тенью проскользнула женщина.

— Что, Йохана? — подалась княгиня навстречу приживалке. — Он придет?

— Молодой господин очень занят, — почти шепотом ответила та, пряча злую усмешку. — Он просил матушку немного подождать.

— Хам, мерзавец, мальчишка. — Иветта вскочила и начала носиться по комнате. — Да как он смеет?!

Матушка! Да она всего на семь лет старше. Раньше, помнится, его это не останавливало. Какие баллады он слагал в ее честь, какие трогательные послания она находила по утрам на своем туалетном столике. И как забавно было разбирать полудетские каракули в кругу друзей и поклонников, вызывая у слушателей приступы смеха. Сколько ему было, когда Иветта появилась при романском дворе? Лет восемь-девять — не больше. Угрюмый бледный мальчик с неистово горящими глазами. А теперь? Равнодушный кавалер, не удостаивающий ее ни одним благосклонным взглядом. Бастард ее венценосного супруга слишком много о себе возомнил! И чем таким неотложным он занят? Очередной девкой? Княгиня так ясно представила себе два обнаженных тела на шелковых простынях, что у нее перехватило дыхание. Ну конечно, он сейчас тискает свою наложницу, наслаждаясь ее юными прелестями. Какую-нибудь провинциальную клушу, с восторгом отдающуюся в руки молодому господарю. В то время как она... Она...

Напольная ваза тончайшего фарфора только жалобно звякнула, расколовшись, когда Иветта наподдала по ее гладкому боку острым носом домашней туфельки. Вода хлынула на ковер.

— Какая досадная случайность, — донеслось от двери насмешливое замечание.

Дракон одарил свою мачеху кривой улыбкой и слегка опустил голову, имитируя положенный по церемониалу поклон.

— Я прикажу убрать, — схватила Иветта серебряный колокольчик.

— Пустое... — Молодой красавец щелкнул пальцами.

Безобразная лужа в мгновение ока испарилась. На ковре остались лишь осколки фарфора и высушенные, будто для гербария, розовые стебли.

Йохана молча выскользнула из комнаты, оставив Иветту наедине с пасынком.

— Ты нашел способ? — сразу приступила к делу княгиня.

— Да. — Влад развернул на ажурном столике пергамент.

— Это заклинание?

— Нет, мадам, это договор.

Иветта, наморщив лобик от усилий, пробежала глазами документ.

— Ты хочешь Авилу? Мою Авилу?

— То, что она ваша, никак не влияет на мое желание ее заполучить, мадам. Мне нужен выход к морю. Вы, вследствие невероятной щедрости своего покойного батюшки, владеете провинцией, которая мне этот выход может обеспечить. Все просто.

— Я не могу подписать договор, — пролепетала княгиня. — Ты вассал моего супруга...

— Еще как можете. — Влад был непреклонен. — Главный принцип иерархии: вассал моего вассала — не мой вассал. Конечно, если б вы в свое время передали права владения вместе с брачными обетами, наш разговор не мог бы состояться.

— Мне нужно посоветоваться с твоим отцом.

— Что ж, матушка, я уважаю ваш выбор. — Голос пасынка сочился ядом. — И не забудьте указать своему венценосному супругу, что отдаете провинцию взамен на верный способ вернуть вам молодость.

У Иветты перехватило дыхание. Она представила, какими глазами посмотрит на нее романский князь и какими гадкими, обидными словами наградит ее сразу вслед за этим. Княгиня всхлипнула и обессиленно рухнула на кушетку.

Влад опустил на колени, снизу вверх глядя на страдания своей мачехи.

— Иветта, — проговорил он с такой нежностью, что сердце бедной лужитанки забилося с удвоенной силой. — Пусть это останется нашей тайной. Я помогу вам сохранить вашу ослепительную красоту. А вы...

— Каким образом? — оживилась княгиня.

— Вода Серебряного озера, — широко улыбнулся Влад. — Я добуду вам ее.

Через некоторое время Дракон закрыл за собой двери княжеского будуара и, быстрым шагом пройдя через анфиладу парадных залов, спустился по винтовой лестнице в подвалы цитадели. Михай ждал его у тайного хода, сидя на корточках прямо на полу.

— Ну что? — встревоженно спросил братчик. — Вздорная баба подписала бумаги?

— А то! — помахал Влад пергаментом с еще влажными чернилами. — Женщины превыше всего ценят собственную внешность.

— Что теперь?

— А теперь, мой друг, нам необходимо найти ведьму, чтоб исполнить свою часть договора. Ты что-то говорил о франкской гадалке?

— Да, ее опекун ждет нас на постоялом дворе.

— Так поспешим. Надеюсь, дева будет достаточно мила, чтоб я смог навести на нее портал.

— И достаточно невинна, чтоб открыть путь к единорогам, — хохотнул Михай. — Тебе-то чего туда соваться? Хочешь, я сам водицы наберу?

— Ну сам рассуди, что выгоднее — покупать молоко у крестьянина или сразу украсть корову?

Михай наградил своего господя понимающим взглядом:

— Значит, предстоит путешествие в Рутению. Десятка два ратников нам хватит?

— Думаю, да, — кивнул Влад. — Мы же с дружеским визитом к сопредельному владыке едем, а не на чужое добро лапу накладывать.

Михай расхохотался. И братчики один за другим юркнули в потайной ход.

Я потеряла виски:

— Получается, вы с Драконом меня втемную использовали? Без надобности вам был рог индры-зверя?

— Ну да, — виновато ответил малорослик. — Нам нужен был главный единорог, причем в человеческом обличье, чтоб серебро подействовало.

— А с чего вы решили, что из-за меня он перекинется?

— Ну ты же ведьма, причем молоденькая да пригоженькая. — Михай внимательно рассматривал носки своих сапог, чтоб только не встретиться со мной взглядом. — Шансы, что вождь тебя захочет, были очень велики. Для бракосочетания он должен был принять людскую ипостась, и именно на рассвете. Как только солнце встало под нужным углом, Влад открыл портал.

— Так он, злыдень, значит, на постоялом дворе тренировался меня на манер маячка использовать? — Я почти кричала. — Руку набивал? Что он у меня теперь стащил? Какую вещь?

— Волосы, — буркнул Михай. — Он велел Инессе у тебя несколько прядок состричь.

Говорил, так надежнее будет.

Я припомнила, с какой аккуратностью мастерица сметала со стола невесомые завитки, и заскрежетала зубами:

— А ведь я теперь поняла, почему князь не опасался разоблачения. Не успел бы Ив меня арканами озадачить. Я должна была раньше исчезнуть. Твой господарь заранее спланировал похищение, вырядил меня, как пугало огородное, да на люди выпустил. Ему и оставалось только — обиженную гадалку с цепи спустить и ждать, когда она сама меня к индрикам выведет.

— Влад умеет на много ходов вперед планировать, — с гордостью проговорил перевертыш. — Тактик!

— Ответь мне только на один вопрос. — Я ощутила усталость. — Откуда твой разумный повелитель про все это узнал? Про вождя индриков, про обычаи племени Семи Радуг и, драконья мать, про то, что на рассвете Серебряное озеро превращается в зеркало? Откуда?

— Однако вопрос-то не один получается, птица-синица, — раздался вкрадчивый голос. — Навскидку — три, не меньше.

Валашский князь, скрестив на груди руки, поджидал нас на тропинке.

— Ну так расскажи, — резко сказала я. — Или тяжело языком после эдаких баталий ворочать?

— Я много читал, — послушно ответил Влад. — Собирал по крупицам рассказы очевидцев, смутные намеки в древних летописях, призывал...

Тут князь запнулся, но он мог дальше и не продолжать. Ежу понятно, демонов тонкого мира расспрашивал. И видно, у него сущности посильнее моей знакомицы Иравари на посылках бегают. Или, может, он вопросы задает получше, чем малолетние ведьмы-недоучки. Эх, отшлепала бы себя, да, боюсь, собеседники не так поймут.

— Кстати, нам надо поторопиться. — Господарь снял с плеча лямку холщовой сумы. — Забирай свое имущество. Мальчик-одуванчик велел отдать.

— Благодарствую, — приняла я передачу, на ощупь проверяя сохранность двух оставшихся рогов. — А по какому случаю убегаем? Лошадок опасаясь?

— Чего их теперь бояться? — улыбнулся Влад. — Просто здесь и у нас время по-разному течет. Загостимся — мирские возможности упустим.

Вот на все у злыдня наперед задумка имеется.

— Мейера на десять лет проход закрыла, — мстительно вспомнила я. — На это у тебя что заготовлено?

То, что было на такой случай у меня, костянисто постукивало в сумке. На вечерней зорьке воткну витой рог в сыру землю и перенесусь куда-нибудь подальше отсюда. Еще и прихвачу кого-нибудь из спутников. Того, кто вести себя хорошо будет.

— А на это, — широко улыбнулся князь, — мне с высокой башни... плевать. Я теперь над племенем Семи Радуг главенствую. И уходить-приходить могу, ни приглашения, ни разрешения не дожидаясь.

Михай хмыкнул, поведя глазами в мою сторону:

— Ну я же тебе говорил...

Тонкую радужную пленку перехода я заметила издали. С десятков шагов прошли мы от границы перелеска на знакомой поляне, а будто тише стали петь птицы, и выцвели яркие краски вечного заповедного лета.

— Я помогу, — взял меня за руку господарь.

— Погоди, — отстранилась я. — Слово напоследок молвить надобно.

Я повернулась лицом к Заповедной пуще, набрала в грудь побольше воздуха и четко произнесла:

— Лутона! Меня зовут Лутона.

Лопнула в вышине струна, ледяной ветер взъерошил далекие верхушки елей, и едва слышный голос прошептал: «Спасибо, ведьма...»

— Зачем? — удивленно изогнулись господаревы брови.

— Индрики верили, что если новичка произнесет свое мирское имя, все ниточки, которые связывают Заповедную пущу с миром, оборвутся.

— Это не так?

— Так, но... Теперь индрики вернулись в мир. Понимаешь? Эти нити не к миру их привязывали, а наоборот — тянули куда-то в другой.

— И откуда ты это знаешь?

— Дух места сказал, — пояснила я. — Ему было так одиноко болтаться в этой пустоте.

— А теперь?

— Теперь он в мире, как и хотел, опять чувствует своих собратьев. Их же много у нас — сущностей... Мудрейшая ошибалась в главном: это не конец, а начало.

— А чего ты у столба тогда не проорала свое имя? Ждала, пока Сикис придет свое брат? — нервно спросил Влад.

— Так при нем бы не подействовало, — горячо объясняла я. — Он и Мейера эти нити держат, то есть держали — вождь и жрица. При них я до хрипоты могла вопить. Дух сказал — от границы кликнуть, я и пообещала.

Влад думал всего пару мгновений, потом ухватил меня за руку и, низко склонившись, поцеловал в ладонь:

— Ты даже не представляешь, какая ты умница!

И продолжил, еще до того, как я успела удовлетворенно разулыбаться:

— На месте Славислава я бы тебя на главной площади сжег.

— Почему? — отдернула я руку.

— Представь себе, сколько территории у вашей Рутении съест новая, появившаяся из ниоткуда держава?

Я представила и тихонько застонала. Да будь я на месте нашего князя, сжигать на площади было бы уже нечего, так — веничком лоскутки смести, и всех дел.

— А знаешь, что самое забавное? — пришло мне в голову. — Нам с тобой на пару от Славислава бегать придется. Ну как только до него дойдут слухи, кто великий сеньор его новых соседей.

Влад кивнул задумчиво, перекинувшись взглядами с Михаем.

И тут грань исчезла, будто задернулся разноцветный полог. Кто-то не хотел отпускать нас из Заповедной пущи. И я даже догадывалась кто. Топот, залиvistое ржание обрушились, казалось, со всех сторон, и из леса на поляну вырвался табун разъяренных индриков.

ГЛАВА 15

О том, что все рано или поздно заканчивается

Коли мять лен, так уж доминать. Коли бить, так уж добивать. Бить, так бей, чтоб не очнулся.

Это был очень странный сон. Звуков не было. Совсем. Я даже не слышала своего дыхания или биения сердца. Бескрайняя равнина под свинцовыми небесами. Белая, как молоко в подойнике или первый зимний снежок. Я сделала пробный шаг, увязнув по щиколотку в прохладной субстанции. Босые ноги чувствовали опору, но ручейки тумана не давали ее рассмотреть. Я приподняла подол льняной рубахи и немного полюбовалась на свои щиколотки. Глупость какая!

— Лутона-а-а-а! — разнеслось в пустоте. — Деточка моя-а-а...

— Аюшки! Бегу, спешу, — отозвалась я и побежала.

Куда? Об этом я пыталась не думать. Только я четко знала, что, если поднатужиться да правильно выбрать направление, я попаду, куда надо. Туда, где ждет меня самый главный человек в моей жизни.

— Где тебя носило? — неприветливо спросила бабушка, поднимая голову от работы. — Не дозовешься...

Ее разноцветные глаза, левый — зеленый и правый — голубой, смотрели на меня с укором. Пряничный станок продолжал пощелкивать, приводимый в движение легкими толчками бабулиных ног.

Я разревелась:

— Да я... вот... А сама...

— Ну будя сырость-то разводить, — провела ладонью по лицу Яга. — Иди сюда, обниму хоть тебя, непутевую...

Я бросилась к ней, обхватила руками ее костистые плечи, вдохнула такой родной запах — лечебных трав, свежего печного хлеба, почувствовала щекой тканую поверхность бабулиной рубахи.

— Я, вишь, ни на минутку пряжу оставить не могу, — проговорила старушка, поглаживая мои волосы свободной рукой. — Работы накопилось невпроворот.

— А что, простила тебя твоя богиня? — шмыгнула я носом. — Опять в небесные пряжи допустила?

— Как видишь...

Мы немножко помолчали. Равномерные постукиванья веретёнец навевали дрему. А вот интересно, если я усну во сне, я в реальном мире проснусь или провалюсь в еще более нереальные пределы?

— Я чего тебя звала, Лутона, — вдруг строго сказала Яга. — Я тут давеча на нить твою смотрела...

Я встрепенулась, разглядывая появившееся между бабулиными пальцами волоконец.

— Вот тучочки. Видишь, сразу за последним бужлецом?

Золотисто-коричневая нить моей судьбы изобиловала многосложными частыми узелками. Ну, понятно теперь, почему у меня ничего по-простому не выходит. С такой-то долей заковыристой! А это что? За утолщением, на которое указывала мне бабушка, нить истончалась и меняла цвет на светло-серый, почти прозрачный.

— Что бы это значило? — озадаченно спросила я. — Неужто помру скоро?

— Это же не конец нити, не обрыв. Глянь, как ровно дальше струится.

— А к чему такая перемена? — не унималась я.

— Введать не ведаю, — ответила Яга. — В одном уверена — переворот предстоит знатный. Ты уж, кровиночка, поберегись там.

— Знать бы еще как...

Собеседница только плечами пожала:

— Ну ты же у меня разумница, разберешься, что к чему.

Мы еще помолчали. Стук-стук, клок-клок... А хорошо-то мне как, спокойно... Стук...

— Ну все, возвращайся. Нельзя тут тебе долго.

— Не хочу, — заныла я плаксиво. — С тобой хочу, вместе...

— Вот ведь упрямица, — сказала бабуля и щелкнула меня по лбу.

Клак! В ушах зазвенело, мир треснул, как осенний ледок, и разлетелся мириадами осколков.

Я проснулась.

Глаза открывались неохотно, будто какой-то неведомый шутник придерживал ладонями веки. Я искоса оглядела помещение, в котором меня сморил сон. Стены изгибались, уходя вверх. Слегка поморгав, я смогла рассмотреть тесаные деревянные планки, на которых крепилась плотная ткань. Шатер — походное жилище. Локтей десять в высоту — не меньше, на потолке — овальное отверстие для дымоотвода. Ну да, правильно, мы же в лагерь и шли...

Снаружи донеслось ржание. Я вспомнила разъяренного вождя, несущегося прямо на меня, и зябко поежилась. Как же я тогда испугалась! Это я уже потом поняла, что единороги не готовились к драке. Им ничего не стоило перебить нас издали, даже и не приближаясь на расстояние удара. Что их сдерживало? Конечно же договор, заключенный с валашским господарем. Но это сейчас мне все ясно, а тогда... Тогда меня объял ужас, и за считанные мгновения я успела десяток раз пожалеть о своем обещании, данном озерному духу.

— Я хочу казнить ведьму! — хрипел Сикис, бешено вращая глазами. — Она погубила нас.

— Она спасла вас, — втолковывал Влад. — Сила вашего места иссякала в изоляции.

— Что мы будем делать теперь? Проклятие! Серебро! Люди уничтожат нас!

Вороной индрик нервно пританцовывал передними копытами. На его широкой груди я заметила белую отметину — примерно там, где с его кожей соприкасался серебряный дракон, когда вождь был в человеческой ипостаси.

— Предлагаю решение, — повысил голос князь. — Я избавлю вас от проклятия, которое заставило уйти из мира твой народ...

Эти воспоминания заставили меня широко улыбнуться. Возбужденные индрики, недоверчиво поводящие головами, убедительная манера Влада, недолгие сомнения Сикиса...

— Дальше не твоя забота, — втолковывал малорослик, выводя меня за границу Заповедной пуши и доставая из захоронки теплую зимнюю одежду. — Влад будет долго волшебю свою творить, потом нас нагонит. Нечего тебе там мельтешить да к плохим мыслям индриков подталкивать.

А я была такой уставшей, что только согласно кивала на все тирады провожатого, истово стуча зубами от холода и соглашаясь с любым решением. Лишь бы согреться да прикорнуть где-нибудь на пару часиков. Мне в тот момент даже есть не очень хотелось. Как мы в конце концов дошли и в чей шатер меня определили — этого не помню.

Я передернула плечами под меховым одеялом и пошире распахнула глаза, скидывая остатки сна. Ёжик кот, что ж у меня все так несуразно получается? Пора заканчивать с валянием на княжких лежанках. Так-то и до беды недалеко. То, что я опять в господаревом жилище оказалась, — сомнений не вызывало. Слишком уж богатая обстановка для простого вояки. Свечи, освещающие мой временный приют, были, наверное, с руку толщиной. На полу пушистый пестроцветный ковер, жаровенка, приткнувшаяся в уголке низкого напольного столика, украшена чеканкой, да и травки, которые на ней глеют, не полушку стоят... Я потянула носом. Так и есть — арника. Недаром мне в эдакой духоте непростые сны являлись. Углядев на столике еще и плоское блюдо с оранжевыми сочными на вид плодами, я вообще взбодрилась. Слюна заполнила рот. Вот сейчас как соскочу с лежанки, как вопьюсь зубами в гладкий фруктовый бочок...

Пламя свечей заволокло дернулось, потянуло сквозняком. Чья-то рука отодвигала плотный полог шатра. Я замерла под одеялом. Так, на всякий случай.

— Лутона-а-а, — протяжно зашептал Михай с порога. — Ты спи-и-ишь?

— Конечно, — ответил негромко Влад. — Ты же на воскурения не поспешил вчера, щедрой рукой сыпал. Наша птичка до полудня будет пребывать в стране грез.

Сквозь неплотно прикрытые веки мне было видно, как валахи склонились над ложем. Сосредоточенные лица, умильные взгляды. Ну чисто мамыши, берегущие покой единственного чада. Я задышала ровнее. Удостоверившись, что я сплю, братчики уселись к столику и продолжили, видно, давно начатую беседу.

— Не слишком ли дорогой выкуп ты Сикису заплатил? — Перевертыш, судя по доносившемуся до меня бульканью, разливал по чаркам зелено вино.

— Да ну, брось, — всхотнул господарь. — Еще пара-тройка лет, и их великое проклятие само по себе потеряло бы силу. А так...

— Влад Дракон — избавитель! — торжественно провозгласил Михай. — За это и выпьем.

Чарки соприкоснулись с мелодичным звоном.

— Да и девочку старику не хотелось отдавать... Честно говоря, я снятие проклятия придерживал для следующего раунда переговоров. Но птица-синица того стоит.

— Хех. — Малорослик выдохнул: видно, ядреным пойлом они победу обмывают. — Кстати, что ты намерен с ней теперь делать?

Я наострила ушки.

— Денег дам и отпущу на все четыре стороны, — просто ответил князь. — Куда она там хотела? В Квадрилюм? Вот пусть и отправляется.

— Тут такое дело... — Михай явно с трудом подбирал слова. — Я третьего дня, пока ты с «тенями» по следу франков шел, на постоянный двор к ее друзьям наведывался...

— Иван-дурак и говорящая лепешка? Да уж, колоритные парни! С удовольствием познакомился бы.

— Уже не получится.

— Чего так? Зигги успел их оприходовать для опытов? Големы на службе Элорийского университета? — Господарь быстро хмелел; видно, основное винопитие проходило в другом месте и чуток пораньше. — Мэтр Кляйнерманн и его оловянные солдатики!

Перевертыш зашуршал какими-то бумагами:

— Полюбопытствуй.

— Что тут у нас? — равнодушно протянул Влад. — Пентаграмма — дешевка. Направление, ограничение... Смотри, для открытия портала требуется только одна стихия — огонь. Девочкин ветер — ни к селу ни к городу... Хотя... А, понял — хитренький

Зигги рассчитывал, что птица-синица сработает как усилитель его скромных способностей...

— Ты сможешь открыть для нее портал?

— Заменить огонь водой? — хмыкнул князь. — Это было бы интересно... Но печать запрета все еще жжет мои руки.

— Вот незадача! Не стоило тебе тогда с ректором вздорить...

— Во-первых, старый хрыч был неправ, — возразил Влад, шумно отхлебывая напиток. — А во-вторых, чего теперь сокрушаться — дело прошлое...

— Может, сила ветра?

— Брось! Она дитя совсем. Без инициации, без обучения... Нет, невозможно. Пусть уж лучше ждет своего шваба. Кляйнерманн на лунном скакуне...

— А что ты на это скажешь? — шлепнул по столу Михай.

— Это письмо, — пояснил господарь братчику. — Запечатанное.

— Ну так распечатай.

— А Лутоня узнает, что мы письма, ей адресованные, читаем, заругается.

— А мы незаметно обратно запечатаем.

— Как?

— Кто из нас великий колдун? Ты или я?

— Я, — неуверенно решил Влад. — Давай сюда.

Вот этого я уже стерпеть не смогла. Коршуном взвилась с лежанки и успела выхватить из княжских рук плотную трубочку послания. Восковая красная печать с изображением петуха свободно болталась на суконной нитке.

— С добрым утречком, — глупо хихикнул господарь. — А мы думали, ты спишь.

Я в ответ только зарычала, подковыривая ногтем вощеную завязку. Буквы прыгали перед глазами, не желая складываться в слова. А в голове назойливой мухой жужжала, не давая сосредоточиться, глупая мысль: какой такой конечностью дядюшка мог мне письмо настрочить?

Жалостливый малорослик молча пододвинул мне чарку. Я одним махом оприходовала содержимое, даже не ощутив вкуса напитка. Но острые иголки, пробежавшие по позвоночнику, разогнали оцепенение, и я наконец приступила к чтению.

«Здрава будь, девонька наша Лутонюшка». Хорошо начал, издалека... «Прости меня, дурака старого, что не исполнил зарока твоего, перед расставанием даденного». Дальше следовало строчек пять описания невыносимых страданий Колобка по этому поводу. У менее черствого человека эти каракули запросто могли вышибить слезы, я же хмыкнула, не вникая в смертные муки ушлого атамана. «Да только передали мне людишки верные, что лисица окаянная, по следу моему пущенная, не одна придет, а с соратниками. И понял я, что не с нашими рылами супротив лютых ворогов...» Вот ведь боян златоустый! Не послание — песнь, хоть сейчас под звонкий гусяной перебор напевай.

— Он сбежал? — подняла я глаза на Михая. — С Иваном?

Перевертыш молча кивнул, подливая мне новую порцию. Поверхность жидкости маслянисто переливалась в свете свечей. Я покачала головой и вернулась к чтению.

«Писано сего дня на постоялом дворе при рыночной площади Иваном без прозвания со слов...» Ага! А наш-то дурачок, оказывается, грамоте обучен. Никогда бы не подумала. «Для верной подруги и соратницы, девицы Яг...» Ёжкин кот! Я резко дернула локтем, чарка перевернулась, плеснув содержимым на письмо. Бормотуха зашипела и пошла

пузырями, начисто смывая чернильные буквы. То, что я Ягишна, кое-кому знать вовсе не обязательно.

Валахи одновременно вздрогнули от моих телодвижений.

— Еще и добро переводит, — укоризненно пробормотал Михай, но смолк, поймав мой тяжелый взгляд.

А я пребывала в таком раздрае, что даже слов никаких не находилось. Ну, положим, Колобка-то я понимаю. Когда вопрос о жизни и смерти стоит — своя рубаха завсегда поближе к телу будет. А мне-то теперь как? Бродить по дорогам, милостыньку кланчить, пока мой огневик не соизволит вернуться?

Я достала из-под лежанки холщовую суму, данную мне Мейерой, и выложила на стол один из витых рогов:

— На вот, принимай работу.

Господарь, пытаясь собрать в кучу разбегающиеся глаза, только хмыкнул:

— Себе оставь, это же просто повод был. Я и так заплачу за услугу.

— Знаю, — ответила я твердо. — Только договор дороже денег.

— Хорошо. — Влад поднялся из-за стола. — Михай рассчитается, мне пройтись надо...

Нетвердым шагом господарь вышел из шатра, не взглянув в мою сторону. Перевертыш вскочил следом:

— Погоди, сейчас вернусь.

Я осталась наедине со своими невеселыми думами.

Было жарко. В камине ревели пламя, душно чадили настенные светильники, плотные оконные занавеси не выпускали из помещения ни капельки животворного тепла. Ганиэль, устроившись за письменным столом, лениво перебирал кончиками пальцев глянцевые прямоугольники гадальных карт. Со стороны могло показаться, что хозяин кабинета отчаянно борется со скукой. Но это впечатление было обманчивым. Ганиэль никогда не скучал. Ведь что такое скука? Это лень разума, пустота, которой не может быть внутри высокоорганизованного существа. Да, путь к эталону непрост. Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. Смиренье плоти, ведущее к возвышению духа. Каждодневная тренировка ума...

— Трисветлый Ив позволит войти недостойному? — раздался от двери осторожный голос.

— Мне ли рассуждать о достоинствах, брат Ансельме? Входите.

Посетитель, устроившись в кресле напротив, отбросил на плечи капюшон и с довольным вздохом снял маску. Глазам Трисветлого предстало одутловатое лицо толстяка, с которого градом катился пот. Ганиэль внутренне поморщился — чужое несовершенство его оскорбляло. Собеседник, впрочем, ничего не заметил — прекрасные черты вещуна остались неподвижны.

— Элорийская коллегия разгромлена...

— Скорблю вместе с вами... — кивнул Ив. — Обвинение?

— Измена.

— Причина?

— Попытка открыть ворота отряду Урхана.

— Что ж, мы хотя бы попытались. — Тонкие пальцы Ива скрестились под подбородком. — Что с нашими людьми?

— Рассеяны по округе, братья Эмме и Ольдсен — казнены. Мне удалось бежать до того, как все наши порталы оказались заблокированы...

— Вы ловкий человек, брат.

— Моя жизнь еще пригодится нашему делу, — неуверенно ответил толстяк.

Трисветлый молчал так долго, что собеседник стал нервно поерзывать на стуле. Только треск каминного пламени нарушал тишину.

— Созерцайте, молитесь и исполняйте без колебаний, — наконец сказал Ив. — И да исчезнут с лица земли все неверные народы...

Ансельме грузно поднялся с кресла:

— О, благодарю, благодарю вас, Трисветлый, я не подведу...

Глаза толстяка удивленно округлились, кровь хлынула на одежду. Ив откинулся на спинку кресла, равнодушно наблюдая за его агонией. Из-за портьеры выскользнула гибкая фигура. Женщина держала в руке метательный нож — близнец того, который только что прервал жизнь брата Ансельме.

— Я правильно поняла твое молчание, мой господин? Этот человек был предателем?

— Ты слышала наш разговор? — Ив, как обычно, не затруднил себя ответом.

— Да, мой господин.

— Ты понимаешь, что только неожиданное преимущество позволит нам выиграть эту затянувшуюся войну?

Женщина низко поклонилась:

— Понимаю...

— Ну так иди и добудь мне големов, Хумэнь. Это твой последний шанс.

Лисица склонилась еще ниже:

— Повинуюсь...

— И вели кому-нибудь прибрать здесь беспорядок. Мне не нравится запах крови.

Трисветлый вернулся к прерванному занятию. Края гадальных карт слегка мерцали, когда к ним прикасались длинные белые пальцы вещуна.

Я носилась по князьему шатру, как хорек во время гона. У меня всегда так: если чего решу — исполнить надо незамедлительно. Бабушка говорит — «шило в одном месте покоя не дает», я говорю — «под лежащий камень и водица не просочится». Не получилось у меня погрузиться всласть, погрузиться, так сказать, в пучину отчаяния. Впрочем, как обычно. Быстро заскучала, пару раз всхлипнув для порядка да душераздирающе вздохнув. Как я себе при этом челюсть не вывихнула — большая загадка. Ну, еще пожалела себя несчастную, очень живо представив, как скитаюсь по бездорожью в рваном зипуне почему-то на голое тело; косые взгляды представила, шепоток за спиной. Но все же это уже было — ну, не считая зипуна. Было и прошло, и ни капельки не страшно. Денег мне Влад даст, он обещал, так что попрошайничать не придется. И ко всему — я не простая девка из Мохнатовки, я ведьма, хоть и не особо сильная. Морок накинута — и всех делов. Можно купеческую вдовицу из себя изобразить — одинокую такую, печальную, страдающую по безвременно ушедшему супругу и потому покинувшую дом родимый, чтоб ничто о потере не напоминало. Выберу на тракте постоянный двор попристойней, лошадушку прикуплю, буду жить-поживать на всем готовом и до весны прогулки конные совершать. Даже и учебу продолжу. А что, яблочного сидра в округе не имеется? Поставлю жбан в горенке, приманю свою демоницу, на занятия уговорю... Я так ясно представила себе всю эту картину, что уже начала прикидывать, сколько перьев да чернил мне в ближайшее время понадобится и

какие свечи лучше брать для освещения. Решено! Я шмыгнула носом и приступила к сборам. Вещей-то у меня немного, вот только отыскать их не помешает. Надеюсь, слуги господаревы и мою суму при переездах не позабыли. А то без блюдца своего непросто я как без рук. Придется еще в терем Славиславов пробираться — под лежанками в гостевых горницах шарудеть. Интересно, чем там вся затея с женихами обернулась. Выдал наш князь дочку младшенькую замуж или нет? А если выдал, то за кого? Надо обязательно у Ирвари спросить, она любит про всякие женильные дела сплетничать.

Притаившись среди кустов, желтогрудая зимняя птица терзала клювом кусочек мяса. Влад криво усмехнулся, став невольным свидетелем чужого пира. Наклонившись, он зачерпнул горсть голубоватого утреннего снега и с наслаждением умылся. Морозец гнал прочь хмельную одурь.

— Уж не захворал ли ты часом?

В голосе соратника слышалось сочувствие.

— Через пару дней как новенький буду.

— Много сил потратил? Докрасовался? Говорил тебе, надо дружинников своим ходом отправлять, а не с порталами баловаться...

— Ну чего ты квохчешь, как наседка? — с досадой отмахнулся господарь. — Своим вассалам положено неуязвимость демонстрировать, уверенность, а не слабости.

— Вот ты мне и показываешь, — хохотнул Михай. — И силу, и твердость, и...

Черной молнией метнувшись к братчику, Влад повалил того в снег:

— Уши надеру, волчара.

— Да я сейчас стаю кликну, — весело отбивался Михай. — Вот и посмотрим, кто кому чего надерет.

— А, все на одного! Нечестно!

Они возились в сугробе с азартом ершистых пацанов, выясняя, кто прав, а кто виноват, с помощью старой доброй драки. Как было когда-то в детстве. У каждого имелись свои хитрости и излюбленные приемы, изученные, впрочем, за годы их знакомства до тонкостей.

— Все, все, мир! — поднял руки Михай. — Ты победил! Будем считать, что мои уши уже пострадали.

— То-то же. — Влад отряхивал от снега плащ. — Будешь в следующий раз на своего господаря хулу возводить!

— Там к тебе посыльный от Трисветлого пожаловал, — сказал перевертыш, отдышавшись. — Я как раз за тобой шел, когда ребята его привели.

— Знак показал? — Голос господаря растерял всю веселость.

— Да, я смотрел, — кивнул Михай. — Очень похож на настоящий.

— Догадываешься, что вещунам от нас понадобилось?

— К гадалке не ходить, — грустно пошутил братчик. — Они сами за ней явились.

— Отдать Лутоню этим клоунам? — задумчиво проговорил Влад. — Пока Ив будет выяснять, куда подевалась настоящая Марианна, пока узнает, кому ворожка свои артефакты передала... Стоп! А может, у этого визита другая причина имеется?

Михай напрягся:

— Какая?

— Ты посыльного в чей шатер отправил? — не обратил внимания на вопрос Влад.

— В свой. У тебя же гостя.

— Замечательно. — Господарь хлопнул в ладоши. — Пойдем, послушаем, чем Трисветлому может помочь бедный валашский князь и его не менее убогий соратник. Разыграть гамбит мы всегда успеем.

— Не отдавай им девчонку, — неожиданно хрипло сказал Михай. — Очень прошу...

— Все еще не оставил мысли о браке? — голос Влада сочился ядом. — Роковая страсть? Представляю, какими глазами посмотрит на меня твоя матушка, когда ты притащишь ей из Рутении такую невестку. Мезальянс! Потомок древнего боярского рода и...

— Она на Вайорику похожа...

Дракон смолк, резко развернулся и широкими шагами отправился в сторону лагеря. Из кустов, расправившись с добычей, выпорхнула синица.

Поначалу я, конечно, старалась как-то соблюсти приличия — аккуратно ставила на место чужие вещи и даже не пыталась отпирать шкатулки и деревянные сундучки, установленные у стен шатра. Но своей старой дорожной сумы я нигде не находила, поэтому начинала терять терпение. Влад, неожиданно вернувшийся в свой шатер, нашел меня отчаянно скулящей по поводу обломанного ногтя. За полминуточки до этого я пробовала пострадавшими пальцами подцепить крышку самого увесистого сундука.

— Это обыск? — неприветливо спросил господарь. — Опять какую-нибудь фамильную реликвию стащить хочешь?

— Око за око, — подула я на руку. — Ты письмо не тебе писаное вскрыть пытался, я — твой сундук.

— Может, спросишь по-хорошему?

— Суму я свою ищу. Холщовая такая, косо выкроенная, у тебя под лежанкой в тереме валялась. Не видал?

— Как же, как же, — посветлел лицом князь. — Припоминаю...

Он нажал на незаметный глазу рычажок, и крышка сундука откинулась сама собой. В укладке обнаружили кипы каких-то бумаг, плотные денежные мешочки и моя холщовая пропажа, смотревшаяся инородно в эдаком окружении.

Я схватила свое. Влад, будто кролика за уши, вытащил два кошеля и с усмешкой протянул мне:

— Прими. За работу.

Я долго не ломалась:

— Благодарствуйте.

Прозрачная вода Серебряного озера приятно холодила ноги. Мейера сидела на берегу в полном одиночестве. Солнце давно перевалило за половину горизонта, погас обрядовый костер, врата беспомощно валялись на земле обычными палками, индрики разбрелись кто куда, занятые своими делами и заботами. Никто и не вспомнил о своей опозоренной жрице. И он тоже не вспомнил, тот, кто когда-то был для нее светом в окошке, глотком воздуха, путеводной звездой.

— Ты помнишь, как тебя звали раньше, женщина? — Шила подошел неслышно, присел рядом и точно так же, как и она, опустил в воду босые ноги.

— Нет, — смахнула набежавшую слезу мудрейшая. — Это было так давно...

- А я помню — тебя звали Айна.
- Это имя что-нибудь значило? — равнодушно спросила она.
- У любых слов есть значения.
- И что же?
- «Единственная». — Мальчишка болтнул ногой, вода помутнела. — Хорошее, сильное имя.
- Я его предала.
- Нет, просто оставила на время.
- Я не была сильной. Не была единственной, я не была даже мудрой. Все это время я делала то, что хотел от меня он. И что теперь? Одиночество и презрение. Даже ты перестал говорить со мной!
- Не плачь. — Тонкая мальчишеская рука обняла ее за плечи. — Я хотел, чтобы ты была счастлива. Помнишь, как ты в первый раз увидела своего мужа, как забилося твое сердце, как сладостно заняло внутри от предвкушения того, что уже на рассвете ты будешь принадлежать ему?
- Молодая была, — всхлипнула женщина. — Думала, весь мир смогу под себя переделать. Думала, наша любовь изменит глупые старинные обычаи, что буду для него навсегда... единственной. Я же и не отпустила тебя тогда только для того, чтоб милее ему казаться, чтоб послушание мое ему по нраву пришлось.
- Ты все еще любишь его?
- Не знаю. Еще утром я сказала бы тебе — «да». А теперь, после позора...
- Никакого позора, — мягко засмеялся Шила. — Ты во второй раз в своей жизни вышла замуж. Причем за того самого мужчину. В чем же бесчестие? Если хочешь, можешь заставить его жить с тобой, согласно обычаю, и он покорится. Ты еще сможешь родить ему детей — моя вода помогла тебе сохранить все женские качества.
- Поздно. Я уже не люблю Сикиса.
- То, что она произнесла вслух это имя, будто сбросило с ее души пудовый камень. Мейера ощутила невероятную легкость. Ей захотелось звонко расхохотаться, чтоб эхо ее смеха разнеслось по Заповедной пуще сотней серебристых колокольчиков.
- Ну вот ты и повеселела. — Шила отпустил ее плечи. — Я могу уходить.
- Нет, останься, — несмело улыбнулась мудрейшая. — Мы так давно не разговаривали...
- Мне нужно отпустить мальчика. Существование вне тела не идет ему на пользу.
- Тогда можно мне пойти с тобой?
- Ты правда хочешь этого?
- Да.
- Ты знаешь, что уже не сможешь вернуться?
- Знаю.
- А как же дети, твое племя, твой муж?
- Мои дети выросли, у них своя дорога, мой муж мне опротивел, а мое племя вполне справится без меня.
- Я хочу, чтоб ты была счастлива.
- Это возможно только с тобой.

— Как давно я этого ждал, Айна... единственная.

Шила проснулся на закате, потянулся, зевнул и резко вскочил на ноги. Около него на земле лежала Мейера. На лице мертвой колдуньи застыла счастливая улыбка.

Господарь продолжал рыться в своем сундуке с таким видом, будто давненько туда не заглядывал. До меня донесся запах засушенных роз. Влад, грустно улыбнувшись, достал на свет плотный пергаментный сверток. Хрустящие лепестки осыпались на ковер...

— Хочешь посмотреть на мою мачеху?

Я взглянула на рисунок.

— Кто художник?

— Я.

Портрет золотоволосой красавицы завораживал; казалось, он жил своей собственной жизнью. Холодное мерцание изумрудного платья подчеркивало теплый тон кожи, сияющие голубые глаза смотрели на меня с едва заметным лукавством.

— Хорошая работа, — сказала я почти равнодушно. — Ей понравилось?

— Нет. Я никому его не показывал. — Влад, кажется, слегка смутился. — Ты первая.

— Польщена. — Я отвернулась от господаря и продолжила сборы.

Денежки очутились в дорожной сумке, рядом я поставила еще одну — нажитую у индриков. Ну вот и все, я готова.

— Куда пойдешь? — Князь сосредоточенно рассматривал рисунок, видимо выискивая изъяны в своей работе. — Может, кликнем Михая, чтоб проводил?

— Сами с усами, — отмахнулась я, затыгивая кушак. — Только направление покажи, мне на тракт выйти надо.

— Сейчас. — Князь свернул пергамент и вернул его на место.

Хорошо еще, не стал с пола лепестки поднимать, чтоб зазнобу свою заново присыпать. А может, он каждый раз свежими розами портрет обкладывает? Мне-то все равно. Еще не хватало в княжеских причудах разбираться.

Я сосредоточенно поправила наплечные лямки, чтоб легче по снегу идти было.

— Ты собираешься в таком виде на люди показаться? — фыркнул Влад.

— А в чем дело? — Я начинала злиться.

— Девочка, ты когда на себя в зеркало-то смотрела? Да мои дружинники в ужасе разбегутся, как только узрят тебя на пороге моего шатра.

Я ринулась к туалетному столику, по дороге скинув на лежанку свою поклажу, сдернула прикрывающую зеркало светлую кисею и застонала. Чудище лесное! Мое лицо было всё в грязи множества оттенков — серой, бурой, коричневатой, а колтуны волос на голове видом походили на паклю.

— Воды, — прошептала я, с ужасом замечая, что губы мои, видно от соприкосновения с бормотухой, приобрели стойкий лиловый цвет. — И гребешок какой-нибудь дай.

Влад с широкой усмешкой выставил на столик фарфоровую миску, налил туда воды из кувшина — по-простому, не прибегая к колдовству. Следом всыпал несколько кристалликов ароматной соли из стоящей тут же коробочки. И гостеприимно повел рукой:

— Прошу.

Я стала истово умываться, мимоходом замечая, что вода в миске не ледяная, а чуть тепловатая, такой температуры, которая была приятна моей коже. Я промокнулась полотенцем и еще раз внимательно на себя посмотрела. Ничего! И хуже бывало. Синяков на лице не видать, и то хорошо. Чем еще порадовать? Ах да, зубы все на месте, да и количество глаз не уменьшилось.

Влад в это время привольно расселся на лежанке, вытянув ноги чуть не на середину шатра, и внимательно наблюдал за моими манипуляциями.

— Причесаться есть чем? — вопросительно подняла я брови.

— На столике посмотри.

Я решительно схватила гребень, ощутив ребристую поверхность украшающих его камней. Ну да, господарь же на дешевку не разменивается. Если уж безделушка, то литого серебра, если гадалка, то знаменитая, если мачеха, то такая красotka, что ни в сказке сказать... И соратники у него могучие да хитромудрые, и подданные непростые. Только вот я подкачала — трусь подле него незнамо кто. Пора, как говорится, и честь знать.

Спутанные волосы не поддавались, намертво опутав гребень. Я посильнее дернула и чуть не разревелась от боли. Что ж такое? Даже уйти красиво не могу! Бестолочь, кулема, неумеха!

— Помочь? — Голос злыдня был вкрадчив. — Ты же знаешь, у меня это неплохо получается.

Я всхлипнула и опустила голову. Чего уж там, пусть поможет напоследок. Длинные пальцы Влада привычно пробежались по моему затылку, разбирая прядки.

— Ты очень необычная девочка, — задумчиво проговорил господарь, приступая непосредственно к расчесыванию.

— И что же во мне необычное? — шмыгнула я носом.

— Способность оказываться в самой гуще событий, к тебе не относящихся, — ответил валах.

Ну да, а я уж подумала, что речь о моей неземной красе пойдет.

— Я не виновата, оно само, — пролепетала я в ответ.

— Я тебя и не виню. Но сейчас, птица моя, ты попала совсем уж в невообразимую передрагу.

Я молчала. А князь меж тем продолжил:

— Трисветлый Ив хочет големов.

И что я должна на это ответить? Зигфрид хочет големов, Квадрилиум мечтает о големах, Ив...

— А тебе, что ли, они без надобности?

— Вступать в борьбу с вещунами за право вдохнуть в кусочек глины жизнь? Нет уж, увольте. Есть дела и поинтереснее.

Влад засмеялся, продолжая работу. До слуха доносилось негромкое потрескивание, казалось, что по моим волосам от прикосновения гребня проходят искры.

— Теперь, когда Колобок бежал, на тебя начнется настоящая охота.

— А то я не знаю. Мне бы где-то около столицы чуток переждать, пока Зигфрид появится. Ну хотя бы до весны.

— Ну я бы на это не рассчитывал, — равнодушно ответил князь. — Ищейки Трисветлого найдут тебя где угодно.

— Так я не скажу ничего.

— Они будут потрошить твою память с таким искусством и настойчивостью, что ты не сможешь молчать.

А ведь прав злыдень. Супротив вещуньей своры шансов у меня нет. Я вспомнила фиолетовые глазищи одного недавнего знакомого, змеиный шепот из-под капюшона, холодное свечение колоды гадальных карт...

— Может, договор с Ивом какой заключить? Ну, вроде — я вам големов, вы мне — свободу.

— И думаешь, он отпустит тебя, чтобы ты сразу отправилась в Элорию с теми же самыми заклинаниями?

— Что же мне делать? — Я вдруг ощутила в голове просто невероятную пустоту, ни одной мысли, ни одного решения...

— Есть выход, — твердо сказал Влад. — Ты просто все забудешь.

И тут сквозь дурманящий аромат арники до меня донесся еще один, до боли знакомый запах. Гроза скоро?

Я изо всех сил попыталась скинуть со своей головы чужие руки. Да не смогла, тело не слушалось.

— Успокойся, птичка-синичка, — ласково проговорил злыдень. — Заклятие недвижности у меня с детства получается лучше прочих.

Заорать, что ли? Истошно, до боли в груди, до... Ага. И тут же на мои уста будет наложена печать молчания. Кащевы штучки! Слыхали.

Я скосила глаза. На пестроцветном ковре, в паре локтей от меня, сиротливо лежал литой серебряный гребень.

— Я даже не заметила, когда ты успел гребешки-то подменить.

— Ловкость рук и никакого колдовства, — с гордостью ответил князь. — Я еще тогда в зимнем саду заподозрил, что у тебя в хозяйстве пара-тройка старинных артефактов завалилась.

— И блюдо мое забрал?

— Нет, таких вещиц и у меня в избытке.

Мы помолчали. Влад продолжал размеренно расчесывать мои волосы. Кажется, он получал удовольствие от этого занятия. Я же ничего не чувствовала, с ужасом ожидая, когда колдовство подействует и я начну забывать. Мыслишка вертелась аховая: «Интересно, кто дядюшке смог сказать, что сами без Зигфрида мы портал не откроем? Ведь своим умом он вряд ли до такого додумался бы...» Я дышала ртом. По неподвижному лицу катились слезы.

— Не плачь, птица-синица, — напевно утешал меня господарь. — Без заклинаний докса Шамуила ты Иву будешь неинтересна. Я позабочусь, чтоб он больше тебя не донимал. А со временем все утихнет...

— Конечно, незачем главному рутенскому вещуну дурочка юродивая, — всхлипнула я. — Ты же длительность обряда не отмеряешь. Последнего ума меня лишить хочешь?

Князь остановился:

— Честно? Я и не знал. Чем отмеряют? Формулой? Может, подскажешь магические слова?

Я бы махнула рукой, если б могла.

— Да что угодно сойдет. Хоть скороговорка какая или потешка.

— Ну так говори, — скомандовал господарь. — Или...

Гребень в моих волосах продолжил движение. Что делать? Как от волшбы отклониться? Эх, была бы на моем месте бабушка! А я-то хороша. Даже и не расспросила Ягу, как ей забывания удалось избежать, какие такие хитрые приемчики ей в том помогали. Я же точно помню — чесала я ее косы заветным гребешком, слова бормотала, искры волшебные летели из-под пальцев. Эх, бабуля, поздно ты мне приснилась...

— Ты передумала? Я буду продолжать до момента, пока не удостоверюсь, что колдовство сработало. А я, как ты понимаешь, могу быть пристрастен в этом вопросе. Для меня лучше больше, чем меньше...

— Погоди! — взмолилась я. — Мне же прикинуть надо, сколько нужно забыть, до какого момента я помнить себя буду.

— Поторопись, птица моя. Времени у нас с тобой очень немного. Человек Трисветлого Ива вот-вот захочет посмотреть на маленькую рутенскую ведьму, которую видели в компании валашского князя. Михай, конечно, хорош в заговаривании зубов, но и его способностям есть предел. И не вздумай меня обмануть. — Злыдень будто прочел мои мысли. — Если у тебя в голове останется хотя бы тень воспоминания, они это почуют. И тогда все наши старания будут напрасны.

Когда меня бабуля доковы закорючки заставляла учить? Сколько же годков мне было? Мы как раз на пряничных человечках тренировались. Еще зима на дворе была, навроде этой — лютая да морозная. Так семь лет мне было или все-таки восемь? Сейчас даже и не упомяну...

До моего слуха донеслось бряцанье оружия. Караульщики на дворе с кем-то переговаривались.

— Начинай! — В голосе господаря звенел металл.

Эх, была не была! Я повиновалась. Дрожащие губы произносили слова детской считалки. И абсолютно безобидные звуки приобретали жуткий колдовской смысл.

«Белка прыгала-скакала». Р-р-раз!

Выбеливается замаранный кровью снежок, Марианна Алансон выдергивает из моей груди трехгранное лезвие...

«И на ветку не попала...» Два!

Я опускаю подол франкского платья, делаю шаг назад, кудесница Инесса прячет в шкатулку прозрачные слюдяные туфельки...

«А попала в царский дом...» Три!

Взлетает на законное место табличка элорийской эмбахады...

«Где сидели за столом...» Четыре!

Исчезают за кромкой леса нарядные стольноградские башенки...

«Царь, царевич, король, королевич...» Пять!

Из расползающейся во все стороны огненной пелены восстают бревенчатые стены придорожного трактира...

«Сапожник, портной...» Шесть!

Спиной вперед ковыляю я по дорожке, выложенной желтым кирпичом...

«Кто ты будешь такой?» Семь!

Лешачий морок, раскинутые руки Небесной пряжи, приметные заросли чертополоха. Огромный рыжий зверь глумливо щурится на меня из кустов, насаживая на колючки уже слегка сморщенные осенние яблоки.

«Ёжкин кот!» — думаю я за мгновение до того, как забыть о его существовании.

ЭПИЛОГ

Дарина летела сквозь ночной лес, как брошенный из пращи камень. Голые ветки кустов хлестали по бокам, пружиня от плотной серой шерсти. Мышцы ног, плеч, спины, напряженная стрела хвоста — все двигалось слаженно, в едином быстром ритме, доставляя ей ни с чем не сравнимое удовольствие. Выбежав на холм, Дарина подняла морду к полной ноздреватой луне и протяжно завывала: «У-у-у! Богиня ночи, серебристая Тзевана, благослови мою охоту-у-у! Пусть погоня будет радостной, а добыча сытной. Бойся меня, враг, бойся суку из рода Мареш... Выслежу, настигну, загрызу-у-у...» Горло мягко вибрировало в такт грозной песне, шерсть на загривке стояла дыбом. Сквозь привычные ночные запахи пробился еще один — густой, волнующий... Запах самца. Дарина чуть опустила голову, вбирая четкий след, заворчала, ощерившись на приближающуюся фигуру. Крупный серебристый переярок взбирался на холм осторожно, дружелюбно помахивая хвостом.

А потом была погоня. Задорная, злая, вымоленная полуночным камланием. И вырывалось из пасти горячее дыхание, и прогибался наст под невесомыми подушечками лап, и кружились, кружились снежные вихри... «Эх, лютень, морозный месяц. Что ж ты со мной делаешь? Зачем толкаешь на гон меня, почти старуху? — думала она, неплотно смыкая зубы на взъерошенном загривке молодого волка. — Пристало ли почтенным матронам с пацанвой баловать?» Волк жалобно поскуливал, признавая ее превосходство. Радость победы переполняла Дарину, а под шкурой уже жаркими ручейками разливалось вождление. «Такова уж она, суть волчья. Лучше и не бороться с ней, а отдаться песне бурлящей крови, запаху чужого разгоряченного тела. Ты же хочешь этого, серебристая?» И еще ниже опускалась к лесу проказливая луна, будто благословляя своих питомцев.

Утром было стыдно. Голова похмельно трещала, гудели натруженные мышцы... Дарина, поджав хвост, трусила к своей избушке, стараясь не оглядываться, не шарить взглядом по поляне. Привычно перекинулась в сених, потянулась всем телом, накинула на плечи рубаху и как была, босоногая, вошла в натопленную с вечера горницу.

Ее ночной соучастник уже был там, ожидал хозяйку.

— Эх, надо было тебя себе забрать, не отдавать сестрице, — начала Дарина весело, чтоб скрыть охватившее ее смущение.

В голубых глазах гостя зажглись лукавые огоньки:

— Ну ведь тогда домна Мареш не знала, от чего отказывается...

Она внутренне зарычала. Мальчишка!

— И зачем же зятек ко мне пожаловал, неужели только силу свою мужскую показать?

— Я хочу просить тебя вернуться в долину...

— С какой радости? Я одиночка и в стае жить не привыкла.

— А если я прикажу?

Он чувствовал свою власть над ней и над любым из оборотней-волков на много лиг вокруг. Но Дарина только фыркнула:

— Будем меряться, чей пропозит постарше будет? Нет у тебя надо мной слова.

Он, видимо, ожидал подобного ответа:

— Если я скажу, что в память о сестре?

Она охнула, будто от резкого удара в живот, когда он сдернул с лежанки покрывало. Там, свернувшись калачиком среди пуховых подушек, сладко спала... нет, это была не Вайорика, не ее любимая погибшая сестра, девочка-колокольчик. Волосы незнакомки были гораздо темнее, резче черты лица, но в первое мгновение этих различий не было заметно.

— Кто это?

— Я не могу тебе сейчас ничего рассказать. Для твоей и ее безопасности. Присмотри за ней. Она серьезно больна... И...

— И к тому же не оборотень? — возмущенно раздула ноздри Дарина. — Ты хочешь привести в стаю человека?

— Туда, где много волков, лиса не сунется, — непонятно ответил Михай. — Нам нужно на время спрятать ее от любопытных глаз.

— Нам? В деле опять замешан твой светлокожий змееныш? Хотя зачем я спрашиваю?! Всем давно известно, что ты без его позволения и зарычать не смеешь!

— Ты хочешь мне отказать? — спросил гость спокойно, переждав вспышку ее ярости.

Она остывала медленно, уже понимая, что никуда не денется — и приведет, и присмотрит, и в обиду никому не даст.

— Сам-то чего к матушке под крылышко девицу не определишь?

— В другом месте занят буду. На Златый брег идем. Слыхала?

Дарина кивнула. Слухи о близкой войне доходили даже до нее.

— Значит, опять...

На лежанке заворочались, девушка просыпалась. Высокий детский голосок лишний раз напомнил Дарине о сходстве незнакомки с сестрой:

— Братец Волчек, я пить хочу.

Михай опрометью выбежал в сени и поднес берестяной ковшик:

— Только маленькими глоточками пей, водица студеная.

Дарина скривилась. Ну чего это он над ней, как над младенцем, трясется? Или капризная девчонка уже под каблук грозного Михая загнала?

Тот, видя ее недоумение, прошептал одними губами:

— Сама поймешь...

Девушка осушила ковш буквально в два глотка, утерлась рукавом домотканой рубахи и улыбнулась хозяйке:

— Здоровы будьте, тетенька. Может, вы знаете, как меня зовут?

Глядя в полубезумные янтарно-карие глаза, домна Мареш начала понимать, какая болезнь приключилась с несчастной девчонкой.

— А что ж, братец не сказал? — ласково погладила она по волосам свою подопечную.

— Он говорил. — Девушка доверчиво наклонила голову. — Только я все время забываю... Имя такое сложное... Ва... Во... Нет, не упомяну.

Слезы заструились по бледным щекам.

Дарина вопросительно взглянула на Михая. Тот смущенно крикнул, покачав головой. Значит, даже имени своего бедняжка лишилась неспроста.

— А нам в таком важном деле мужики без надобности, — решительно проговорила Дарина. — Мы сейчас с Михаем попросимся. Видишь, как он на пороге переминается? Небось побыстрее по своим важным и неотложным делам бежать хочет. Так мы его и отпустим. Потом умоемся, позавтракаем чем-нибудь горячим...

Девушка почти дремала, успокоенная монотонной речью хозяйки. Послушно склонилась над рукомойником, промокнула лицо тканым полотенцем, присела на лавку. Михай

подбежал, схватил ее за руки, жарко поцеловал ладошки, счастливо улыбнулся Дарине и исчез. Домна Мареш подавила неуместную ревность. То, что ночью между ними было, — это волчье, звериное и в человеческую жизнь мешаться не должно. Подопечная, не поднимая взгляда, тихонько сидела за столом. Жалость полоснула Дарину, будто нож.

— Я буду говорить долго. Я извлеку из своей памяти все имена, которые хоть когда-нибудь слышала. И не замолчу до тех пор, пока ты сама не выберешь себе то, которое больше понравится.

Бледное личико озарила улыбка:

— Только пусть мое имя начинается на «Л».

Волчица улыбнулась в ответ и согласно кивнула.

Примечания

1

Слишком много поваров только портят кашу.

2

Нельзя сделать омлет, не разбив яиц.